ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

УДК: 343 (575.3) (076)
ББК: 67.408
О - 63

ОРАЛБАЕВ ХАМЗА ХАЙДАРОВИЧ

УГОЛОВНО - ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки)

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
доктор юридических наук, профессор
АЗИЗЗОДА УБАЙДУЛЛО АБДУЛЛО

ДУШАНБЕ – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ…3-4

ВВЕДЕНИЕ……..…….……...…..5-20

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БАНДИТИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И СТРАНАХ СНГ.……..…….……..…….…..……..…21-61

1.1. История становления и развития уголовной ответственности за бандитизм в Республике Таджикистан …….…...…..21-48

1.2. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства о бандитизме по законодательству Республики Таджикистан и стран СНГ.....……48-61

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН…….……...…62-109

2.1. Объект и объективная сторона бандитизма в Республике Таджикистан……..….……..……62-90

2.2. Субъект и субъективная сторона бандитизма в Республике Таджикистан……...…….…...…..90-102

2.3. Проблемные вопросы отграничения бандитизма от смежных составов преступлений……..……...…….102-110

ГЛАВА 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН..…….……..…....111-150

3.1. Характеристика бандитизма как преступной организации……..….....111-129

3.2. Причины и условия бандитизма в Республике Таджикистан…….…....129-138

3.3. Криминологические меры профилактики бандитизма в Республике Таджикистан…….138-150

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..……...…….…...…….151-155

РЕКОМЕНДАЦИИ……..…….……...…….156-158

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКИ)…….……..……...……159-182

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

РТ – Республика Таджикистан

РФ – Российская Федерация

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СНГ – Содружество Независимых Государств

ТаджАССР – Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика

ТаджССР – Таджикская Советская Социалистическая Республика

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ТуркАССР – Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

УК РТ – Уголовный кодекс Республики Таджикистан

УК ТаджССР – Уголовный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УК РСФСР – Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УК РК – Уголовный кодекс Республики Казахстан

УК РУ – Уголовный кодекс Республики Узбекистан

УК РБ – Уголовный кодекс Республики Беларусь

УК РА – Уголовный кодекс Республики Армения

УК РМ – Уголовный кодекс Республики Молдова

УК АР – Уголовный кодекс Азербайджанской Республики

ЧДК – Чрезвычайная диктаторская комиссия

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

МГБ – Министерство государственной безопасности

ВОВ – Великая Отечественная война

БНСР – Бухарская Народная Советская Республика

УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ВЦИК – Всеросийский Центральный Исполнительный Комитет

ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия

ГУББ – Главное управлениние по борьбе с бандитизмом

ОВГ – Организованная вооруженная группа

ОПФ – Организованное преступное формирование

ОПГ – Организованная преступная группа

СМИ – Средства массовой информации

г. – год

г.г. – годов

др. – другие

и т.д. – и так далее

и т.п. – и тому подобное

п. – пункт

п.п. – пунктов

ст. – статья

т.е. – то есть

т.к. – так как

ч. – часть

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность (предмет) исследования определяется тем, что в круге важнейших проблем современности одно из важных мест занимает рост организованной преступности. Это придаёт несомненную остроту изучению этой проблемы, особенно на территории бывшего Союза ССР, в частности в Республике Таджикистан как постсоветском государстве, где начали формироваться совершенно новые общественные отношения, которые параллельно сопровождались сложными, а порой и опасными событиями. В этой связи необходимо указать, что процесс становления и развития демократических основ и правового государства в Республике Таджикистан в силу различных внутренних и внешних факторов отнюдь не был безопасным. Как правило, в современных условиях, независимо от положительных тенденций, связанных с формированием демократического и независимого государства и развитием различных общественных и государственных институтов страны, к сожалению, имеет место отрицательная тенденции роста организованной преступности, которая представляет реальную угрозу для дальнейшего развития данных институтов. Необходимо указать, что наиболее опасным видом проявления организованной преступности, как показывает практика, является бандитизм, потребность противодействия которому все более актуализируется.

Более того, опасность бандитизма на современном этапе выражается, прежде всего, в том, что он «сопрягается с незаконными жестокими способами передела собственности и сфер криминального влияния», что наглядно подчеркивается весьма противоречивыми и неблагоприятными тенденциями его развития. В условиях РТ это проявляется в этническом, религиозно-идеологическом и экстремистском характере.

В этой связи изучение уголовно-правовой и криминологической ситуации бандитизма в РТ приобретает особую актуальность. Данная проблема вызывает потребность в научном, теоретическом и практическом исследовании ее насущных вопросов в комплексе мер и средств ограничения, профилактики и

противодействия бандитизму, которые, на наш взгляд, имеют как региональное, так и мировое значение.

Следует обратить внимание на тот факт, что статистика уголовных деяний и правонарушений всего этапа, начиная с начала 90-х годов XX века, свидетельствует о выраженной тенденции уменьшения и увеличения количества зарегистрированных или взятых на учет организованных преступных групп и числа совершенных ими преступных деяний. Это характерно как для последнего десятилетия XX века, так и для последних 10 лет в Таджикистане. Отметим, например, что число преступных деяний, квалифицированных как бандитизм, составило: в 2011 г. – 5, 2012 г. – 9, 2013 г. – 4, 2014 г. – 12, 2015 г. – 7, 2016 г. – 1, в 2017 г. – 3, в 2018 г. – 14, в 2019 г. – 5, в 2020 г. – 9, 2021 г. – 8.

Выявляется, например, что в судах РТ дела о бандитизме за исследуемый период рассматриваются очень редко. Более того, исследование показало, что при квалификации дел в судах вместо реальной совокупности этого вида с другими видами преступных деяний даются разные интерпретации. Например, действия членов банды в большинстве случаев квалифицируются то - как убийство, то - как разбой и вымогательство, то - как терроризм, преступные деяния террористического характера и т.п.

Анализ фактов показывает, что по некоторым делам за бандитизм осуждаются судами до 25 человек, а иногда и больше. Это обуславливает рост числа осужденных за бандитизм, но не свидетельствует об увеличении количества рассмотренных дел в судах. И, несомненно, их формы проявления усложняются, их квалификация как у других видов тяжких преступных деяний (умышленные убийства, разбой, захват заложников, терроризм, преступные деяния террористического характера и т.д.) приобретает массовый характер. Банды укрупняются не только количественно, но также имеют качественный рост и техническое преимущество, что в совокупности конкретно указывает на всеохватывающие масштабы бандитизма как организованной преступной деятельности.

Степень изученности научной темы. В таджикской правовой науке

последних десятилетий проблемы уголовно-правового и криминологического анализа бандитизма в той или иной степени стали предметом исследований А.А. Абдурашидова[1], В.А. Абдухамитова[2], У.А. Азизова[3], А.Н. Алиева[4], Н.И. Ахметова[5], З.Х. Зокирзода[6], З.А. Камолова[7], Дж.З. Маджидзода[8], И.Т. Махмудова[9], Ф.А. Мирзоахмедова[10], Р.Х. Рахимзода[11], А.И. Сафарзода[12], Х.С. Сафарзода[13], Г.С. Сатторова[14], Ш.Л. Холикова[15], Х.Д. Хошимова[16], Т.Ш. Шарипова[17], С.Ш. Шаропова[18], Р.Р. Юлдошева[19] и др.

---

[1] См.: Абдурашидов А.А. Наказания по уголовному законодательству Республики Таджикистан (эволюция и современное состояние): дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011. – 190 с.

[2] См.: Абдухамитов В.А. Уголовная ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования: на материалах РТ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2009. – 24 с.

[3] См.: Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: дис. … д-ра юрид наук. – Душанбе, 2015. – 413 с.; Азизов У.А. Развитие уголовного законодательства Республики Таджикистан. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 152 с.; Азизов У.А. Становление советского права и некоторые особенности развития институтов преступления и наказания в Бухарской Народной Советской Республике // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 3/4 (170).

[4] См.: Алиев А.Н. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, совершаемой членами организованных преступных формирований (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Люберцы, 2013. – 29 с.

[5] См.: Ахметов Н.И. Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц (по материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан): дис. … канд. юрид. наук. – М., 1995. – 229 с.

[6] См.: Зокирзода З.Х. Конфискация имущества как вид уголовного наказания: дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2020. – С. 26 – (На тадж. яз.); Зокиров З.Х. История развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о конфискации имущества // Вестник ТНУ. – 2016. – № 2/6 (210). – С. 234-241.

[7] См.: Камолов З.А. Система наказаний по Уголовному кодексу Республики Таджикистан: дис. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – 193 с.

[8] См.: Маджидзода Д.З. Назаров Н. Организованная и транснациональная преступность (на тадж. яз.). – Душанбе, 2014. – 268 с.

[9] См.: Махмудов И.Т. Теоретические основы и научно-практические проблемы прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 37 с.

[10] См.: Мирзоахмедов Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 194 с.

[11] См.: Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по обеспечению экономической безопасности Республики Таджикистан: проблемы теории, методологии и практики (историко-правовой и общетеоретический анализ): дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2018. – 581 с.; Рахимзода Р.Х. Уголовно-правовая, криминологическая и оперативно-розыскная характеристика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономики: монография. – Душанбе: УМТВС МВД РТ, 2014. – 120 с.

[12] См.: Сафарзода А.И. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности в Республике Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2018. – 396 с.; Сафаров А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 229 с.

[13] Сафарзода Х.С. Предупреждение вовлечения молодежи в экстремистские организации: метод. пособие. – Душанбе: Академия МВД Республики Таджикистан, 2017. – 31 с.

[14] См.: Сатторов Г.С. К вопросу о новом Уголовном кодексе Республики Таджикистан / Г.С. Сатторов // Государство и право. – Душанбе, 1999. – №2. – С. 71-74.

[15] См.: Холиков Ш.Л. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2018. – 178 с.

[16] См.: Хошимов Х.Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – 20 с.

[17] См.: Шарипов Т.Ш. Условное освобождение от отбывания наказания: проблемы теории, законодательства и

В Российской Федерации вопросы уголовно-правовой и криминологической характеристики бандитизма были исследованы в работах ученых А.М. Абдулатипова[20], С.В. Борисовой[21], Г.Ф. Бурчака[22], Л.Д. Гаухмана[23], П.И. Гришаева[24], А.И. Гурова[25], А.А. Игнатьева[26], И.Я. Козаченко[27], В.С. Комиссарова[28], Ю.Б. Мельниковой[29], А.Е. Меркушева[30], Ж.В. Островских[31], А.А. Пионтковского[32], О.А. Поповой[33], У.Т. Сайгитова[34], Т.Д. Устиновой[35], Л.Г. Хулаповой[36], А.В. Шеслера[37] и др. Вышеназванные авторы, безусловно, внесли весомый и достойный вклад в изучение проблем бандитизма. При изучении

практики (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2008. – 56 с.

[18] См.: Шаропов С.Ш. Корыстные преступления и организованная преступность. Проблемы борьбы. – Душанбе: Ирфон, 1995. – 192 с.

[19] См.: Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.): научно-практическое пособие. – Душанбе: Изд-во «КОНТРАСТ», 2018. – 320 с.

[20]См.: Абдулатипов А.М. Современные аспекты противодействия бандитизму и экстремизму / А.М. Абдулатипов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – №3. – С. 94-99; Абдулатипов А.М. Виктимологические проблемы противодействия бандитизму / А.М. Абдулатипов // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: сб. материалов круглого стола, посвященного 10-летию образования филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по СКФО (г. Ставрополь, 28 июня 2013 года). – Ставрополь: Изд-во «АГРУС» Гос. аграр. ун-та, 2013. – С. 8-20.

[21] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 189 с.; Борисова С.В. Проблема отграничения бандитизма от смежных составов преступлений и проблема квалификации деяний, совершаемых в процессе бандитизма / С.В. Борисова // Вестник МГЛУ. Серия «Право». – 2005. – Вып. 508. – С. 18-24.

[22] См.: Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – Киев, 1969. – 216 с.

[23] См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «ЦентрЮрИнформ», 2010. – 559 с.

[24] См.: Гришаев П.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник. - М.: Юрид. лит., 1988. – 608 с.

[25] См.: Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность // Социальные, правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью: пособие для слушателей народных ун-тов. – М.: Знание, 1992. – 80 с.; Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юрид. лит., 1990. – 304 с.

[26] См.: Игнатьев А.А. Особо опасные государственные преступления. – К.: КВШ МВД СССР, 1975. – 66 с.

[27] См.: Козаченко И.Я. Уголовное право (Особенная часть): учебник: в 2-х тт. Т. 1. – М.: Юрайт, 2016. – 442 с.

[28] См.: Комиссаров В.С. Бандитизм и другие тяжкие преступления против общественной безопасности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 218 с.; Уголовное право РФ (Общая часть): учебник. – М., 2012. – 879 с.; Комиссаров В.С. Уголовная ответственность за бандитизм: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1983. – 22 с.

[29] См.: Мельникова Ю.Б. Уголовная ответственность за бандитизм. – М., 1995. – 32 с.

[30] См.: Меркушев Е.А. Внимание: банда // Человек и закон. – М., 1997. – №4. – С. 31-34.

[31] См.: Островских Ж.В. Бандитизм как форма проявления организованной и профессиональной преступности: характеристика и предупреждение / Ж.В. Островских // Рос. следователь. – 2013. – №11. – С. 12-15.

[32] См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: Преступление. Часть общая: в 6-ти т. Т. 2. – М.: Наука, 1970. – 516 с.

[33] См.: Попова О.А. Проблемы дифференциации ответственности за бандитизм (Исторический и уголовно-правовой аспекты): дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 184 с.

[34] См.: Сайгитов У.Т. Современный бандитизм: проблемы противодействия: криминол. исслед. – Махачкала: б.и., 2004. – 73 с.

[35] См.: Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ): монография. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. – 192 с.

[36] См.: Хулапова Л.Г. История уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в Турк. ССР: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ташкент, 1972. – 23 с.

[37] См.: Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности: монография / М-во внутр. дел России. Сиб. юрид. ин-т. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 177 с.

трудов указанных авторов нами был проведен соответствующий анализ, а также систематизированы отдельные специальные аспекты рассматриваемой проблемы.

В последние годы всё большую актуальность приобретают работы ученых, посвященные борьбе с бандитизмом, не только в РФ, но и в соседних с РТ республиках (например, в Республике Казахстан (далее – РК) это О.В. Вербовая[38], С.А. Зулхарнаев[39], в Кыргызской Республике (далее – КР) это такие ученые как Б.С. Белеков[40], А.З. Джакупбеков[41], А.Ж. Каримбеков[42]), которые имели и важное методологическое значение для проведения настоящего диссертационного исследования.

Но до сих пор в РТ нет работ монографического уровня по бандитизму в целом, за исключением диссертационного исследования Б.Ш. Сайдамирова[43]. Отметим, что указанная работа была выполнена в основном на материалах, датированных началом и второй половиной 90-х годов прошлого века. Исследованные в работе уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом до сих пор неоднозначны и вызывают дискуссии. После принятия УК РТ 1998 года имеется 24-летний опыт его применения, а после заключения межтаджикского перемирия и завершения работы Комиссии по национальному примирению в 1997-2000 годах, в процессах, связанных с бандитизмом в Таджикистане, безусловно, наступил новый этап, который требует также своего осмысления.

Связь исследований с программами (проектами) и научной тематикой.

Диссертационное исследование осуществлено в рамках темы научно-исследовательской работы кафедры уголовного права и противодействия коррупции юридического факультета Таджикского национального университета:

---

[38] См.: Вербовая О.В. Уголовно-правовая борьба с бандитизмом / Ин-т междунар. права и междунар. бизнеса «ДАНЕКЕР». – Алматы: Данекер, 2002. – 220 с.

[39] См.: Зулхарнаев С.А. Уголовно-правовая борьба с бандитизмом и пути повышения ее эффективности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Алматы, 2004. – 25 с.

[40] См.: Белеков Б.С. Методика расследования бандитизма (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 207 с.

[41] См.: Джакупбеков А.З. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования бандитизма (по материалам Кыргызской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2010. – 223 с.

[42] См.: Каримбеков А.Ж. Уголовно-правовые и специально-профилактические меры борьбы с бандитизмом (по материалам Кыргызской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1999. – 180 с.

[43] См.: Сайдамиров Б.Ш. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом (по материалам Республики Таджикистан): дис. … канд. юрид. наук. – СПб, 2002. – 165 с.

«Уголовно-правовая политика Республики Таджикистан в современный период развития».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Цель исследования. Определяя цель диссертационного исследования, основное внимание уделялось вопросам уголовно-правовой и криминологической характеристики бандитизма как разновидности организованной преступной группы. Все вопросы рассмотрены с применением историко-правовых, уголовно-правовых и криминологических позиций. Основная цель в диссертационном исследовании состоит в попытке раскрытия понятий банды и бандитизма, определении объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны бандитизма. В работе также проведены необходимые обозначения соотношения бандитизма с институтом соучастия, используя при этом определения необходимого отличия (отграничения) бандитизма от ряда смежных (схожих) составов, в частности, от разбойного нападения, незаконного вооруженного формирования, захвата заложников, терроризма, преступных деяний террористического характера.

Задачами исследования являются осуществление историко-правового и сравнительно-правового анализа бандитизма в Республике Таджикистан и странах СНГ; осуществление уголовно-правовой характеристики бандитизма в РТ посредством раскрытия объекта и объективной стороны бандитизма в РТ; субъкта и субъективной стороны бандитизма в РТ; выявление и анализ проблемных вопросов отграничения бандитизма от смежных составов преступлений; анализ криминологической характеристики бандитизма в РТ путем раскрытия характеристики бандитизма как преступной организации, выявление причин и условий бандитизма в Республике Таджикистан, криминологических мер профилактики бандитизма в Республике Таджикистан.

Важной задачей исследования явилось изучение практики применения ст. 186 УК РТ с классификацией наиболее типичных (распространенных) причин,

которые приводят к неправомерному проведению квалификации состава этого вида преступного деяния со стороны сотрудников правоприменительных органов.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере реализации правовой нормы о бандитизме, устанавливающие меру ответственности за этот вид преступного деяния и меры противодействия ему как разновидности организованной преступности.

Предметом исследования являются состояние, структура, динамика и тенденции распространения бандитизма, законодательная доктрина и практика противодействия бандитизму, причины, которые порождают разночтения в доктринальном и правоприменительном толковании положений, закрепленных в уголовном законодательстве РТ (ст. 186 УК РТ) с историко-правовых, уголовно-правовых и криминологических (специально-профилактических) позиций.

Этап, место и период исследования (исторические рамки исследования). В рамках данного диссертационного исследования изучается социальная обусловленность уголовной ответственности за бандитизм. Следует отметить, что в диссертации исследуется регламентация ответственности за бандитизм, а также с использованием сравнительно-правового метода анализируется законодательство государств-участников СНГ о борьбе с бандитизмом. Период диссертационного исследования охватывает 2011-2021 гг.

Теоретические основы исследования. Теоретической основой исследования составляют научные разработки ведущих таджикских ученых и ученых других стран СНГ – юристов в области теории и истории права, уголовного правового цикла, других отраслей права. В работе широко использованы монографическая и учебная литература, публикации периодической юридической печати по проблемам бандитизма и смежных (схожих) составов преступных деяний в РТ и других странах СНГ. На основании учета и анализа мнений практических работников правоприменительной системы РТ был сделан ряд выводов диссертационного исследования.

Методологическую основу исследования образовали общенаучный диалектический метод познания процессов и явлений в целом и системный

подход в исследовании бандитизма как вида организованной преступности. В написании работы использовались различные методы, в частности, историко-правовой, структурный подход, социологический (включая частные методы анкетирования, интервьюирования, опроса и изучения документов). Широко был использован также сравнительный метод и др., что позволило рассмотреть тему исследования в комплексном виде, и соответственно дало возможность выработать предлагаемые выводы и рекомендации.

Эмпирические предпосылки. Эмпирическую базу исследования составили материалы, полученные из сформулированных теоретических положений и выводов, а также практических предложений, направленных на повышение эффективности реализации уголовно-правовых средств и криминологических мер противодействия бандитизму.

Диссертация содержит опубликованные статистические данные о количестве совершенных бандами преступных деяний за годы независимого развития РТ, а также данные результатов эмпирических исследований ученых-юристов, исследовавших в своих трудах проблемы бандитизма, иных видов организованной преступности.

Научная новизна исследования. В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка монографического, комплексного исследования историко-правовых, сравнительно-правовых, уголовно-правовых и криминологических (специально-профилактических) проблем борьбы и противодействия бандитизму в РТ.

На защиту выносятся следующие научные положения, которые в целом считаются научной новизной данной диссертации:

I. Предложения теоретического характера:

1. Анализ уголовных дел о бандитизме доказывает, что характерные черты, способы и особенности деятельности бандформирований на современном этапе имеют стабильную тенденцию к большему усложнению и охвату сфер влияния и деятельности, качественному и количественному росту членов банд, которые достигают порой таких ступеней организованности и сплоченности, что

приобретают всеобъемлющий и глобальный характер. Это выражается также в том, что, во-первых, члены банды совершают не просто нападения на граждан и организации, но всё более изощренно совершают и другие виды преступных деяний. Объективная сторона данных преступных деяний не включает в себя нападение, чем достигается большая эффективность в достижении поставленной перед бандой цели; во-вторых, бандитизм сегодня характеризуется возрастанием сложности и форм не только и не столько насильственного характера, сколько корыстного характера, что также проявляется в различных способах захвата собственности.

2. Объективный статистический анализ бандитизма призван выступить исходной посылкой для определения реального состояния уголовно-правовой борьбы с бандитизмом, но на данный момент, при современном учете преступности, он не отражает всей сложности криминологической ситуации борьбы с бандитизмом, как видом организованной и профессиональной преступности, где официальные данные являются отражением того факта, по каким статьям УК РТ возбуждаются и расследуются уголовные дела, так как уголовные дела по этим статьям возбуждаются и расследуются в большей части по другим, смежным с бандитизмом, составам преступлений, таким как групповой вооруженный разбой, групповое вымогательство и т.д., что влечет на практике искажение данных официальной статистики по фактам совершения бандитизма, а в конечном итоге - искусственному занижению количества преступлений, совершаемых бандитскими группами. Следует отметить, что совершаемых фактов бандитизма в несколько раза больше, чем официально регистрируемых фактов таких преступлений. Это означает, что бандитизм как организованная преступная деятельность носит как конспиративный, так и латентный характер.

II. Предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства:

1. Для профилактики и пресечения бандитизма и раскрытия совершенных конкретной бандой преступных деяний, с целью выявления непосредственных

участников и определения их ролей в ходе нападения, на наш взгляд, было бы целесообразно обозначить наличие в УК РТ «правовой возможности стимулирующей нормы по освобождению от уголовной ответственности». Например, следует предусмотреть, путем внесения в ст. 186 УК РТ соответствующего изменения и дополнения, освобождение от уголовной ответственности за участие в банде, при котором если участник банды добровольно прекратит участие в ней, а также сообщит органам власти о деятельности данной банды, то он освобождается от уголовной ответственности за бандитизм, если при этом его действия не содержат признаков иных составов преступного деяния, предусмотренного в Особенной части УК РТ.

2. По мнению диссертанта, за последние несколько лет заметно вырос специальный (особый) статус участников бандформирований, в особенности, их руководителей, что выражается в качественном и количественном росте среди участников банд людей, которые занимали ответственные должности. В связи с этим считаем настоятельно необходимым существенно расширить такой квалифицирующий признак бандитизма, как «использование своего служебного положения», а также квалификацию указанной статьи дополнить признаком «использование своей специальной подготовки», которые, безусловно, должны быть признаны в законодательном порядке отягчающими обстоятельствами по статье «Бандитизм» и по уголовным делам о бандитизме.

3. В настоящее время нужно не только законодательно закрепить норму об уголовно-правовом компромиссе в борьбе с бандитизмом путем дополнения ст. 186 УК РТ примечанием, где были бы указаны основания освобождения от уголовной ответственности участника банды за деяния, предусмотренные в диспозиции указанной статьи, но и, с учетом изложенных в предыдущих пунктах статьи элементов новизны, сформулировать и принять новую законодательную редакцию:

«Ст. 186. Бандитизм

1. Создание банды, т.е., организованной вооруженной группы с целью нападения на граждан или организации, а равно руководство такой бандой

(организованной вооруженной группой),

– наказывается…».

2. Участие в банде (организованной вооруженной группе) – наказывается…».

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или с использованием своей специальной подготовки,

– наказываются ...».

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные при опасном или особо опасном рецидиве,

– наказываются ...».

На наш взгляд, это будет в большей мере соответствовать объективной реальности и отвечать потребностям правоприменительной практики, что, безусловно, будет направлено на совершенствование уголовно-правовых и криминологических (специально-профилактических) мер борьбы с бандитизмом.

4. С криминологической позиции бандитизм на современном этапе в РТ подвергся количественным и качественным изменениям, которые наряду с изменениями в социальной сфере, методах и способах деятельности, технической оснащенности банд, выражаются, например, в том, что количественная дифференциация между бандами увеличивается, с дальнейшей тенденцией уменьшения малочисленных (2-3 чел.) с сохранением прежней доли средних (4-6 чел.), увеличения доли многочисленных (более 7 чел.) групп в общем числе банд сообразно их кадровому составу, технической оснащенности, владению и управлению ими.

Классификация банд, проведенная в исследовании в соответствии с их качественным и количественным составом, показывает, что среди банд наиболее выявляемыми остаются смешанные банды (наличие судимых и несудимых), доля которых в общем числе изученных банд превышает 51,2 %. Имеют рост и банды, участниками которых являются лица, ранее не судимые (выявление в целом 35,2%). Среди банд наименее выявляемыми на современном этапе остаются

банды, которые называют профессиональными, составленные исключительно из лиц, ранее подвергнутых осуждению (13,6%).

5. Личность участника банды в 2011-2021 г.г. в РТ, безусловно, является однотипной с личностью вооруженного преступника, и для него характерно наличие навыков и умений в обращении с оружием со всеми последствиями, причиной чему до сих остаются последствия вооруженной гражданской войны в РТ. Кроме того, что по возрасту участники банд на современном этапе на 15-20 лет старше участников гражданской войны, они имеют и свои специфические особенности, которых, на наш взгляд, три: 1) его мотивация основана на корысти; 2) совершение преступных деяний в составе банды – его основная форма жизненной деятельности; 3) он в социально-правовом и нравственно-психологическом значении деформированный человек.

6. Факторы, детерминирующие бандитизм в РТ, на наш взгляд, следует сгруппировать в шесть групп: а) экономического; б) социально-психологического; в) социально-политического; г) организационно-правового характера, которые соответственно вытекают из проблем, недостатков и упущений в этих сферах жизнедеятельности общества; д) фактор роста криминогенности общества, причем во многом бесконтрольного, что является соответственно порождением негативного действия вышеотмеченных четырех факторов; е) фактор виктимности, характерный для поведения потерпевших, ставших жертвами банд, усугубленный, в особенности, социально-нравственными катаклизмами в переходный период развития государства и общества.

Представляется, что отмеченные факторы, детерминирующие бандитизм в Таджикистане, как выявленный причинный комплекс, являются подспорьем, и в том числе для проведения необходимых исследований теоретико-методологического характера, разработок, в сочетании с конкретными мерами, профилактических мер бандитизма в практической деятельности как правоприменительных органов, так и всего общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что рассмотренные в работе вопросы являются актуальными и практически

востребованными, в особенности в Таджикистане, а в диссертационном исследовании автором предложен ряд вариантов решения ранее не изученных или малоизученных вопросов состава и проведения квалификации бандитизма, что, несомненно, будет способствовать развитию и углублению системы знаний о таком виде преступного деяния, как бандитизм, который приобретает всё более организованный вооружённый характер.

Кроме того, теоретическая и практическая значимость исследования определяется возможностью подготовки по результатам настоящей работы положений и предложений по развитию и совершенствованию уголовного законодательства и его применения, в особенности при проведении квалификации бандитизма и смежных (схожих) преступных деяний. Также положения и предложения, изложенные в работе, подлежат использованию в практической деятельности правоприменительных органов в их профилактической работе и в противодействии бандитизму как разновидности организованной преступности.

Результаты проведенной работы могут стать объектом использования в учебной и педагогической, а также научно-исследовательской деятельности, для развития и конкретизации норм Общей и Особенной частей уголовного права и криминологии, связанных с изучением вопросов противодействия бандитизму.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена эмпирической базой исследования, которые получены из сформулированных теоретических положений и выводов, а также практических предложений, направленных на повышение эффективности реализации уголовно-правовых средств и криминологических (специально-профилактических) мер противодействия бандитизму по материалам РТ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Предмет и содержание исследования соответствует паспорту специальности: 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, утвержденному Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Личный вклад соискателя учёной степени. В ходе проведенного исследования автор диссертации в достаточной степени исследовал международно-правовые акты, исторические источники, уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств и Республики Таджикистан об уголовной ответственности за бандитизм. Основные идеи, имеющие теоретическую и практическую значимость, выносимые на защиту положения, выводы и обобщения, практические рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства РТ в борьбе с бандитизмом принадлежат диссертанту лично. Научные публикации и выступления автора на различных научно-практических конференциях международного и республиканского уровня подтверждают его компетентность в анализируемых в диссертации вопросах.

Апробация и внедрение результатов исследования выразилась, прежде всего, в их обсуждении на кафедре уголовного права и противодействия коррупции юридического факультета Таджикского национального университета.

Ключевые положения и итоги диссертации были опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Президенте РТ и других журналах.

Основные теоретические выводы и положения диссертационного исследования были изложены автором в опубликованных работах и сообщениях, сделанных на внутривузовских, республиканских и международных научно-практических конференциях и семинарах, в частности:

а) международные:

– на Международной научно-практической конференции «Безопасность образовательной среды: противодействие идеологии терроризма и экстремизма». Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, 8-9 сентября 2014 г.;

– на Международной научной конференции «Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Российский Университет дружбы народов (РУДН). – Москва, 20 ноября 2015 г.;

– на V Международной научно-практической конференции «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ, тенденция и перспективы развития». Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе, 31.10.2017 г.;

– на Международной научно-практической конференции «Формирование инвестиционной модели развития Республики Таджикистан». – Душанбе, ТГФЭУ, 14 декабря 2018 года;

– на Международной научно-практической конференции «Таджикистан в современной системе международных финансовых отношений». – Душанбе, ТГФЭУ, 26 ноября 2021 г.

б) республиканские:

– на Республиканской научно-практической конференции «Правотворческая деятельность в Республике Таджикистан: развитие и проблемы», посвященной 25-летию государственной независимости Республики Таджикистан. Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан, Национальная библиотека. – Душанбе, 26.05.2016 г.;

– на Научно-теоретической конференции преподавателей и студентов Финансово-экономического института Таджикистана, посвященной 25-летию государственной независимости Республики Таджикистан. – Душанбе, 22-23 апреля 2016г.;

– на Научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и студентов Таджикского государственного финансово-экономического университета. – Душанбе, 13-18 апреля 2020 г.;

– на Республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и права в условиях глобализации», посвященной 30-летию государственной независимости Республики Таджикистан и 70-летию доктора юридических наук, профессора Исмаилова Ш.М. – Душанбе, ТГФЭУ, 29 мая 2021 г.;

– на Республиканской научно-теоретической конференции «Основания укрепления государственной независимости Республики Таджикистан в условиях

нарастания информационных угроз и опасностей». – Душанбе, ТНУ, 9 марта 2022 г.

Материалы научной работы проходили апробацию в форме внедрения и использования в учебном процессе, в частности, использованы в лекционных курсах, проведении семинаров и практических занятий по предметам «Уголовное право», «Криминология», «Уголовно-исполнительное право» на различных формах обучения студентов Таджикского национального университета, Академии МВД РТ, Российско-Таджикского (Славянского) университета, Таджикского государственного финансово-экономического университета.

Публикации по теме диссертации. Ключевые положения и итоги диссертации были опубликованы в 15 научных статьях, посвященных теме данной научной работы, из них авторских 6,6 п.л. в том числе в 9 статьях, опубликованных в ведущих журналах, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией при Президенте Республики Таджикистан, и 6 в других изданиях.

Структура и объем диссертации. По своей структуре диссертационное исследование подчинено логике целей и задач, поставленных диссертантом перед собой. Оно состоит из перечня сокращений и (или) условных обозначений, введения, трех глав, разделенных на 8 параграфов, выводов и рекомедации, списка литературы (источников). Общий объем диссертации составляет 181 страниц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БАНДИТИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И СТРАНАХ СНГ

1.1. История становления и развития уголовной ответственности за бандитизм в Республике Таджикистан

Несомненно, что изучение и всесторонний анализ бандитизма и как социально-правового явления, и как юридического понятия с каждым годом все более актуализируются. Из-за возросшего числа совершаемых преступных деяний такого рода, научное исследование этой категории преступных деяний требует более конкретного предметного анализа источников.

В соответствующих нормах Таджикского дореволюционного законодательства отсутствовали такие понятия, как банда или бандитизм. Вместе с тем данные категории можно обнаружить в текстах ранних религиозных и правовых учений древних таджиков, в частности, в Авесте (по-таджикски - Авасто), которая относится, по мнению ряда исследователей, как к древнему законодательству таджиков в целом, так и к уголовному законодательству в частности[44].

На наш взгляд, правильно считает А.А. Рощевский, который отмечает, что, несмотря на то, что бандитизм получил свое легальное определение со свершением Октябрьской революции, при этом необходимо анализировать дореволюционный период тех преступлений, которые имели схожесть с бандитизмом. По мнению А.А. Рощевского, такой подход будет способствовать более четкому и детальному восприятию бандитизма как уголовно-правового явления[45].

---

[44] См.: Халиков А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право): дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2004. – С. 308-380.

[45] См.: Рощевский А.А. История становления и развития уголовного законодательства об ответственности за бандитизм // Наука и образование сегодня. – М., 2018. – С. 91-93.

Рассматривая более поздний период, следует указать, что преступления не имели определенной классификации. При этом некоторые авторы на основе анализа различных исторических источников предприняли попытки предложить свою собственную классификацию преступлений – например, в зависимости от объекта уголовно-правовой защиты, преступления могут быть разделены на три вида: 1) преступления против общественного порядка; 2) преступления против религии и религиозных ценностей; 3) преступления против власти[46].

Несколько иного мнения придерживается И.Б. Буриев. Данный автор на основе анализа соответствующих норм текста Священного писания зороастрийцев «Авеста» предлагает следующую классификацию преступлений: 1) преступления против религии; 2) преступления против личности; 3) преступления против животных; 4) преступление против собственности; 5) преступления против нравственности; 6) преступления против сил природы[47].

При этом наиболее детальная классификация преступлений в зороастрийском праве предлагается А.Г. Халиковым. Он считает, что существуют следующие основные группы преступлений: а) «преступления против человека: нанесение телесного повреждения, вреда здоровью, убийство…»; б) «преступления против личной свободы, чести и достоинства: превращение свободного в раба; обман, ложь и клевета»; в) «преступления против половой неприкосновенности: изнасилование, мужеложество»; г) «преступления против собственности»; д) «преступления против животного мира и окружающей среды»; е) «преступления против религии»[48].

Что касается темы настоящего диссертационного исследования, то в тексте Священного писания «Авеста» подчеркивается о своеобразном религиозном способе защиты, таком как чтение специальных молитв хозяевами, дабы уберечь свое имущество от противоправных действий воров и грабителей. По этому поводу в стихе 6 под названием «яшт ходухте» подчеркивается, что в случае

---

[46] См.: Талезари Али Аббас. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2014. – С. 11.

[47] См.: Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1-2 (от древнейших времен до начала XX века). – Душанбе: Ирфон, 2007. – С. 68.

[48] См.: Халиков А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право): дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2004. – Душанбе, 2004. – С. 322-358.

нападения разбойников либо банды воров следует прочитать специально ниспосланную молитву[49].

Следует отметить, что и в досоветском, дореволюционном законодательстве Таджикистана, предположительно начиная с нормативных правил (норм) государства Саманидов[50], начинается утверждение совершенно иной правовой системы – мусульманского права[51]. Нормы данной системы права исходили из правовых канонов доктрины и практики исламского права. Данная правовая система стала превалирующей на территории исторического Таджикистана вплоть до присоединения Средней Азии к Российской империи, исходя из особенностей отграничения и определения преступлений, совершенных группой лиц, так называемого соучастия, в исламском уголовном праве[52].

Согласно В. Далю, «банда – это толпа, шайка, ватага, артель, скоп, соглас, общество, братство или союз в дурном значении; бандит – вор, дерзкий мошенник, разбойник, подорожник, подорожная вольница». Синонимами такого феномена, как «бандитизм», в древнем праве являлись «разбой» и «убийство». И «Авеста», и исламское право средневекового Таджикистана эти преступные деяния рассматривали как тягчайшие преступления, которые карались смертной казнью[53].

С вхождением Средней Азии в состав Российской империи и образованием Туркестанского генерал-губернаторства российское уголовное законодательство начало действовать на северных территориях современного Таджикистана, а впоследствии, после принятия Бухарским эмиратом протектората Российской империи, и на всей его территории.

---

[49] См.: Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: монография. – Душанбе: Андалеб-Р, 2015. – С. 55; Авеста: Старинные гимны древнего Ирана. – Душанбе: Конуният, 2001. – С. 305.

[50] См.: Азизов У.А. Становление и развитие институтов преступления и наказания на территории дореволюционного Таджикистана: монография. – Душанбе: Андалеб-Р, 2014. – С. 90.

[51] См.: Сафаров И.Д. Правовая система государства Саманидов (IX-X вв.). – Душанбе, 1998. – С. 149-163.

[52] См.: Комментарии мусульманского права / пер. и коммент. Н.П. Гродекова: в 4-х т. – Ташкент: Литогр. Лахтина, 1893. – Т. 1. – 513 с.

[53] Халиков А.Г. Хадис как источник мусульманского права (Сунитское направление). - Душанбе, 1998. – С.123-125; Назаров А.К. Уголовно-правовые нормы Корана и Хадисов и их классификация по институтам уголовного права. – Душанбе, 2014. – С. 108; Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – С. 188; Азизов У.А. «Худуд» как категория наказания в мусульманском праве // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 2. – С. 31-38.

Соответственно, и законодательство Российской империи имело не просто распространение, но и достаточно широкое применение на территории дореволюционного Таджикистана. Совершенно естественно, что понятийный аппарат для определения состава преступного деяния и проведения его уголовно-правовой квалификации, в том числе преступлений, совершенных группой лиц, черпался из российских правовых источников. В этой связи дальнейшую историю уголовного законодательства дореволюционного, а в последующем и Советского Таджикистана, следует рассматривать как основную источниковедческую базу для развития уголовного законодательства как дореволюционного, так и Советского Таджикистана[54].

После принятия в 1845 году нового Уголовного Уложения, оно стало основным источником российского уголовного права того периода, в соответствии с которым соглашение, как выражение объединения в виновности, должно предшествовать учинению преступления, по крайней мере, предшествовать тому акту, в котором выразилось участие данного обвиняемого. В этой связи указывалось на соотношение между решимостью действовать сообща и действительным участием, так же как и при совершении отдельного преступного деяния, которое может иметь различные оттенки[55]. Необходимо отметить, что Уложение 1845 г. ввело в обиход две совершенно новые формы соучастия: учинение преступления по предварительному для всех или некоторых виновных на то согласию или без оного. Также Особенная часть данного Уложения содержала третий вид соучастия – шайка[56].

По мнению Н.С. Таганцева, к скопу близко подходят и случаи учинения преступных деяний толпой. Скоп, конечно, предполагает не только общность умысла, но, согласно условиям своего возникновения, общность действий во времени и по месту, безотносительно, однако, к самому характеру и объему

---

[54] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР. – Сталинабад: Изд-во ТГУ, 1960. – Ч. 1. – 159 с.; Тахиров Ф.Т. История государства и права Таджикистана (1917-1929 гг.) – Т. 2. – Душанбе: Амри илм, 2001. – С. 456.

[55] См.: Таганцев Н.С. Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ». Изд. 1885 г.: Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. – 9-е изд., пересмотр. и доп. - Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – С. 182.

[56] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. –Душанбе, 1966. – С. 56.

деятельности. Другой вид составляет соучастие по предварительному соглашению - сговор. Если все сговорившиеся совместно выполнили задуманное, то этот вид соучастия будет совершенно сходен со скопом, но в тех случаях, где такого условия нет, сговор может иметь и некоторые своеобразные черты. Во-первых, сговор может быть не на одно, а на несколько преступных деяний, совершаемых одновременно или разновременно в одном или разных местах, так что он может и не предполагать общности действия по месту и времени; во-вторых, при сговоре могут быть такие соучастники, которые не принимают никакого участия в исполнении; в-третьих, ответственность за сговор возможна и тогда, когда сообщники не приступали к выполнению задуманного. Таким образом, сговор как бы совмещает в себе понятие скопа, но с известным придатком. Здесь следует указать, что анализ Н.С. Таганцевым третьего вида формы соучастия, так называемого особого вида соучастия, указывает, что оно было основано на известной доктрине германских криминалистов Фейербаха и Грольмана, в данном случае в русском звучании называется «шайка»[57].

В соответствии с вышеизложенным можно прийти к мнению, что в уголовно-правовой теории понятие «шайка» зародилось намного раньше, прежде чем оно стало известно российскому, а позже таджикскому уголовному праву, и воспринималось как один из видов преступного сообщества. Фасмер обоснованно предполагает, что этимологические корни слова «шайка» происходят от немецкого «schar» - толпа, отряд»[58], с чем следует согласиться.

Вместе с тем понятие «шайка» в уголовном законодательстве не было определено, оно было предусмотрено всего лишь в качестве сообщества, созданного для совершения различных видов преступных деяний. Интересен текст ст. 922 указанного Уложения, которая предусматривала ответственность исходя из целей организации так называемых «злонамеренных шаек», а также вступление в оных…». Далее в Уложении было отмечено о том, что так называемая «шайка» могла образоваться с целью совершения преступных деяний, предусмотренных в ст. 923-926 данного Уложения. Это могли быть кражи,

[57] См.: Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: в 2 ч. Ч. 1. – Москва: Юрайт, 2019. – С. 334.
[58] Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964-1973. – 855 с.

мошенничества, разбои, зажигательства, подкуп чиновников, государственные преступные деяния, противозаконное занятие торговлей. Нам представляется, что указанное в Уложении многообразие видов «шайки» является обоснованным[59].

Что касается уголовной ответственности участников «шайки» или указанного сообщества, то Уложение допускало применение института аналогии, что было закреплено в ст. 927 указанного Уложения[60].

В последующем, например, в Уставе от 20.11.1864 года, под названием «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», начали использовать множество иных понятий. Здесь можно указать об а) участии двух или более лиц в совершении проступка; б) участии целой толпы в указанных правонарушениях; в) учинении проступка по уговору нескольких лиц, без составления особой «шайки»[61].

И, наконец, завершающим, исходя из даты принятия, и значимым кодексом в Российской империи в сфере уголовного законодательства было Уложение Уголовное 1903 года, которое, как нам представляется, дало законодательную дефиницию соучастия. Соучастие заключалось в следующем: совершение преступного деяния со стороны нескольких лиц, давших свое согласие либо действовавших сообща. Данное соучастие имело следующие характерные признаки: 1) непосредственное учинение преступного деяния либо участие в его совершении; 2) подстрекательство другого лица к соучастию в совершении преступного деяния; 3) пособничество[62].

Следует указать, что в Уложении 1903 г. за соучастие в «шайке» и участие в преступных деяниях, ради совершения которых эта «шайка» была создана, уголовная ответственность была дифференцирована. Так, в соответствии со ст. 52 указанного закона, лицо, которое согласилось принимать участие в сообществе

---

[59] См.: Таганцев Н.С. Уложение о наказанияхъ уголовных и исправительныхъ» / Изд. 1885 г.; Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. – 9-е изд., пересмотр. и доп. – Саект-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – С. 183-185.

[60] См.: Попова О.А. Проблемы дифференциации ответственности за бандитизм. (Исторический и уголовно-правовой аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 29.

[61] См.: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года, с дополнениями по продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 годов, с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената / изд. Н.С. Таганцевым. – 8-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1894. – 440 с.

[62] См.: Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. Т. 8. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 397, 417.

для совершения тяжкого преступления и не отказалось от дальнейшего участия, при этом не участвовавшее в совершении этого деяния, будет привлечено к ответственности только за участие в «шайке». Для того чтобы к лицу применялось наказание за участие в сообществе для учинения тяжкого преступного деяния, или «шайке», составившейся для учинения нескольких тяжких преступных деяний или преступных деяний, было необходимо особое указание в законе[63]. Еще один вид соучастия был предусмотрен в главе 12 данного акта, под названием «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие». Там был предусмотрен особый вид соучастия - «предварительный сговор», который, по всей видимости, является прототипом такой формы соучастия, как «организованная группа», констатация которой фигурирует в действующем УК РТ[64].

Понятие «шайка» как прототип банды, являясь одной из разновидностей преступного деяния в группе, породила учение, которое сегодня наиболее подходит к банде – теорию банды. Для «шайки» характерным является количество участников (двух и более лиц), каждый из которых принял прямое участие в действиях, которые в совокупности характеризуют объективную сторону конкретного преступления. Относительно «шайки» следует подчеркнуть, что ее участников объединяет определенное преступное намерение для дальнейшего совместного совершения различных преступлений. Необходимо отметить, что совершаемые шайкой действия содержат в своем «диапазоне» размах в аспекте выполнения как усилий интеллектуального порядка, так и приложения непосредственных физических форм воздействия.

В советский период законодательное закрепление понятия «бандитизм» прошло ряд этапов, и эволюция этого понятия имеет свою существенную специфику в Таджикистане. Отметим, что понятие «бандитизм», как преступление, получило первое упоминание 20 июля 1918 года[65], «в адекватном установлении с которым рассмотрение этой категории дел, наряду с рядом тяжких

[63] См.: Попова О.А. Указ. соч. – С. 32.
[64] См.: Попова О.А. Там же. – С. 34.
[65] Декрет СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. «О суде» // СУ РСФСР. – 1918. – № 52. – Ст. 589.

преступных деяний, рассматривались народными окружными судами»[66], при том, что несколько раз были предприняты попытки определения и уточнения понятия определения «бандитизм». Так, в Декрете ВЦИК РСФСР «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г., «бандитизм» предполагал участие в «шайках», которые должны были образовываться с целью совершения убийства, разбойного нападения и грабежей либо пособничества и укрывательства этих шаек[67].

Данная дефиниция является запутанной, так как законодательной орган власти позволил себе одно недостаточно известное правоприменителю понятие «бандитизм» разъяснить через понятие «шайка» - такое же непонятное, не раскрывая при этом их смысла. И здесь будет уместно подчеркнуть, что в законодательстве Таджикистана такое запутанное правовое закрепление бандитизма и «шайки» характерно и на современном этапе[68]. В частности в таджикском языке и понятие «банда», и понятие «шайка» определяются одним термином – «даста», не раскрывающим их смысла[69].

Конечно, для молодой страны первых лет власти Советов (большевиков), особенно в первые годы этой власти, в Таджикистане в период начала и укрепления басмаческого движения бандитизм представлял исключительную повышенную общественную опасность, что подтверждает и свидетельство Я.Х. Петерса, который, подводя итоги работы ВЧК, призывал обратить особое внимание на то, что именно в эти годы «бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал угрожающие размеры»[70].

Бандитизм представлял опасность исключительного порядка в первые годы Власти Советов (большевиков) как в РСФСР, так и на территории Таджикистана не столько стремительным, а порой неудержимым его распространением, сколько тем, что бандитизм общеуголовного характера перерастал в бандитизм

[66] Добряков-Зверев. Что такое бандитизм // Народное право. Изд. Отдела юстиции Тверского губисполкома. – 1918. – № 7. – С. 373.
[67] См.: СУ РСФСР. – 1919. – № 27. – Ст. 301.
[68] См.: Фарханги истилохоти хукук [Словарь юридических терминов и выражений] / под ред. М.А. Махмудова. – 3-е изд. – Душанбе: ЭР-граф, 2012. – С. 82.
[69] См.: Там же. – С. 82.
[70] Гончаров А.К., Дорошенко И.А., Козичев М.А., Павлович Н.Н. Из истории ВЧК 1917-1921 гг. Сборник документов. – М., 1958. – С. 207.

политический, в контрреволюционные преступные деяния, что сегодня назвали бы терроризмом, преступными деяниями террористического характера. Специфика бандитизма в Таджикистане заключалась еще и в том, что бандитизм трактовался еще более широким понятием «басмачество», которое временами преобразовывалось в террористическое движение. И, наоборот, в этот же период происходила трансформация так называемых контрреволюционных банд в банды, которые всё более приобретали черты уголовных банд – банд, организованных и руководимых уголовниками. Именно с учетом весьма высокой степени опасности такого вида преступности, как бандитизм, В.И. Ленин настаивал на признании и целесообразности объявления всенародной войны против этого вида преступного деяния[71]. Острота противодействия бандитизму сохранялась и в годы новой экономической политики.

12 октября 1918 г. в административно-политическом центре Северного Таджикистана – Ходжентском уезде с целью противодействия саботажу и бандитизму была учреждена чрезвычайная следственная комиссия. Затем Приказом ЦИК Туркестанской республики за № 45 от 18 ноября 1918 г. был учреждён Ходжентский революционный трибунал. Указанные органы на том этапе занимались борьбой с такими видами преступных деяний, как «шайка» (бандитизм) и смежными категориями, которые на тот период однозначно считались преступными деяниями контрреволюционного характера.

Вскоре после организации чрезвычайной комиссии и революционного трибунала в Ходжентском уезде началось разоблачение одного заговора за другим. Так, 15 октября 1918 г. в городе Ходженте был раскрыт заговор «левых эсеров», успевших вооружиться для организации контрреволюционного мятежа. В ноябре 1918 г. была раскрыта другая контрреволюционная организация во главе с инженером Ржевским. Подготавливая восстание, члены этой организации занимались саботажем, дезорганизацией работы в шахтах, убивали из-за угла советских активистов.

[71] См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. – Москва : Изд-во политической литературы, 1970. – С. 287.

Острота классового противодействия вынудила Советское правительство предоставить органам ВЧК внесудебные полномочия. Согласно приказу ЦИК Туркестанской АССР за № 38 от 14 сентября 1918 г. Чрезвычайной комиссии предоставлялось право принятия мер наказания вплоть до расстрела, в числе других тяжких преступных деяний, за бандитизм[72], пособничество и укрывательство.

2 февраля 1920 года ЦИК Туркестанской республики издал новое Положение о революционных трибуналах, отменившее все изданные до того декреты, инструкции и положения по этому вопросу. В Положении указывалось о специальной цели учреждения революционных трибуналов для рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Власти Советов (большевиков). В адекватном установлении эти трибуналы были наделены неограниченными правами при применении репрессивных мер[73]. Согласно новому Положению революционные трибуналы учреждались во всех областных городах республики – по одному на область, они должны были избираться областными съездами или их исполкомами в составе председателя и двух членов.

14 сентября 1920 года первый Всебухарский курултай объявил Бухару Народной Советской Республикой. В Бухаре наряду со старыми органами власти были ликвидированы и старые феодальные законы Эмирата и ранее существовавшие суды, были созданы новые народные советские суды (суды народных казиев) и революционные трибуналы. В этот период, хотя в законодательстве категории «банда», «бандитизм» не использовались, но в политической и карательной политике в отношении контрреволюционных преступных деяний эти категории использовались широко. В обращении правительства БНСР к населению объявлялось, что ликвидируются старые судебные учреждения (кази-ханы), и что «взяточникам и бандитам отныне нет места в органах власти освобожденного народа Бухары. Будут созданы новые

[72] Бандитизм трактовался как «участие в шайке, составившейся для убийства, разбоя и грабежей».
[73] См.: Положение о революционных трибуналах ЦИК Туркестанской АССР от 2 февраля 1920 года.

народные суды (казий халк), которые будут осуществлять справедливое правосудие. Отныне отменяются смертная казнь, избиение палками, членовредительство и тому подобные наказания».

Однако дальнейшей советизации других районов бывшего Бухарского эмирата мешало сильное сопротивление свергнутых политических сил. М. Муллаев указывает: «После свержения эмира, он вместе со своими приближенными бежал в Восточную Бухару. Обосновавшись в г. Душанбе, сколотив здесь значительную контрреволюционную силу, начал борьбу против Власти Советов (большевиков). В своей борьбе он опирался на военную силу басмаческих банд, организованных местными беками, и на вооруженные отряды, завербованные в Афганистане, Турции и посланные империалистами на помощь эмиру. Однако, несмотря на все его попытки удержаться на территории восточной Бухары, усилиями трудового дехканства и частей Гиссарской экспедиции эмир был разбит и выброшен за границу»[74].

Далее М. Муллаев отмечает: «Басмаческие шайки с каждым днем становились все наглее, ограбления кишлаков происходили почти еженочно и ежедневно. Басмачи сознательно срывали посевные работы, желая обречь на голод трудящихся городов и воинов Красной Армии»[75]. Отсюда ясно, что бандитизм («шайка») в том виде, в каком это понималось в указанное время, носил уголовно-политический, контрреволюционный характер.

Одним словом, нормы Уголовного права Советского Таджикистана на этом этапе, как отмечается в научной литературе, как и уголовные нормы РСФСР в первые дни Октября, формировались в публикуемых органами законодательной власти страны декретах и в постановлениях правительства БНСР, ЧДК и ЦИК Восточной Бухары, определяющих формы и методы беспощадного противодействия врагам революции и лицам, нарушившим новый революционный порядок. При этом велась карательная политика против басмачества и его пособников. В этой связи 1-ым съездом Совета Восточной

[74] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 23.
[75] См.: Там же. – С. 25.

Бухары было постановлено: «Всякий человек, тем более представитель Власти Советов (большевиков) (член Исполкома) и другие советские работники, амлякдары, аксакалы, амины, связанные, так или иначе, прямо или косвенно с басмачеством и выполняющие какие бы то ни было приказы басмачей, объявляются врагами Советского государства».

Здесь необходимо отметить, что УК РСФСР 1922 года, где впервые в кодифицированном акте был установлен бандитизм, который предусматривался в ст. 76 (глава о государственных преступных деяниях, раздел о преступных деяниях против порядка управления), характеризует особую опасность этого вида преступного деяния для власти Советов (большевиков), действовал и на территории Таджикистана. Полная конфискация имущества во всех случаях вынесения смертной казни (например, за организацию вооруженного восстания против революции, а также в случае лишения свободы с изоляцией от общества (в случае организации и участия в банде (вооруженных формированиях), ст. 76 УК РСФСР (1922 г.)[76]. Конструирование состава этого преступного деяния проводилось с учетом практики борьбы с проявлениями бандитизма во времена интервенции и гражданской войны. В этой связи в нормах данного УК были предприняты попытки учитывать положения определения бандитизма, которое содержалось в декретах об ответственности за бандитизм, изданных за период 1919-1920 гг. Это ясно видно и в определении бандитизма по УК РСФСР 1922 года: «Организация и участие в бандах (вооруженных «шайках») и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались»[77].

Что касается оценки указанных процессов в историческом развитии, то следует отметить, что уголовное законодательство бывшей РСФСР, соответственно и на территории Советского Таджикистана, в своих нормах имело

[76] См.: Зокирзода З.Х. Конфискация имущества как вид уголовного наказания: дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2020. – С. 26. – (На тадж. яз.).
[77] Уголовный кодекс РСФСР. 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. – М., 1953. – Ст. 76.

тенденцию усиления уголовной ответственности по всем видам преступных деяний, например, в составе «шайки». Таким образом, в ст. 25 УК РСФСР от 1922 г. было установлено, что при определении меры наказания исходя из степени и характера опасности личности преступника, а также совершенного им преступления, следует установить вид соучастия в преступлении. В этом случае закон устанавливал «наказание за бандитизм в виде расстрела с конфискацией имущества». Существование альтернативного положения о наказании в виде конфискации имущества в то время было относительно продвинутым. Судебные органы могли отдать приказ о конфискации имущества или не могли использовать его в случае необходимости (например, п. 2 ст. 75 УК РСФСР 1922 г. в отношении участников вооруженного восстания)[78]. В случае присутствия у виновного смягчающих обстоятельств, в соответствии с законом можно было применить наказание в виде лишения свободы сроком от 3 лет со строгой изоляцией от общества и конфискацией имущества. В 1922 году Уголовный кодекс РСФСР предусматривал наказание соучастников и укрывателей преступлений среди членов преступных группировок, а также лишение свободы и конфискацию имущества без определения его размера[79]. Тогда, за отсутствием смягчающих обстоятельств, организаторы и члены банд и преступных группировок подлежали полной конфискации имущества (ст. 76 УК КР 1922 г.)[80]. В последующем данное обстоятельство было закреплено в ч. 2 ст. 76 данного Уголовного Закона. В частности данная норма устанавливала ответственность за пособничество бандам, укрывательство банд и ее отдельных участников, а также сокрытие добытого имущества и других следов преступления[81].

Состав бандитизма в ст. 76 УК 1922 г. характеризовался как формальный, что было связано с целью неотложной ликвидации ОВГ (банд) при их зарождении[82]. Наряду с этим в данной норме указывалось об иных формах совершения

---

[78] См.: Зокирзода З.Х. Указ. соч. – С. 26-27.
[79] См.: Зокирзода З.Х. Там же. – С. 25.
[80] См.: Там же.
[81] См.: УК РСФСР 1922 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. – М., 1953. – Ч. 1 и 2 ст. 76 УК.
[82] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 26.

бандитизма, таких как разбой, ограбление, налеты на учреждения и граждан, остановка железнодорожных составов и разрушение путей. На наш взгляд, попытка законодателя включить в состав этого вида преступного деяния всевозможные виды, и даже особо опасные нападения, совершаемые участниками банд, нам представляется не совсем удачной. Такой перечень включал неограниченное количество многообразных форм любых фактических нападений, которые могли быть в арсенале, и к которым прибегали эти вооруженные бандформирования в отмеченные годы в Таджикистане, например, это отряды различных басмачей.

Кроме того, необходимо отметить, что в ходе развития уголовного законодательства 1917-1929 годов ни в Таджикской АССР, ни в другой республике Союза ССР, как в законодательстве, так и на практике, не было определенности с точными составами тех или иных преступных деяний. И потому вполне понятно, что в вопросе о составе бандитизма или элементах этого состава не было ни точности, ни определенных критериев, и такая чрезмерная трактовка, как в случае со ст. 76 УК РСФСР, также ясна, поскольку органы законодательной власти, особенно высшие исполнительные органы, посредством уголовно-правовых средств, а еще точнее, репрессий позволяли карательным органам по своему усмотрению «осуществлять квалификацию бандитизма как наиболее распространенного на том этапе способа совершения нападений и соответственно применять к виновным строгого вида наказания», что также рядом ученых было квалифицировано как «красный бандитизм». Наказание могло быть назначено вплоть до высшей меры социальной защиты за деяния, которые могли стать угрозой жизнедеятельности и жизнеспособности общественно-государственного строя, коим назывался социализм и советская власть.

Образование Союза ССР ознаменовало в уголовном праве проведение единой линии карательной политики по контрреволюционным и особо опасным преступным деяниям для всех входящих в Союз республик. С этой целью ЦИК Союза ССР издал ряд общесоюзных актов уголовно-правового характера. Конституция Союза ССР 1924 г., законодательно закрепившая образование Союза

ССР, предусматривала потребность единства уголовно-правовой борьбы с важнейшими категориями преступных деяний, а также устанавливала в законодательном порядке общие принципы и положения советского уголовного права, единого для всего Союза ССР, а в нашем случае – Советского Таджикистана.

Для Таджикистана важным событием в истории его уголовного права, а также в борьбе с преступными деяниями, в частности, с бандитизмом, являлось введение на территории БНСР, в том числе Восточной Бухары, УК и УПК РСФСР. 28 февраля 1924 г., в целях ограждения революционного правопорядка от посягательства со стороны социально-опасных элементов и установления твёрдых основ революционной законности, ВсебухЦИК постановил ввести в действие редакцию, принятую второй сессией ВсебухЦИКа десятого созыва, с поправками, принятыми законодательной комиссией при ВсебухЦИКе, на всей территории БНСР УК и УПК РСФСР.

С момента введения УК отменялись действовавшие до сих пор все другие уголовно-правовые акты. УК был дополнен рядом статей, предусматривающих наказуемость бытовых преступных деяний.

В целях установления единовременного законного порядка в местах заключения ТаджАССР, постановлением Ревкома ТаджАССР были введены Исправительно-трудовой кодекс и Устав о службе в местах заключения РСФСР. С момента введения в действие данного кодекса отменялись все положения и инструкции, действовавшие до сих пор на территории ТаджАССР. Особое место среди источников уголовного права Таджикской АССР в деле борьбы с преступными группировками и басмаческими отрядами занимал Уголовный кодекс Узбекской ССР, который был введен в действие на территории Таджикской АССР постановлением Президиума ЦИК Советов Узбекской ССР от 16 июня 1926 г. Позднее данный УК УзССР был дополнен ст. 110-а. В этой связи У.А. Азизов считает, что в теории уголовного права 20-х годов отмечалось о существовании иных правовых актов, посредством которых некоторые определенные деяния устанавливались как преступные, и за их совершение

предусматривалась ответственность. Таким актом была, например, «Инструкция по проведению мер карательной политики, которая регулировала взаимодействие государственных органов, осуществляющих карательные функции, устанавливала круг лиц, которые были ответственны за совершение определенных деяний, особенно лиц, связанных с басмачеством, а также перечень наказаний, применяемых в отношении таковых лиц. В соответствии с данной Инструкцией уголовному преследованию подвергались следующие категории лиц: а) вооруженные басмачи; б) невооруженные басмачи; в) все виды пособников басмачей; г) пособники, снабжающие басмачей фуражом и продовольствием; д) лица, шпионящие в пользу басмачей; е) лица, доносящие заведомо ложные сведения о басмачах; ж) все виды служащих, имеющих связь с басмачами; з) лица, помогающие басмачам в поддержании связи с заграницей; и) лица, доставляющие для басмачей из-за рубежа оружие и огнеприпасы[83]. После него на территории Таджикистана, начиная с 1926 года, действовал Уголовный Кодекс Узбекской ССР. Несмотря на это, с целью полного уничтожения басмачества, улучшения социального положения страны, Революционный Комиссариат Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в апреле 1925 года утвердил “Инструкцию о проведении политических мероприятий наказания”, что своим смыслом и эффективностью заменило Уголовный Кодекс[84].

Далее, как и в ст. 76 УК РСФСР 1922 года, почти аналогичным образом была регламентирована и ст. 59-3 УК РСФСР 1926 г., предусмотревшая ответственность за рассматриваемый нами вид преступного деяния, каким является - «бандитизм». Соответствующий Уголовный закон вступил в законную силу с 1 января 1927 года [85], и текст этой статьи претерпел существенное изменение, которому способствовало принятие Постановления ЦИК Союза ССР о

[83] См.: Хамракулов Р. Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства союзной республики. – Душанбе, 1962. – С. 33; Тахиров Ф.Т. История государства и права Таджикистана (1917-1929). Т. 2, ч. I. – Душанбе: Амри илм, 2001. – С. 457; Хрестоматия по истории государства и права Таджикистана (1917-1994) / сост. Ф.Т. Тахиров. – Душанбе, 2014. – 838 с.

[84] См.: Зокиров З.Х. Конфискация имущества в уголовном законодательстве Таджикской ССР (1917-1937 гг.) // Журнал «Вестник Науки и Творчества»: материалы международных мероприятий Общества Науки и Творчества (г. Казань) за март 2018 г. – Казань, 2018. – № 3(27). – С. 27–30.

[85] См.: Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.» // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

введении в действие «Положения о преступных деяниях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)»[86], редакция статьи УК об ответственности за бандитизм была приведена в соответствие со ст. 17 указанного Положения, и ст. 59-3 УК РСФСР 1926 года была принята в новой редакции.

Как позитивный момент в уточнении терминологии уголовного закона следует отметить, что законодателем термин «шайка» из определения УК РСФСР 1926 г. был исключен, т.е. с указанного времени термин «шайка» применительно к бандитизму в советской юридической науке и терминологии более не употреблялся. Хотя известно, что 04.06.1947 года Президиумом Верховного Суда Союза ССР был принят известный Указ[87], в котором подчеркивалось о новом ужесточении уголовного наказания при совершении разбоя так называемой шайкой, в виде лишения свободы от 15 до 20 лет с конфискацией имущества[88]. Это явилось действительно последним упоминанием о «шайке» в союзном законодательстве в целом.

Новой вехой в борьбе с басмачеством (бандитизмом) и другими преступными деяниями следует считать принятие УК Узбекской ССР, введенного в действие Постановлением Президиума ЦИК Советов Узбекской ССР от 16 июня 1926 г. Активные участники басмаческих банд квалифицировались по ст. 76, ч. 1 УК Узбекской ССР, пособники – по ч. 2 данной статьи. Однако квалификация действий организаторов, активных участников басмаческих банд по ст. 76 УК как преступных деяний против порядка управления, представляется неправомерной.

Басмаческое движение - это деятельность вооруженных банд, связанных со свергнутым строем. Басмачи стремились к насильственному захвату власти и к свержению Власти Советов (большевиков) в Таджикистане, к отторжению Таджикистана от Союза ССР и созданию байско-феодального националистического государства под протекторатом буржуазных государств.

---

[86] См.: Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) / Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 г.

[87] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – № 19.

[88] См.: Курбатова Г. Ответственность за действия, дезорганизующие работу ИТУ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Свердловск, 1967. – С. 3.

Поэтому следовало бы осуществлять квалификацию действия басмаческих банд не по статье 76, а по ст. 58 УК УзССР, как контрреволюционного преступления.

Следует также подчеркнуть, что в адекватном установлении со ст. 17 Положения о преступных деяниях государственных Союза ССР 1927 г. на всей территории Союза ССР УК республик были приведены к общему началу. Таким образом, процесс применения уголовно-правовых мер в борьбе с бандитизмом на территории СССР практически осуществлялся на основе единой нормы ст. 17[89], и в том числе в первом УК ТаджССР 1935 года, что сыграло в целом позитивную правовую роль, ибо «способствовало более эффективной борьбе с этим опаснейшим преступлением».[90] УК ТаджССР регулировал все те общественные отношения, что направлялись на охрану права, свобод, интересов государства, общества и человека от посягательства преступников[91].

Спустя 9 лет после принятия УК РСФСР 1926 года, в Таджикистане в 1935 году был разработан и принят первый в истории Таджикистана УК, Особенная часть которого была построена на базе общесоюзного законодательства и законодательства ТаджССР[92]. Она состояла из 12 глав. Из них первая глава была озаглавлена как «Преступные деяния государственные, контрреволюционные преступные деяния и особо для Союза ССР опасные преступные деяния против порядка управления» и целиком составлена на основе вышеотмеченного Положения о преступных деяниях государственных Союза ССР 1927 г., куда входил и бандитизм[93].

После него на территории Таджикистана с 1926 года действовал Уголовный Кодекс Узбекской ССР. Несмотря на это, с целью полного уничтожения басмачества, улучшения социального положения страны, Революционный Комиссариат Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики

---

[89] См.: Хулапова Л.Г. История уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в Туркменской ССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1972.

[90] Курс советского уголовного права / ред. кол.: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А.А. Пионтковский (гл. ред.); АН СССР. Ин-т государства и права. – Москва: Наука, 1970. – Т. 4. – С. 161.

[91] См.: Зокиров З.Х. История развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о конфискации имущества. Весник ТНУ. – 2016. – № 2/6(210). – С. 234-241.

[92] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 12.

[93] См.: Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) / Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 г.

в апреле 1925 года утвердил “Инструкцию о проведении политических мероприятий наказания”, по своему смыслу и эффективности заменявшую Уголовный Кодекс. Уголовный Кодекс Таджикской ССР 1935 года, имея круг определенных обязанностей, влиял на осведомленность людей о понятии преступления, об основах уголовной ответственности, вины, о наказании и его разновидностях, а также на другие уголовно-правовые меры. Он еще направлял свою деятельность на полное уничтожение басмаческих групп, предупреждение преступлений (уголовщины), осуществление целей наказания[94].

В УК ТаджССР 1935 года диспозиции некоторых статей раздела Положения «Особо для Союза ССР опасные преступные деяния против порядка управления» были подвергнуты незначительным изменениям и дополнениям. Например, диспозиция ст. 66, воспроизводящая ст. 15 Положения о преступных деяниях государственных была несколько изменена. Ее редакция совпадает с редакцией ст. 59 УК РСФСР, с той разницей, что в конце статьи 66 было дополнено «и хозяйственной мощи Союза ССР и ТаджССР». В диспозиции этой статьи УК Таджикской ССР вместо понятия «бандитизм» использовалось так называемое понятие «басмачество». Однако, на наш взгляд, данного рода единство понятийного равенства между этими понятиями не является правомерным. басмачам в поддержании связи с заграницей; и) лица, доставляющие для басмачей из-за рубежа оружие и огнеприпасы.

В этой связи следует привести мнение М. Муллаева о том, что под басмачеством следует понимать особую организованную вооруженную банду, целью которой является совершение нападений на местные органы советской власти, государственные и общественные учреждения. При этом М. Муллаев особо подчеркивает, что при совершении вышеуказанных противоправных действий «участники таковых групп уничтожают и повреждают государственные и общественные имущества, одновременно совершая террористические акты, направленные против партийных организаторов, активистов и руководителей

[94] См.: Зокиров З.Х. История развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о конфискации имущества // Вестник ТНУ. – 2016. – № 2/6 (210). – С. 234-241.

советских госучреждений». Таким образом, для так называемых басмаческих банд главной целью являлся подрыв либо ослабление авторитета советской власти. В этой связи они поддерживались и снабжались определенными политическими силами.

На наш взгляд, понятие «басмачество» значительно шире, чем понятия «банда» или «бандитизм». Басмачество возникло в конце 1860-х годов, во время завоевания Средней Азии Российской Империей, а затем во время Первой мировой войны – в форме народных восстаний, но на самом деле оно «процветало» в 1920-х и 1930-х годах. Следует отметить, что в этот период даже термин «басмач» (образованный от турецкого глагола «босмак» – «давить, атаковать») потерял в сознании общественности свое первоначальное значение[95]. В результате этих инцидентов движение басмачества превратилось из полукриминального движения в преступное движение[96]. Подводя итоги, следует отметить, что басмачество отличается от бандитизма тем, что это – преступное движение, которое само по себе совершало преступления, связанные с религиозными убеждениями, и было направлено против Советской власти.

Нормы Уголовного права ТаджССР на данном этапе, как и уголовные нормы РСФСР, были сформированы в постановлениях, обращениях и призывах к трудящимся БНСР, ЧДК, ЦИК ВБ, Ревкома ТаджАССР и ЦИК ТаджССР. Вышеперечисленные законодательные акты и нормы послужили основой для установления и дальнейшего развития уголовного права Таджикистана, а также был составлен первый УК, введенный в действие постановлением Президиума ЦИК ТаджССР от 9 мая 1935 года.

Издание УК ТаджССР имеет важное значение в истории уголовного права республики. Основным источником его по праву считались Основы Уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик и УК РСФСР, исходя из чего ряд положений Общей и Особенной частей УК ТаджССР сходны с

---

[95] См.: Зокиров З.Х. Актуальные вопросы права в Республике Таджикистан: монография. – Душанбе, 2020. – С. 141. – (На тадж. яз.).

[96] См.: Зокиров З.Х. Этапы эволюции риска басмачества в Средней Азии (20-30-е годы XX века) // Басмачество в истории: новый взгляд на старые события: сб. ст. / под ред. канд. юрид. наук, доцента Ф.Ф. Идизода. – Рашт, 2019. – С. 20-32. – (На тадж. яз.).

соответствующими частями Основ уголовного законодательства Союза ССР и УК РСФСР. При этом необходимо иметь в виду, что УК ТаджССР просто не воспроизводил текст той или иной нормы Основ УК Союза ССР и УК РСФСР[97]. Он имеет существенные изменения и дополнения, в том числе и в регулировании такого вида организованной преступности, как бандитизм.

УК ТаджССР 1935 года, как и соответственно ст. 59-3 УК 1926 г., в процессе их действия вплоть до принятия Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступные деяния» 1958 г. не были изменены и дополнены[98]. Относительно позитивных сторон понятия определения бандитизма в указанной выше формулировке написано достаточно подробно[99].

В то же время необходимо отметить, что в законе отсутствовало указание на конкретную цель бандитского нападения, что существенно усложнило практику применения права. Это привело к искривлениям в первые несколько лет после введения в действие Положения 1927 г., а в целом указанная причина привела к слишком широкой трактовке состава бандитизма, в результате чего указанная статья УК РСФСР и ТаджССР о бандитизме достаточно часто инкриминировалась в отношении граждан даже при отсутствии в их действиях признаков, указанных в УК. Далее также необходимо отметить как существенное нарушение принципа законности, причем в течение достаточно длительного времени, применение аналогии закона в уголовном праве, что также получило достаточное освещение в научных исследованиях[100].

М.М. Муллаев, досконально изучивший практику применения бандитизма в период принятия УК ТаджССР 1935 года, отмечает, что борьба с бандитизмом в тот период была «одной из острых форм политической борьбы свергнутых господствующих классов» с советской властью, что в свою очередь давало возможность власти Советов (большевиков) называть бандитизм, а в Таджикистане – басмачество, политическим, кулацким и басмаческим

[97] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 23.
[98] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 8.
[99] См.: Попова О.А. Указ. соч. – С. 45-46.
[100] См.: Курс советского уголовного права / ред. кол.: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А.А. Пионтковский (гл. ред.); АН СССР. Ин-т государства и права. – Москва: Наука, 1970. – Т. 4. – С. 162.

бандитизмом»[101]. И он же упоминает о том, что вскоре, в связи с укреплением позиций, как внутренних, так и внешних, повсеместным осуществлением коллективизации и индустриализации, «уголовно-правовые нормы», предусматривающие «ответственность за бандитизм», стали применяться куда реже[102]. Причины указанного были исследованы также и О.А. Поповым[103]. В связи с этим можно заключить, как это было сделано В.П. Антоновым-Саратовским в 1936 году, что ко второй половине 30-х годов бандитизм, как таковой, уже находился на стадии разложения. Так как, по его мнению, «бандитизм преобразовывается в воровство, измену Родине, а также в террористический заговор»[104].

Во время ВОВ и послевоенные годы, исходя из различных обстоятельств и причин, тенденция применения нормы, устанавливающей ответственность за бандитизм, весьма увеличилась. Данная тенденция также объяснялась Постановлением ПВ Суда СССР от 8 января 1942 г. В соответствии с данным Постановлением квалификация бандитизма осуществлялась по аналогии со ст. 59-3 УК РСФСР, со ст. 68 УК ТаджССР и аналогичными статьями УК других советских республик.

В теории уголовного права уже подвергнуты анализу процессы послевоенного времени, где отмечается, что в связи с участившимися случаями бандитизма в СССР были попытки создания специализированных служб по борьбе с данным негативным явлением. В частности такое спецподразделение было создано в системе НКВД СССР, которое вело повсеместную борьбу с бандитизмом; позже такое подразделение было сформировано в МГБ СССР под названием «Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ)». Данные подразделения в основном действовали на территории УССР и БССР, а также в исправительных учреждениях по всему СССР.

---

[101] Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 23.
[102] См.: Муллаев М.М. Там же. – С. 25.
[103] См.: Попова О.А. Указ. соч. – С. 49.
[104] Антонов-Саратовский В.П. О бандитизме. Доклад в судебной секции Института судебной политики // Советская юстиция. – 1936. – № 15. – С. 17.

Здесь следует отметить, что следующим примером грубого несоблюдения принципа законности в исправительных учреждениях стал Указ Президиума ВС СССР от 13 января 1953 года «О мерах по усилению противодействия особо злостным проявлениям бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях», и поскольку данный Указ не раскрывал понятие «бандитизм», то тем самым к его нормам можно было апеллировать при подавлении любых видов массовых беспорядков в местах лишения свободы отдельных регионов. Немаловажно и то, что после подавления сопротивления вооруженных формирований в отмеченных регионах это имело непосредственное влияние и на Таджикистан, так как применение нормы о бандитизме[105] резко сократилось и в Таджикистане.

В 50-60-х годах ученые, исследовавшие вопросы исторического развития, сущности и квалификации бандитизма, пришли к мнению, что бандитизм более не имеет признаков государственного преступления; также были ученые, которые писали о полном отсутствии бандитизма как такового. По этому поводу П.Ф. Гришанин отмечал, что в 50-60-х годах прошлого столетия бандитизм в основном совершался вооруженными шайками[106]. Похожее мнение предлагал и В.И. Пинчук, который отмечал о превращении бандитизма в групповой вооруженный разбой[107].

Наряду с этим многие авторы считали бандитизм преступлением антигосударственного характера, носящим политический характер, хотя сущность этого деяния указывала об общеуголовном его характере.

Адекватное установление Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступные деяния» от 25.12.1958 г., редакция ст. 68 УК ТаджССР 1935 г. (статьи 59-3 УК РСФСР 1926 года) была изменена, и была сформулирована в УК Тадж. ССР 1961 г., в котором понятие бандитизма предусматривалась в ст. 74 УК ТаджССР 1961 г., расположенной в главе

---

[105] См.: Ст. 59-3 УК РСФСР 1926 г.; ст. 68 УК Таджикской ССР 1935 г.

[106] См.: Гришанин П.Ф. Понятие преступной организации и ответственность ее участников по советскому уголовному праву: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1951. – С. 20.

[107] См.: Пинчук В.И. Виды преступных организаций и ответственность их участников по советскому уголовному праву: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ленинград, 1960. – С. 15.

«Государственные преступления», разделе II «Иные государственные преступления».

При этом П.Ф. Гришанин указывает на целесообразность конструкции данной нормы для отграничения этого вида преступления от иных форм организованной преступности. В частности в теории уголовного права говорится о цели создания вооруженных банд, а именно о совершении нападений, то есть тяжких преступных деяний. Некоторые авторы утверждают, что по уголовному закону за совершение бандитизма предусматривались следующие виды наказания – лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества; смертная казнь с конфискацией имущества.

Здесь следует указать на весьма важную роль Закона Союза ССР 1958 года в деле усовершенствования конструкции состава бандитизма. В отличие от нормы ст. 17 Положения «О государственных преступных деяниях», норма ст. 14 Закона 1958 г. более четко устанавливала объекты и предметы нападения вооруженной банды; к ним можно было отнести государственные и общественные учреждения либо предприятия, отдельные лица. Вместе с тем содержащиеся в норме ст. 17 данного Положения нападения на частные учреждения из перечня соответственно и обоснованно были исключены, так как они в данный период перестали существовать. Помимо этого из состава бандитизма были исключены действия, направленные на остановку железнодорожных транспортных средств, разрушение железнодорожных путей, а также средств связи.

Также следует уточнить, что теперь за схожие преступления уголовная ответственность предусматривались в иных нормах УК ТаджССР, а что касается нормы ст. 74 УК ТаджССР 1961 г., то в соответствии с ней квалифицировались исключительно лишь те деяния, которые обладали всеми признаками бандитизма. Следует подчеркнуть, что бандитизм всё же в соответствии с новым уголовным законодательством считался государственным преступлением.

Вместе с тем с начала 60-х годов прошлого века намечается тенденция постепенного отказа от квалификации по УК тяжких преступлений, совершенных вооруженными группами, как «бандитизма». Данная тенденция, прежде всего,

объяснялась изменением обстановки в стране, вследствие чего специализированные подразделения и органы по борьбе с бандитизмом были расформированы. Необходимо указать, что в их структурах была сформирована четкая и налаженная система, и использовался передовой практический опыт противодействия данному негативному явлению[108].

Но это не означает, что в СССР с бандитизмом было покончено. Нет. Ряд, причем крупных и устойчивых, бандгрупп, таких как банда Балановского, банда Рамьянова, банда Солдатова, банда Коровиных, банда Толстопятовых, банда Хантимирова все же существовал на территории СССР. При этом, по мнению М. Муллаева, анализ уголовных дел по бандитизму указывал, что бандитизм более не совершался в политических или других идейных целях, так как в целом динамика преступности указывала, что преступные деяния, совершаемые ОВГ, носили преимущественно корыстно-насильственный характер[109].

После распада Союза ССР возникла новая ситуация в связи с борьбой с бандитизмом. В этой связи в ст. 74 УК ТаджССР были внесены определенные изменения, и область применение данной нормы расширилась, так как ОВГ совершали свои вооруженные нападения и против государственных и общественных предприятий, а также против частных предприятий.

Наряду с этим в Республике Таджикистан, исходя из подготовки нового УК, предлагалось мнение о полном исключении нормы уголовной ответственности за бандитизм. Данное обстоятельство объяснялось тем, что эпизоды, охватываемые при квалификации бандитизма, имеются в составе самостоятельных видов преступных деяний, например, убийством, изнасилованием, разбоем и т.д., что, по нашему мнению, является неубедительной позицией, т.е. с ней нельзя согласиться. Такого же мнения придерживался законодательный орган страны, так как при исключении данной нормы из УК был бы декриминализирован очень опасный вид преступности, каким является бандитизм.

---

[108] См.: Попова О.А. Указ. соч. – С. 53.

[109] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 67-71.

Выше уже указывалось о том, что УК СССР устанавливал ответственность за бандитизм, исходя из нормы Закона Союза ССР от 1958 г. (ст. 14), соответственно сущность данной нормы была отражена в нормах УК ТаджССР (ст.74)[110], исходя из чего бандитизм считался государственным преступлением. Данное обстоятельство объяснялось развитием и распространением данного преступного деяния в условиях Таджикистана и других республик Советского Союза. Однако к моменту принятия нового УК ситуация кардинально изменилась[111].

Об этом было отмечено многими авторами, которые главным образом исходили из того, что ранее бандитизм имел под собой политическую подоплеку, однако в последнее время бандитские нападения всё чаще совершались с целью завладения чужим имуществом[112]. В частности А.Н. Игнатов отмечал, что происходил «процесс изменения характера объекта бандитизма и даже предлагал поместить бандитизм в главу о преступных деяниях против собственности»[113]. И тогда, и сегодня новые условия и политические реалии переходного периода показали, что указанное мнение нельзя было признать обоснованным.

Для примера приведем выдержку из работы М.В. Геворкяна, который справедливо отмечал: «Если даже признать верной названную в рассуждениях авторов посылку – бандитизм посягает на собственность и на личность, то возникает вполне уместный вопрос, касающийся вывода: почему в таком случае место бандитизма в группе преступных деяний против собственности, а не против жизни и здоровья»[114]. На наш взгляд, указанное мнение остается актуальным и в новых условиях постсоветского развития, так как с учетом того, что различные нападения, именуемые бандитскими, или вооруженных организованных групп, пусть даже они будут направлены на завладение собственностью, они, несомненно, будут переплетены с убийствами и нанесением вреда жизни и здоровью граждан, простых людей, не говоря уже о тех случаях, когда люди, их

---

[110] См.: Уголовный кодекс Таджикской ССР. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1961. – Ст. 74.
[111] См.: Сайдамиров Б.Ш. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом (по материалам РТ): дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 13-14.
[112] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1998. – С. 473.
[113] Мельникова Ю.Б., Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм. – М., 1995. – С. 7.
[114] Геворкян М.В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – СПб.:1997. – С. 32.

жизнь и честь, безопасность становятся основной целью и объектом отмеченных нападений.

Как отмечалось, общественная безопасность является основой родового объекта преступных деяний, объединенных в главе 21 УК РТ. Общественная безопасность является также непосредственным объектом вида преступных деяний, размещенных в этой главе. Ко всему прочему, меняется время, соответственно, подвергаются изменениям и характер и сущность бандитизма, о чем свидетельствует вся постсоветская история РТ.

Подводя некоторые итоги, на основании проведенного анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Таджикское дореволюционное законодательство не содержало понятий «банда» и «бандитизм»[115]. Однако в истории законодательства указание на потребность «более жесткого наказания» за преступные деяния, «совершаемые группой лиц», мы можем встретить и встречали в разных нормативных актах. Мы выше отмечали, что в истории Таджикистана таким актом является – Авеста (Авасто).

2. Указанные выше аспекты уголовного законодательства дореволюционного Таджикистана получают своё дальнейшее развитие, начиная с нормативных правил (норм) государства Саманидов, когда основной правовой системой становится мусульманское право[116]. Таким образом, мусульманское уголовное право превалировало на территории дореволюционного Таджикистана вплоть до присоединения Средней Азии к Российской империи,[117] исходя из сущности разграничения, а также правового регулирования форм соучастия в преступлении и групповой преступности [118].

3. В 1917-1921 годах и вплоть до конца 30-х годов XX века в Таджикистане бандитизм (по УК ТаджССР 1935 года – «басмачество») представлял

---

[115] Фарханги истилохоти хукук [Словарь юридических терминов и выражений] / под ред. М.А. Махмудова. –3-е изд. –Душанбе: ЭР-граф, 2012. – С. 82-83, 251. – (На тадж. яз.).
[116] См.: Сафаров И. Правовая система государства Саманидов (IX-X вв.). – Душанбе, 1999. – С. 149-163.
[117] См.: Буриев И.Б. Действие мусульманского права в дореволюционном Таджикистане (VIII – начало XX вв.): дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 1998. – 175 с.
[118] См.: Комментарии мусульманского права / пер. и коммент. Н.П. Гродекова: в 4-х т. – Ташкент: Литогр. Лахтина, 1893. – Т. 1. – 513 с.; Т. 2. – 462 с.; Т. 3. – 423 с.; Т. 4. – 319 с.

исключительную общественную опасность. Отметим, что в советский период законодательное закрепление понятия «бандитизм» прошло ряд этапов, и эволюция этого понятия имела свою существенную специфику в Таджикистане. Понятие бандитизма, как преступного деяния, впервые упоминается уже в 1918 году.

4. Принятие УК ТаджССР 1935 года имело важное значение в истории уголовного права нашей страны, где следует указать на Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик и УК РСФСР в качестве основного правового источника[119]. При этом существовали и отличительны признаки – в частности, УК ТаджССР имел отличительные сущностные изменения и дополнения, в том числе и в регулировании такого вида организованной преступности, как бандитизм.

5. После принятия Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступные деяния» от 25.12.1958 года, норма ст. 68 УК ТаджССР 1935 г. претерпела определенные изменения, и в последующем была сформулирована в УК ТаджССР 1961 г., где за бандитизм предусматривалась ответственность в норме ст. 74 УК ТаджССР 1961 г. Данная норма содержалась в главе «Государственные преступления» (разделе II «Иные государственные преступления»).

1.2. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства о бандитизме по законодательству Республики Таджикистан и стран СНГ

В современной международной обстановке, когда с каждым днем наблюдается тенденция роста глобализации и мирового сотрудничества в области борьбы с организованной преступностью, исследование зарубежной практики борьбы с бандитизмом становится все более актуальным. Правовая система любого современного государства и особенно его уголовно-правовая отрасль направлена на адекватное реагирование в отношении случаев бандитизма.

Как известно, бандитизм является одним из социально опасных проявлений

[119] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 8-12, 23-26, 37-40.

организованной преступности, которая относится к насильственным преступлениям. Исходя из степени общественной опасности, бандитизм таит в себе большую угрозу и является весьма опасным для общества. Бандитизм представляет собой создание организованной, устойчивой и вооруженной группы, которая преследует целью нападение на людей и организации. Такое определение бандитизма также включено в уголовное законодательство государств-участников СНГ, в том числе: статья 209 Уголовного кодекса Российской Федерации[120]; статья 268 Уголовного Кодекса Республики Казахстан[121]; статья 274 Уголовного Кодекса Республики Туркменистан[122]; статья 222 Уголовного Кодекса Республики Армения[123]; статья 217 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики[124]; статья 286 Уголовного Кодекса Республики Беларусь[125]; статья 283 Республики Молдова[126], которые имеют одинаковое содержание.

Бандитизм, по законодательству стран-участниц СНГ, относится к преступлениям, направленным против общественного порядка и безопасности. Так называемые «устойчивые» преступные вооруженные формирования, создающиеся с целью совершения разбойных нападений, зачастую совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с убийствами, захватом заложников, незаконным оборотом наркотиков и оружия, похищением людей и т.д.

---

[120] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г., №63-ФЗ (по состоянию на 31.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http: // www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f 360f202cb7b1c23fe27c3 (дата обращения: 02.11.2020).

[121] См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г., №226-V (по состоянию на 26.06.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https: // online.zakon.kz /m/ document?doc_id=31575252#sub_id=3660000 (дата обращения: 10.07.2020).

[122] См.: Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г., №222-1 (по состоянию на 22.08.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https: // online.zakon.kz / document / ?doc_id=31295286 (дата обращения: 25.11.2020).

[123] См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г., №ЗР-528 (по состоянию на 14.01.2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https: // www. legislationline.org / download / id/8237 / file / Armenia_CC_am2016_ru.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

[124] См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утверждён Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г., №787-IQ) (по состоянию на 09.07.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: 170 http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 10.07.2020).

[125] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., №275-З (по состоянию на 11.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовный_Кодекс_РБ (дата обращения: 10.07.2020).

[126] См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г., №985-XV (по состоянию на 09.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://continent-online.com / Document / ?doc_id=30394923#pos=6; -150 (дата обращения: 02.11.2020).

Необходимость проведения сравнительно-правового анализа уголовных норм в области борьбы с бандитизмом Республики Таджикистан обусловлена перспективой совершенствования уголовной ответственности за бандитизм и развития уголовного законодательства стран СНГ в целом и Республики Таджикистан в частности.

После развала СССР во многих республиках, некогда входивших в его состав, наметилась тенденция роста и распространения тяжких и особо тяжких преступлений. Наряду с этим правовая система в странах, которые образовались на постсоветском пространстве, претерпела ряд существенных изменений. Как в Республике Таджикистан, так и в других странах СНГ наметилась тенденция развития именно уголовного законодательства. В частности в Республике Таджикистан в 1998 году был принят и введен в действие новый УК РТ, где в ст. 186 была установлена ответственность за бандитизм.

В соответствии с ч. 1 ст. 186 УК РТ бандитизм выражается в совершение следующих действий:

1) создание устойчивой вооруженной группы (банды);

2) участие в такой организованной вооруженной группе (банде);

3) совершение лицом с использованием своего служебного положения;

4) совершение при опасном или особо опасном рецидиве.

В частности, создание банды заключается в любых действиях, итогом которых становится факт возникновения и формирования устойчивой вооруженной группы (банды), с целью нападения на граждан или организации. Данные действия состоят из принятия решений по созданию таковых устойчивых вооруженных групп (банд), сговора по привлечению участников групп (банд), по сбору информации об обнаружении и завладении оружием, разработки плана действий и распределения функций между этими участниками. Диспозиция нормы статьи 186 УК РТ определяет объективную сторону состава бандитизма, которая образуется посредством вышеперечисленных видов действий.

Сравнительный анализ показал, что аналогичными с нормами УК РТ являются нормы национальных УК стран ближнего зарубежья, также интересным

является модельный Уголовный кодекс государств-участников СНГ. Разработчики УК РТ, как и разработчики УК постсоветских стран следовали принципам и правовым конструкциям модельного УК. В Общей части УК также предусмотрены четыре формы соучастия:

1) группа лиц без предварительного сговора;

2) группа лиц по предварительному сговору;

3) организованная группа;

4) преступное сообщество (преступная организация).

Пределами ответственности для создателей и руководителей организованных групп и преступных сообществ должны являться преступные действия, которые охватывались их умыслом. Что касается участников, то пределами являются те преступления, в подготовке и совершении которых они приняли участие. В определенных случаях, предусмотренных в Особенной части УК, каждый из участников будет нести ответственность по совокупности за формирование, осуществление руководства или иное участие в бандитских формированиях. Нормы Особенных частей всех уголовных законодательств предусматривают отдельные составы преступлений в отношении вышеперечисленных действий в бандитской группе. К примеру, диспозиция ст. 268 УК Республики Казахстан совпадает с диспозицией ст. 186 УК РТ и 209 УК РФ, однако санкции за подобные преступные деяния в корне весьма разнятся:

- создание банды и руководство ею наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества;
- участие в банде – на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества;
- те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, - на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

В сущности, подобным образом был решен вопрос и в Уголовном законодательстве Азербайджана и Армении, однако законодатели данных государств отказались от квалифицированного вида. Необходимо указать, что в отличие от ст. 186 УК РТ квалифицированный состав в отношении лиц,

обладающих служебным положением, предусматривается не во всех УК. В ч. 1 ст. 222 УК Республики Армения предусмотрена ответственность в отношении организаторов и руководителей банд, а в ч. 2 данной нормы –участников этих банд, при этом квалифицированный состав в отношении лиц, которые при совершении этих деяний использовали свое служебное положение, отсутствует. При том, что ч. 1 ст. 222 УК Республики Армения и ч. 1 ст. 209 УК РФ предусмотрены аналогичные санкции, в ч. 2 ст. 222 УК Республики Армения предусмотрена санкция в виде лишения свободы сроком от шести до девяти лет. Также ст. 217 УК Республики Азербайджан не предусматривает квалифицированный состав, и просто за участие в банде существует санкция в виде лишения свободы сроком от семи до двенадцати лет.

Здесь, на наш взгляд, более целесообразно обратить внимание на сравнительный анализ бандитизма именно по УК РТ и УК РФ. Сравнительный анализ нормы статьи 186 УК РТ с аналогичной нормой статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает на их идентичность, в связи с чем существует возможность использования определенных источников при определении понятия «бандитизм» в теории уголовного права России.

Вместе с тем следует указать, что в России в 1996 году был принят новый УК, и в нем было установлено понятие «бандитизм», однако всё ещё продолжается научная полемика вокруг данного понятия. В частности многие российские ученые относят бандитизм к одной из форм проявления организованной преступности[127]. Наряду с этим есть и ученые, высказывающие мнение относительно того, что, исходя из свойственных мотивов, бандитизм следует отнести к корыстно-насильственным уголовным деяниям[128]. Авторы уверены, что признак «вооруженность» по отношению к бандитизму является его конструктивным признаком. Именно поэтому бандитизм относится к вооруженной преступности[129].

---

[127] См.: Агапов П.В Уголовно-правовое, криминологическое и социально-политическое исследование бандитизма: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 14.
[128] См.: Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому Уголовному кодексу Российской Федерации). – М.: Интел-Синтез, 1997. – С. 102.
[129] См.: Корецкий Д.А., Пособина Т.А. Современный бандитизм. – СПб., 2004. – С. 35.

Вместе с тем анализ преступлений, связанных с бандитизмом, в Республике Таджикистан и Российской Федерации, указывает на возможность отнесения некоторых из них к общеуголовным групповым преступлениям. При этом большинство из совершаемых организованных преступлений тем или иным образом взаимосвязано с фактами бандитизма. Анализ практики уголовных дел, связанных с организованными преступными группами, свидетельствует о наличии целого арсенала оружия и вооруженных групп, которые были сформированы с целью совершения нападений на учреждения, организации, отдельных граждан.

Здесь необходимо подчеркнуть целесообразность обозначения определенных криминологических признаков, посредством которых можно отграничивать признак «организованность», присущий незаконным формированиям, являющимся частью организованных преступных групп, от тех преступных групп, которые совершают общеуголовные деяния. При регистрации уголовных дел правоприменительным органам необходимо соблюдать данные правила отграничения, в противном случае это может привести к причислению всех зарегистрированных дел о бандитизме к организованной преступности. Как показывает практика, такое положение дел может привести к безосновательному увеличению количества фактов организованной преступности, что может искажать реальную обстановку с противодействием организованной преступности.

Как было указано выше, после ведения в действие УК РФ 1996 г. в качестве объекта бандитизма начали выступать общественные отношения, связанные с безопасностью; что касается самого деяния бандитизма, то под ним необходимо понимать устойчивую вооруженную группу, сформированную с целью нападения на организации, учреждения и отдельных граждан. Претерпели изменения и иные аспекты бандитизма, например:

- в норме статьи о бандитизме содержится три вида отдельных действий: 1) создание банды; 2) руководство бандой; 3) участие в банде и совершаемых ими нападениях. Здесь необходимо указать, что ныне состав бандитизма содержит в

себе новый квалифицирующий состав, т.е. совершение преступления с использованием своего служебного положения;

- в новом уголовном законодательстве также претерпели изменения и наказания за совершение бандитизма. Например, ранее за создание либо участие в банде предусматривалось наказание в виде лишения свободы от 3 до 15 лет с конфискацией имущества либо смертная казнь с конфискацией имущества, помимо этого ответственность для организаторов и участников не дифференцировалась. Современный УК РФ за создание и руководство бандой предусматривает санкцию в виде лишения свободы от 10 до 15 лет со штрафом до одного миллиона рублей или в размере заработной платы осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы сроком от 1 до двух 2 лет. По отношению к участникам бандгрупп и участникам нападений, совершаемых бандгруппами, предусматривается наказание в виде лишения свободы, срок которого начинается с 8 до 15 лет, а ограничение свободы не может превышать 1 года. При совершении преступления, предусмотренного в ч. 3 ст. 209, в отношении виновного лица применяется санкция в виде лишения свободы сроком от 12 до 20 лет с конфискацией имущества;

- редакция диспозиций норм статей также изменились. В норме статьи о бандитизме УК РСФСР использовался термин – вооруженная банда, в УК РФ данный термин был переформулирован как – устойчивая вооруженная группа (банда). Также текст диспозиции вместо термина «предприятия и учреждения» содержит термин «организация», а термин «отдельные лица» был изменен на «граждане».

Данный сравнительно-правовой анализ указывает, что посредством определенных криминологических критериев можно считать ту или иную банду организованной преступностью:

- наличие в группе лидера либо руководящего костяка, который состоит из нескольких лиц, обладающих равным статусом и положением в группе (банде);

- строгая иерархия;

- четкое распределение ролей перед совершением конкретных преступных задач с

возложением обязанностей на каждого отдельного участника банды;

- наличие жесткой внутренней дисциплины по принципу вертикали, которая основывается на криминальных «нормах» и «законах», а также различных специфических преступных наказаниях за её нарушение;
- наличие высокого уровня вооружения и технического оснащения и т.д.;
- строгое соблюдение конспирации преступной деятельности;
- широкая сеть информаторов и источников информации;
- использование государственных органов и иных организаций и учреждений для нужд, выгод, интересов и иных целей групп (банд);
- наличие различных финансовых источников и базы («общак»);
- налаживание связей в среде коррумпированных чиновников;
- наличие системы планомерной нейтрализации всех форм социального контроля[130].

Здесь также необходимо иметь в виду, что при понятии организованной группы использовать криминологические критерии является не совсем корректным исходя из того, что юридически обоснованные признаки организованной группы установлены в УК РТ и РФ.

Исследование мнений ученых России, а также признаков, предусмотренных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», наводит на мысль, что вооруженные организованные преступные группы (банды) имеют следующие признаки:

1) наличие двух и более участников в составе банды;

2) наличие признака устойчивости;

в) наличие признака вооруженности;

г) наличие цели совершения нападения на граждан и организации.

В отличие от иных видов преступности, бандитизм характеризуется наличием признака профессиональной преступности, который включает в себя преступные действия, как правило, совершаемые лицами, для которых

[130] См.: Репецкая А.Л. Организованная преступность в сфере экономики и финансов и проблемы борьбы с ней. – Иркутск: ИГЭА, 2000. – С. 6–7.

совершение преступления является своего рода профессией. Помимо этого целью бандитизма является систематичное извлечение незаконных доходов. Об этом свидетельствует мнение А.И. Гурова о том, что в среде криминальных субъектов, которые промышляют корыстно-насильственными преступлениями, намечены тенденции профессионального преступного развития у лиц, совершающих нападение на организации, граждан и автотранспортные средства. При этом 80 % разбойных групп используют оружие[131]. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии в таковых преступных группах признаков бандитизма.

Эти банды, как субъекты профессиональной преступности, содержат в себе следующие характерные особенности:

- наличие стабильности в своей преступной деятельности. При этом следует иметь в виду, что характерной чертой банды является совершать нападения на магазины, банки и другие торговые точки, существуют также банды, промышляющие на автотрассах, заказных убийствах и т.п.;
- профессиональные навыки обращения с оружием, физическая подготовка участников банд и т.д.;
- основным источником средств незаконного дохода банд является именно совершение бандитских нападений;
- существование и дальнейшее налаживание преступных связей с криминальным сообществом, с представителями отдельных криминальных структур, преступниками - «одиночками», а за последнее время – и с криминальными субкультурами.

Анализ норм УК РТ и УК РФ позволяет сделать вывод относительно того, что при квалификации бандитизма необходимо наличие вышеперечисленных признаков, в противном случае названные действия должны квалифицироваться как общеуголовные групповые преступления.

Здесь также следует провести анализ бандитизма по Уголовному законодательству Кыргызской Республики. Итак, в ранее действовавшем УК Кыргызской Республики понятие бандитизма было определено в норме ст. 230

[131] См.: Гуров А. И. Профессиональная преступность: история и современность. – М., 1990. – С. 128.

следующим образом: создание устойчивой организованной вооруженной группы (банды) с целью нападения на граждан или организации, руководство такой группой (бандой)[132].

В случае совершения лицом данного преступления, к нему применялось наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, с конфискацией имущества. Что касается участия в банде либо в ее нападениях, предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Данная норма также предусматривала квалифицирующий состав, например, при совершении лицом бандитизма с использованием своего служебного положения, где соответственно увеличивался срок санкции в виде лишения свободы до двадцати лет с конфискацией имущества (ч. 3 ст. 230 УК КР).

В новом Уголовном кодексе Республики Кыргызстан, который был принят 28 октября 2021 года[133], уже отсутствует понятие бандитизма. Вместо этого в норме ст. 261 действующего УК КР под названием «Создание организованной группы или участие в ней» речь идет о том, что «Создание организованной группы для совершения преступлений, а равно руководство такой группой – наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества.

В части второй данной нормы предусмотрена ответственность за участие в организованной группе в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества.

В части третьей данной нормы предусмотрена ответственность за признание, подтверждение или не отрицание занятия положения (статуса) в криминальной иерархии либо в организованной группе в виде лишения свободы свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества.

Помимо этого в примечании ст. 261 действующего УК КР предусмотрено, что лица, которые добровольно прекращают участие в организованной группе и

---

[132] См.: УК Кыргызской Республики от 01.10.1997 г. // URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 08.12.2020.).

[133] См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г., №126 (по состоянию на 18.01.2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru (дата обращения: 22.01.2022).

сообщают компетентным органам сведения, которые уличают лиц в создании такой группы, руководстве ею или участии в ней, от уголовной ответственности освобождаются.

По УК Азербайджанской Республики, бандитизм, как и в УК РТ и УК РФ, является преступлением против общественной безопасности. В соответствии с данным законом, по отношению к каждому из участников бандгруппы предусмотрена личная ответственность каждого из участников. В случае участия лица в банде либо в ее нападениях лицо может быть лишено свободы сроком от семи до двенадцати лет.

На основе анализа УК этих государств следует указать, что Уголовный закон Республики Азербайджан главным образом отличается наличием нормы ст. 217.1, где за создание или руководство бандой лицо может быть подвергнуто санкции в виде лишения свободы сроком от 10 до 15 лет, с конфискацией имущества. Вместе с тем в УК АР отдельная норма, предусматривающая ответственность за совершение бандитизма с использованием служебного положения, отсутствует[134].

На основе анализа также было установлено, что норма статьи 268 УК Республики Казахстан[135] совпадает с нормами статей 186 УК РТ и ст. 209 УК РФ. Их различие состоит в отсутствии в норме ч. 1 ст. 268 УК Республики Казахстан цели нападения, т.е. нападение на граждан и организации. Понятие бандитизма в Республике Казахстан, помимо УК страны, содержится также в Постановлении ВС Республики Казахстан № 2[136]. При этом главное отличие указанных норм заключается в строгости санкций при совершении бандитизма.

В УК РБ, как и в большинстве УК стран СНГ, предусмотрена уголовная ответственность при совершении бандитизма. Именно норма ст. 286 УК РБ предусматривает ответственность за бандитизм. В соответствии с данной нормой

---

[134] См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утверждён Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г., №787-IQ) (по состоянию на 09.07.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: 170 http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 10.07.2020).

[135] См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г., №226-V (по состоянию на 26.06.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https: // online.zakon.kz /m/ document?doc_id=31575252#sub_id=3660000 (дата обращения: 10.07.2020).

[136] См.: Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 21.06.2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии» // URL: http://base.consultant.ru (Дата обращения: 08.12.2020.).

предусматривается несколько отдельных уголовных деяний, которые в конечном итоге образуют состав бандитизма, в частности это создание вооруженной организованной группы, руководство такой группой, а также участие в банде и в ее нападениях; данная норма за совершение бандитизма предусматривает ответственность в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет, с конфискацией имущества либо без таковой. Сущность данной нормы заключается в определении банды как вооруженной организованной группы, сформировавшейся с целью совершения нападений на отдельных граждан, организации, предприятия, а также учреждения[137].

Анализ норм УК вышеприведенных стран, предусматривающих ответственность за бандитизм, показал, что в большинстве из них уголовная ответственность в отношении отдельных участников банды не дифференцирована. В качестве объекта бандитизма по уголовным законодательствам всех стран-участниц СНГ выступает именно общественная безопасность.

В соответствии с вышеизложенными обстоятельствами следует заключить, что нормы уголовного законодательства Республики Таджикистан, предусматривающие ответственность за бандитизм, схожи с нормами УК государств-участников СНГ. Здесь следует указать, что весьма примечательным является модельный УК государств-участников СНГ. При разработке модельного Уголовного кодекса и своих национальных УК страны постсоветского пространства были едины в своих позициях и законодательных конструкциях.

В Общей части УК государств-участников СНГ также предусматриваются четыре формы соучастия:

1) группа лиц без предварительного сговора;

2) группа лиц по предварительному сговору;

3) организованная группа;

4) преступное сообщество (преступная организация).

---

[137] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., №275-З (по состоянию на 11.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовный Кодекс РБ (дата обращения: 10.07.2020).

Для создателей и руководителей организованной группы и преступного сообщества пределом ответственности является охват их умыслом совокупности всех совершаемых противоправных уголовных деяний. В качестве предела ответственности для иных участников банды выступает само принятие участия в подготовке и совершении всех преступлений. При определенных случаях, которые предусмотрены в Особенной части УК, они будут привлекаться к совокупной уголовной ответственности за формирование, руководство или участие в вооруженной организованной группе (банде). Следует указать, что в Особенных частях всех вышеперечисленных УК предусмотрены отдельные нормы, которые устанавливают ответственность за формирование, руководство и участие в вооруженных организованных группах (банде). В качестве примера можно привести диспозицию нормы ст. 268 УК Республики Казахстан, аналогичную диспозиции нормы ст. 186 УК РТ. При этом санкции норм в случае совершения бандитизма существенно отличаются, например:

- за формирование банды и руководство ею предусмотрена санкция в виде наказания, связанного с лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества;
- за участие в банде предусмотрена санкция в виде наказания, связанного с лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества;
- за совершение лицом тех же деяний с использованием своего служебного положения предусмотрена санкция в виде наказания, связанного с лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

В общем, в УК Азербайджана и Армении данная проблема разрешена аналогичным образом, при этом нормы их УК не предусматривают квалифицированный вид бандитизма. Необходимо отметить, что по сравнению со статьей 186 УК РТ квалифицированный состав, который связан с использованием лицом своего служебного положения, не везде предусмотрен. Например, в норме ч. 1 ст. 222 УК Армении предусматривается ответственность в отношении организатора, а также руководителя данной бандгруппы, в норме ч. 2 данной

статьи речь идет об ответственности участников бандгрупп, при этом квалифицирующего признака данная норма не содержит. Если в ч. 1 ст. 222 УК Армении и в ч. 1 ст. 186 УК РТ предусматриваются одинаковые санкции, то ч. 2 ст. 222 УК Армении предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до девяти лет.

В ст. 217 УК Азербайджана данный квалифицирующий признак отсутствует, там говорится только об участии в бандгруппе, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет. В УК РБ ответственность за создание, руководство, участие в банде или совершаемых ею нападениях не разграничивается. За все перечисленные преступные действия норма ст. 286 УК РБ предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

На основе проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать следующие выводы:

1. Анализ норм УК стран СНГ, предусматривающих ответственность за бандитизм, показал, что в большинстве из них уголовная ответственность в отношении отдельных участников банды не дифференцирована. В качестве объекта бандитизма по уголовным законодательствам всех стран-участниц СНГ выступает именно общественная безопасность.

2. Как было указано выше, бандитизм является корыстным преступлением, при совершении которого преступники нередко преследуют цель завладения чужим имуществом; исходя из этого, возникает необходимость во включении дополнительной санкции в виде конфискации имущества за совершение бандитизма по ч. 1 и ч. 3 статьи 186 УК РТ.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

2.1. Объект и объективная сторона бандитизма в Республике Таджикистан

В уголовном праве преступные деяния, посягающие на общественную безопасность, включены в главу «Преступления против общественной безопасности», статья 186 которой предусматривает ответственность за бандитизм, которому придается особое значение в связи с его повышенной социальной опасностью.

В литературе правомерно подчеркивается, что создание банд с целью нападения, и участие их членов в совершаемых преступлениях характеризуются одним присущим признаком, существенно отягчающим общественно опасные последствия данного деяния. Здесь речь идет о готовности участников различных бандгрупп совершать в ходе бандитского нападения любое уголовно-правовое деяние, а также уголовная одержимость последних при выполнении поставленных задач. По мнению автора, «эти качественные признаки не характерны для иных группировок, которые были организованы для совершения разбойных нападений и иных корыстных преступных деяний»[138].

Для определения объекта бандитизма важно рассмотреть характеристики бандитизма, основополагающие признаки не только в уголовно-правовом и криминологическом, но и в социальном аспекте. По мнению В.П. Ревина и Х.С. Сафарова, под понятием «бандитизм» следует понимать создание «устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой)»[139]. В Постановлении Пленума ВС РТ № 15 от 23 ноября 2012 года «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме»[140] указывается, что группой (бандой), является именно устойчивая

---

[138] Казакова В.А. Вооруженная преступность как составная часть организованной преступности // Организованная преступность, терроризм, коррупция: криминологический ежеквартальный альманах. Вып. 2. – М, 2003. – С. 129-140.

[139] Ревин В.П., Сафаров Х.С. Уголовное право Республики Таджикистан. Особенная часть / под ред. В.П. Ревина, К.Х. Солиева. - Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 81.

[140] Аналогично и в ранее действовавшем Постановлении Пленума Верховного суда РТ от 26 июня 1997 г. «Дар бораи амалиёти суди оид ба парвандахои бандитизм».

организованная вооружённая группа (банда), которая состоит из двух или более лиц и предварительно объединившихся для совершения одного или нескольких нападений на граждан или организации.[141]

Указанное понятие уже становится общепринятым в юридической науке и практике РТ. В то же время в вопросе об объективных признаках бандитизма нет ни общепринятого мнения, ни законодательной дефиниции, ни правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной. Поэтому отмеченные вопросы вызывают достаточно серьезную научную и практическую дискуссию и немалый интерес[142].

Т.Ш. Шарипов и А.И. Сафарзода отмечают, что для полного определения сущности любого преступления анализ следует начать с его объекта. Объект преступления, по их мнению, это охраняемые уголовным законом ценности (личные, общественные и государственные), на которые посягает преступное деяние[143].

По мнению Н.А. Кудратова, объект преступления – это то, на что посягает преступление, то есть то, на что оно направлено и чему причиняет или может причинить вред[144].

И.Х. Бободжонов отмечает, что объект преступления – один из центральных и основополагающих вопросов уголовного права. Преступное деяние направлено на объект преступления, т.е. объект преступления – это то, на что посягает преступление, нарушает его, наносит вред или может нанести вред ему.[145]

С.Х. Хусейнов определяет объект преступления как общественное отношение охраняемое законом, которому общественно опасным деянием причиняется или может причиняться вред.[146]

---

[141] См.: Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 23.11.2012 г. № 15 «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». - Душанбе, 2012.
[142] См.: Фарханги истилохоти хукук [Словарь юридических терминов и выражений] / под ред. М.А. Махмудова. – 3-е изд. – Душанбе: ЭР-граф, 2012. – С. 82-83.
[143] См.: Шарипов Т.Ш., Сафарзода А.И. и др. Уголовное право (Общая часть). – Душанбе, 2020. – С. 77.
[144] См.: Кудратов Н.А. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть. – Душанбе, 2012. – С. 117.
[145] См.: Бободжонов И.Х. Масоили мубрами бандубасти чиноятхо. (Дар назария ва амалия). – Душанбе: Ямини Содик, 2014. – С. 5.
[146] См.: Хусейнов С.Х. Состав преступления: учебное пособие. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – С. 30. – (На тадж. яз.).

В ст. 2 УК РТ перечислены объекты, охраняемые УК РТ. Среди перечисленных охраняемых объектов можно выделить объект в виде общественной безопасности. Как правило, под общественной безопасностью следует иметь в виду родовой объект совокупности преступлений, которые сосредоточены главным образом в XXI главе УК РТ. В данной главе также можно встретить норму, устанавливающую ответственность по отношению к бандитизму. Что касается понятия «общественная безопасность», то под ним следует понимать совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение безопасности в сфере жизнедеятельности граждан, организаций, учреждений и предприятий. Исходя из выше отмеченного, следует говорить именно о совокупности общественных отношений, поскольку само понятие общественной безопасности является сложным и многогранным.

По этому поводу Т.Д. Устинова отмечает: «Сколько можно представить себе отдельных направлений, сегментов, в которых функционирует человеческая личность, столько существует разновидностей общественной безопасности»[147]. Под общественной безопасностью, в интерпретации Верховного Суда РТ, следует понимать «состояние защищенности жизненно важных интересов общества, совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития общества»[148].

Нельзя согласиться и с имеющейся точкой зрения о том, что под общественной безопасностью необходимо иметь в виду определенные правила поведения в той или иной сфере социальной жизни, которые необходимо соблюдать. Как отмечает А.Н. Игнатова, преступные деяния против общественной безопасности подразделяются на следующие разновидности: а) преступные деяния, нарушающие специальные производственные правила (нормы); б) преступные деяния, нарушающие общие правила (нормы)

[147] Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ). – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»», 1997. – С. 20.
[148] Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (1992-2011). – Душанбе, 2011. – С. 415.

безопасности; в) преступные деяния, нарушающие правила (нормы), установленные в целях нормальной эксплуатации транспорта[149].

По мнению М.А. Ефремова, «в основе всех социально опасных деяний рассматриваемой группы лежат неправильное обращение с предметами, являющимися источниками повышенной опасности, несоблюдение установленных правил (норм)»[150]. Это мнение и подход М.А. Ефремова к определению понятия общественной безопасности как объекта преступного деяния применительно к бандитизму, ряд авторов считают «не безупречными»[151], и с ними в этом можно согласиться.

По статистике в РТ, в научных исследованиях ученых, недостаточно проявляются показатели, по которым можно оценить уровень организованности, устойчивости, вооруженности преступных объединений в стране. Также, принимая бандитизм за социальное явление, без количественных и качественных характеристик трудно исследовать криминологический смысл бандитизма. Общественная безопасность ослабевает, если по результатам исследований решений судов в большем количестве обнаруживаются оправдательные приговоры по делам о бандитизме.

Чтобы лучше представить структуру общественной безопасности, следует обозначить ее входящие составной частью, состоящие из следующих действенных элементов, которые одновременно будут являться и содержанием первоочередных задач обеспечения общественного порядка: а) необходимость установления и поддержания спокойствия и правопорядка; б) повсеместное обеспечение нужных гражданам критериев труда и отдыха; в) моральная и физическая неприкасаемость личности; г) всестороннее сохранение государственного имущества; д) обеспечение нормальной деятельности государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

---

[149] См.: Курс советского уголовного права. Т. 6. – М., 1971. – С. 308-309.

[150] Ефремов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск, 1971. – С. 13.

[151] Антилов В.И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – Киев, 1987. – С. 6-7.

Но структура общественной безопасности может выделяться как чрезмерно объёмная. Перечисленные входящие составной частью не могут точно трактовать классификацию общественной безопасности. Эти элементы могут в той или иной мере характеризовать задачи, призванные обеспечить нормальное (правомерное) соблюдение, при адекватном установлении, правил (норм), или необходимые нормальные стороны социальной жизни.

Важно также учитывать, что имеются правила (нормы) общественной безопасности общего, обычного характера, которые призваны обеспечивать нормальную жизнедеятельность человека, его свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, которые гарантированы Конституцией РТ. Данные блага охраняются посредством уголовно-правовой охраны общественной безопасности, а потому закон и моральные устои общества содержат требования о том, что любой член общества обязан воздержаться от действий, совершение которых может привести к ущемлению или нарушению отмеченных прав человека и гражданина, гарантируемых Конституцией. Представляется, что с данным утверждением не вполне можно согласиться. Насчёт норм как о юридических понятиях, имеющих конкретное содержание и определенное правовое значение, можно говорить в случаях их фиксации в конкретных нормативных актах. Действительно, есть основания утверждать, что многие составы совершенных преступных деяний, направленные против общественной безопасности, представляют собой нарушение тех или иных правил (норм), регламентирующих порядок осуществления процессов на отдельных видах производств, хранения и эксплуатации различных источников повышенной опасности и т.д. Их характерная особенность состоит в следующем: наличие состава данного преступления имеет место только в том случае, когда установлен факт нарушения определенной нормы статьи закона. В процессе квалификации состава бандитизма возникает совсем другая ситуация, так как в этом случае не имеет места нарушение таковых норм или правил. Ссылка же Т.Д. Устиновой на общие, обычные правила (нормы), заключающиеся в том, что любой член общества обязан воздержаться от действий, совершение которых может привести

к ущемлению или нарушению прав человека и гражданина, гарантируемых Конституцией, нам представляется недостаточной и неубедительной.

Нарушения общих, обычных правил (норм), призванных обеспечивать права гражданина, могут быть совершены многими преступными деяниями, например, преступлениями, посягающими на такие конституционные права, как жизнь, здоровье, собственность и т.д. Вместе с тем эти преступные деяния, исходя из данных признаков, нельзя относить к преступлениям, посягающим на общественную безопасность. В этой связи понятие «общественная безопасность» необходимо рассматривать в широком смысле. Так, под общественной безопасностью следует понимать общественные отношения, складывающиеся при обеспечении нормального жизнеобеспечения граждан, нормального осуществления деятельности организаций, учреждений и предприятий.

Общеизвестно, что в теории уголовного права принято разделять объект преступления на: 1) родовой; 2) непосредственный; 3) дополнительный. Как показывает практика расследования уголовных дел, при совершении бандитских нападений существует вероятность причинения вреда здоровью и лишения жизни потерпевшего, также могут пострадать такие общественные отношения, как половая неприкосновенность или половая свобода, личное, общественное и государственное имущество. В этой связи целесообразно причислять данные объекты в качестве дополнительного объекта бандитизма. Что касается родового объекта бандитизма, то в качестве такового выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Как правило, данные правоотношения устанавливаются и охраняются государством, и они выражаются в обеспечении соответствующих условий для жизнедеятельности всего общества, а также отдельных граждан страны. В качестве непосредственного объекта бандитизма выступают определенные общественные отношения, которые связаны с безопасными условиями жизнедеятельности граждан, нормального функционирования государственных и частных предприятий, учреждений, организаций, а также с общим спокойствием населения страны и т.д.[152]

[152] Сальников А.В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и

Объективную сторону преступного деяния принято понимать, как внешнюю сторону общественно-опасного деяния, направленного на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны.

По мнению Т.Ш. Шарипова и А.И.Сафарзода, объективная сторона состава преступления представляет собой совокупность определенных уголовным законом признаков преступления, характеризующих внешнее проявление конкретного общественно опасного деяния[153].

Р.Д. Гоибов определяет объективную сторону преступления как составную часть преступления, указывая на проявление определенного поведения, опасного для общества, вредного для объекта и охраняемого уголовным законом.[154]

По мнению С.Х. Хусейнова, объективная сторона как элемент состава преступления показывает внешнее проявление конкретного общественно опасного поведения, которое причиняет вред охраняемому уголовным законом объекту.[155]

В специальной правовой литературе Таджикистана говорится о том, что объективная сторона бандитизма состоит из следующих основных действий: 1) организация устойчивой вооруженной группы (банды); 2) руководство такой группой (бандой)[156]; в) участие в такой группе (банде); 4) участие в подготовке нападений, в самих нападениях или в завершении нападений.

Организация банды включает в себя принятие решений о совершении действий, в итоге которых возникает устойчивая вооруженная группа (банда), с целью дальнейшего нападения на граждан или организации. Это на практике выражается в принятии решения о создании такой устойчивой вооруженной группы (банды), в сговоре по привлечению соучастников, изыскании оружия, составлении плана и распределении функций между членами устойчивой вооруженной группы (банды). Диспозиция статьи 186 УК РТ, определяя

перспективы: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 77.

[153] Шарипов Т.Ш., Сафарзода А.И., Камолов З.А., Холикзода Ш.Л. Уголовное право (Общая часть). – Душанбе, 2020. – С. 82. – (На тадж. яз).

[154] Гоибов Р.Д. Уголовное право (Общая часть): метод. пособие. – Худжанд, 2007. – С. 42. – (На тадж. яз.).

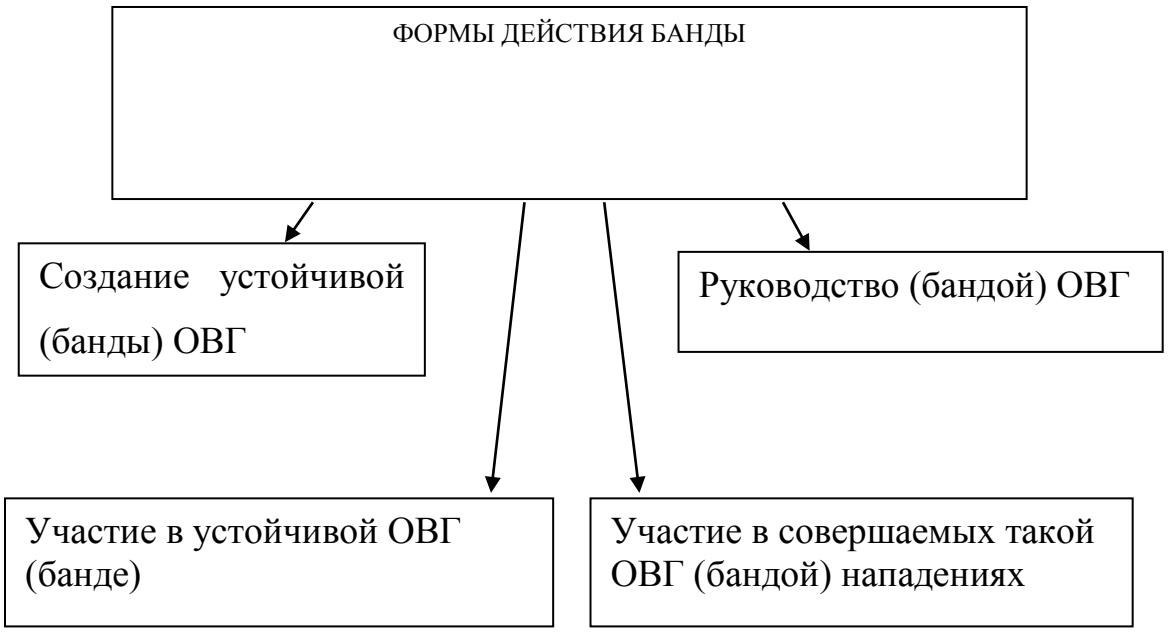
[155] Хусейнов С.Х. Состав преступления: учеб. пособие. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – С. 66. – (На тадж. яз.).

[156] См.: Ревин В.П., Сафаров Х.С. Уголовное право Республики Таджикистан. Особенная часть / под ред. В.П. Ревина, К.Х. Солиева. - Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 111.

объективную сторону состава бандитизма, трактует его в виде четырех пунктов, отмеченных нами выше.

Схематически действие банды можно представить в четырех формах указанных на рисунке 1:

Рисунок 1.



Не случайно, исходя из вышеприведенного определения понятия бандитизма, В.П. Ревин и Х.С. Сафаров делают вывод, что «признаками банды являются: группа лиц, сплоченность, вооруженность, создание для нападения на граждан или организации»[157].

В словаре юридических терминов и выражений отмечается, что признаками банды являются: 1) наличие двух и более лиц (групп); 2) устойчивость банды; 3) вооруженность банды; 4) наличие цели нападения на граждан или организации. Также необходимо отметить, что если группа совершит хотя бы одно из указанных действий, то уже налицо состав бандитизма[158].

По мнению В.П. Ревина и Х.С. Сафарова, для признания группы лиц, объединившихся в целях нападения на граждан или организации, необходимы два признака: устойчивость и вооруженность. Под устойчивостью организованной вооруженной группы (банды) необходимо подразумевать следующие признаки:

[157] Ревин В.П., Сафаров Х.С. Указ. соч. – С. 112.
[158] См.: Фарханги истилохоти хукук. Словарь юридических терминов и выражений / под ред. М.А. Махмудова. – 3-е изд. – Душанбе: ЭР-граф, 2012.

устойчивый состав, сплоченность участников этой банды, постоянство способов форм и преступной деятельности. Совокупностью признаков, которые характеризуют такой признак банды, как устойчивость, как правило, являются стабильность банды, тесная взаимосвязь участников банды, а также постоянная предварительная согласованность совместной преступной деятельности участников банды[159]. Они считают, что ОВГ или банда является вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее участников, при этом остальные ее участники должны быть осведомлены[160].

Несомненно, что важнейшим условием характеристики понятия «бандитизм» является правильное и полное установление содержания понятия организованной вооруженной группы или банды. По этому поводу следует указать на разъяснение действующего Постановления Пленума ВС РТ № 15 от 23 ноября 2012 года «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме»[161], где в п. 2 указывается о следующей характеристике – устойчивая ОВГ (банда). Устойчивая ОВГ также состоит из двух или более лиц, которые предварительно объединились для совершения нападений на граждан или организации. Исходя из этого, понятие «банда» характеризуется следующими признаками: формирование группы из двух или более лиц, предварительно сплотившихся для совершения нападений; вооруженность; устойчивость.

Однако при определении понятия банды допускаются не совсем обоснованные утверждения. Например, те же В.П. Ревин и Х.С. Сафаров заключают, что банда – сплоченная, вооруженная группа лиц, созданная для совершения тяжких и особо тяжких преступных деяний[162]. Однако нельзя понятие банды ограничивать только совершением тяжких и особо тяжких преступных деяний. В этом, полагаем, есть некоторая неточность формулировки авторов.

---

[159] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23.11.2012 г. № 15 «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». – Душанбе, 2012.
[160] См.: Там же. – С. 2.
[161] Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23.11.2012 г. № 15 «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». – Душанбе, 2012. – С. 1.
[162] См.: Ревин В.П., Сафаров Х.С. Указ. соч. – С. 112.

Наличие в банде такого конститутивного признака в понятии «банда», как создание или наличие группы, безусловно, указывает на присутствие одной из форм соучастия. Формы соучастия подробно освещены в ст. 35 УК РТ.

При этом следует обращать внимание на существование в теории уголовного права отдельных видов соучастников и форм соучастия. Также необходимо указать, что виды соучастников установлены в норме ст. 36 УК РТ, однако в УК РТ отдельной нормы, которая бы устанавливала формы преступного соучастия, не существует. Данный вопрос в научных кругах до сих пор остаётся не решенным, и носит дискуссионный характер. На основе исследования данного вопроса можно прийти к выводу, что позиция М.В. Геворкяна является более обоснованной, так как автор указывает на уровень согласованности действий соучастников либо на их субъективную связь. Здесь необходимо иметь в виду, что они являются весьма разнообразными, и в этой связи их совместное совершение деяния может обуславливаться различным степеням общественной опасности. Исходя из этого, точка зрения о том, что степень согласованности либо степень субъективной связи должна служить в качестве необходимого критерия при выделении форм соучастия, является обоснованной [163].

Нами не раз отмечалось, что в УК РТ имеется понятие «формы соучастия», точнее, «формы преступного соучастия». Однако, на наш взгляд, нет оснований утверждать о том, что, закрепляя в пунктах ст. 39 УК РТ такие признаки, как «совершение преступлений группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией)», законодатель подразумевал именно формы преступного соучастия, так как данное утверждение представляется весьма спорным. Здесь можно указать об очевидности одностороннего сопоставления форм совместной преступной деятельности, содержащихся в норме данной статьи[164].

Сам факт сопоставления нормы ст. 39 УК РТ с диспозицией нормы ст. 186 УК РТ наводит на мысль, что понятие дефиниции «банда», с указанием разделений форм соучастия, необходимо отнести к организованной группе,

[163] См.: Геворкян М.В. Указ. соч. – С. 46; Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 22-23.
[164] См.: Чернова К.Т. Организованные группы расхитителей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1974. – С. 5-6.

которая характеризуется именно признаком устойчивости группы, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступных деяний. В этой связи весьма обоснованно замечание, сделанное В.В. Осиным и В.И. Константиновым, которое заключается в процессе доказывания факта совершения преступления со стороны организованной группы, необходимость установления признаков, свидетельствующих о качественной форме преступной деятельности[165].

Данные признаки указывают, что форма преступного соучастия – организованная группа, также состоит из признака данной формы соучастия. Такого же мнения придерживается и К.Т. Чернова, которая считает, что понятие «организованность» состоит, прежде всего, из определенных действий, направленных на разработку плана преступного замысла, выполнение определенных функций каждым отдельным участником – внутренняя иерархия, дележ нажитого имущества преступным путем, и т.д. Аналогичную дефиницию ОВГ предлагают В.В. Осин и В.И. Константинов[166], а также В. Быков, которые дают более развёрнутую классификацию данного признака [167].

Как в вышеприведенных, так и в других попытках определения понятия ОВГ ряд авторов обращают внимание на присутствие такого признака, как планирование преступленного замысла и распределение функций среди участников группы. Такое обстоятельство дел, на наш взгляд, считается одним из основных при характеристике этого признака. Почти такую же позицию занимает Л.К. Малахов, когда пишет, что "преступные деяния, совершаемые организованной группой лиц, обычно планируются заранее, с четким распределением ролей между участниками"[168].

Признак организованности по отношению к бандитизму и банде имеет различные качественные признаки. Скажем, по отношению к банде признак

---

[165] См.: Осин В.В., Константинов В.И. Организованная преступность и правовые возможности борьбы с ней // Проблемы организованной преступности. – М., 1990. – С. 49.
[166] См.: Осин В.В., Константинов В.И. Организованная преступность и правовые возможности борьбы с ней // Проблемы организованной преступности. – М., 1990. – С. 51.
[167] См.: Быков В. Что такое организованная группа // Российская юстиция. – 1995. – № 10. – С. 41-42.
[168] Малахов Л.К. Ответственность за вымогательство по российскому и зарубежному праву. – Н. Новгород, 1995. – С. 72.

«организованность», например, выражается в количестве участников и устойчивости банды, её организационных формах и связях её участников. Помимо этого банды имеют такие отличительные черты, как иерархическая структура, распределение и выполнение функций между участниками, предварительная согласованность действий, устойчивая связь между участниками, беспрекословное выполнение возложенных задач каждым участником банды. Перечисленные признаки в своем функциональном значении призваны завершить и подытоживать дисциплинированно сформулированную бандой преступную цель.

Среди признаков, характеризующих банду как организованную группу, свое специфическое место занимает ее устойчивость, которую Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов определяют в качестве ее главного отличительного признака. Раскрывая содержание данного признака, Пленум ВС РТ указывает о следующих признаках устойчивости группы (банды): стабильность, тесная взаимосвязь, согласование действий, постоянство форм и способов преступной деятельности[169].

В отношении указанного признака точки зрения некоторых ученых не особо отличаются. При правовой оценке признаков банды они обращают свое внимание именно на признак устойчивости такой группы. В качестве примера можно привести мнение С.И. Никулина, который указывает, что члены организованных преступных группировок преследуют основную цель, то есть совместное совершение различных преступных деяний на протяжении долгого времени. На признак устойчивости групп указывают особый отбор новых участников, жесткая криминальная дисциплина внутри банды, организация, сплоченность и постоянство структуры группы, определенная форма и способы преступных схем и деятельности, преступная специализация и навыки участников банд[170]. На основе проведенного анализа можно прийти к выводу, что научные работы в

[169]См.: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23.11.2012 г. № 15 «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». – Душанбе, 2012. – С. 1.
[170] См.: Никулин С.И. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. – М., 2000. – С. 69-70.

данной области содержат разнообразные мнения о развитии признака «устойчивость»[171].

Дискуссионным в научных юридических исследованиях остается проблема относительно степени организованности и устойчивости банды, вооруженности группы, для совершения единичного преступления. По этому поводу криминалисты, занимавшиеся данным вопросом в целом, дают утвердительный ответ. Однако, все делают оговорку в том, что «речь может идти о таком преступлении, которое требует длительной и тщательной подготовки»[172]. Так, А.С. Михлин и И.В. Шмаров не раз указывали на то, что некоторые банды могут быть сформированы лишь для совершения единичных нападений, при этом банда долго и тщательно готовилась, а также длительное время совместно осуществляла преступную деятельность[173].

Есть сторонники и другого мнения, например, А.А. Гравина, которая утверждает, что «диспозиция нормы об ответственности за бандитизм предполагает совершение нескольких преступных деяний»[174].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РТ по делам о бандитизме указывается, что одним из признаков банды является длительность ее существования, соответственно количество совершенных ею преступных деяний, хотя также отмечается, что банда может быть создана для совершения одного или единичного акта. Конечно, спорить можно до бесконечности, а потому нам представляется, что простые, обычные формы согласованности действий участников той или иной группы – недостаточно длительный этап (период) отношений друг с другом членов группы, и тем более – отсутствие длительных отношений, которые бы основывались на совместной (взаимной) преступной деятельности, еще не являются основанием для признания такой группы бандой, или организованной вооруженной группой.

---

[171] См.: Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 25-26.
[172] Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 30.
[173] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. – М., 2000. – С. 469.
[174] Гравина А. А. Некоторые вопросы квалификации бандитизма // Законность. – 1996. – № 4. – С. 37.

Поэтому, как нам представляется, следует согласиться с мнением М.В. Геворкяна о неверности (неточности, неправомерности) приговора суда города Санкт-Петербурга, по которому за бандитизм были осуждены граждане из Таджикистана Сохибов и Абдуллоев.[175] На указанный пример также ссылается в своем диссертационном исследовании и Б.Ш. Сайдамиров.[176] Мы же приводим пример из судебной практики РТ. Нам представляется неправомерным приговор Суда Хатлонской области РТ по делу граждан К. С. и А., с двумя другими партнерами по бизнесу занимавшихся коммерческой деятельностью. Один из них был директором, а С. и А. - его компаньонами. В мае 2003 г. К., который своевременно не вернул долг, и, соответственно, у него с кредиторами возникла конфликтная ситуация, что подвигло его, с ведома остальных партнеров, договориться с тремя знакомыми лицами из некоей преступной группировки на предмет выполнения ими функций по охране фирмы, и на неофициальной основе – функций по урегулированию отношений с кредиторами и т.п. Одновременно между ними была договоренность, что за выполнение условий данного соглашения этим трем лицам выплачивается вознаграждение в размере 10% от прибыли фирмы. Последнее условие не было выполнено. По этой причине между группой и фирмой возник конфликт, трое наёмников избили К. и его партнера.

К. в свою очередь пожаловался некоему С., знакомому по коммерческой деятельности, соответственно возникла ситуация так называемой «разборки», при этом истинные причины конфликта были скрыты. В результате 12 октября 2003 года С., имевший у себя на незаконном хранении автомат АК с достаточно большим количеством боеприпасов, со своим знакомым Б. прибыл к К. вместе с оружием, и, «обсудив, но не до конца изучив и взвесив сложившуюся ситуацию, К. с соучастниками по предложению С. решили проучить и наказать представителей группировки. Соответственно, 22 октября 2003 г. в целях реализации своего плана К. по телефону пригласил представителей этой группировки для разговора и уплаты им долга, и после того, как прибыли в

[175] Геворкян М.В. Указ. соч. – С. 57-60.
[176] Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 31.

назначенное место (в офис) три человека из этой группировки, С. застрелил из своего автомата всех троих.

Указанное преступное деяние (то, что оно преступное, нет сомнений) судом было квалифицировано как бандитизм, с указанием в приговоре следующей формулировки: «гражданин С. и другие лица сформировали высокоорганизованную, устойчивую, сплоченную и вооруженную преступную группу для нападения на граждан и их убийства». Также в тексте приговора было уточнено о тщательной предварительной разработанности плана нападения, и роли каждого из участника банды[177].

Нам представляется, что обоснование доказательств наличия банды, изложенное в приговоре суда, неубедительно, прежде всего, в силу отсутствия признака устойчивости группы. Не является доказанным также классификация ролей, соответственно, их предварительное планирование и ряд других моментов. Все эти доводы были приведены в жалобе в кассационном порядке, где также обосновывалось, что обжалуемое может иметь место не только в организованной группе, но и в группе лиц, действующих по предварительному сговору. В кассационной жалобе также было подчеркнуто, что степень взаимосвязи между участниками данной группы недостаточна для банды, взаимные связи участников данной группы были во многом стихийными и неглубокими, а процесс подготовки к преступлению был чрезвычайно кратким по времени. Вышестоящий суд отменил Приговор и изменил его квалификацию.

Одним из ключевых и важных признаков банды является её «вооруженность». Без оружия нет ОВГ. Группа (банда), обладая признаками, присущими любой организованной группе, представляет собой специфическую разновидность такой организованной группы. Как верно подчеркивается в специальных научных исследованиях, такую специфичность банде придает именно «признак вооруженности»[178]. Высшая судебная инстанция РТ в своем постановлении указывает на этот обязательный признак банды. В Постановлении

[177] См.: Архив Суда Хатлонской области Республики Таджикистан за 2004 год. Уголовное дело № 1625.
[178] См.: Казакова В.А. Вооруженная преступность: сравнительный анализ // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 70.

Пленума Верховного Суда РТ от 23.11.2012 г. № 15 отмечается, что «обязательным признаком банды является наличие у ее участников оружия». В соответствии с пунктом 4 указанного Постановления «под оружием понимается, прежде всего, боевое и охотничье огнестрельное оружие, холодное оружие промышленного или самодельного производства, различные взрывчатые вещества, газовое, пневматическое оружие»[179]. Также конкретизируется, что при решении вопроса о признании предметов, которые члены устойчивой ОВГ, соответственно банды, использовали в ходе нападения на граждан или организации в качестве оружия, следует основываться на Законе об оружии, а также на заключениях экспертизы (баллистической, химической, трассологической и др.).

Здесь также подчеркнем, что понятийный минимум и классификационные критерии видов оружия уже нашли отражение в специальных исследованиях[180], а также в упомянутом Законе РТ «Об оружии» от 19.03.2013 г., где указано, что оружие - это «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов»[181]; кроме того, в нем перечислены и предложены также иные конкретные виды оружия – к примеру, огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое, сигнальное оружие, а также боеприпасы к ним[182].

В указанном выше Постановлении Пленума Верховного Суда РТ о бандитизме отмечается, что для анализа и квалификационной характеристики бандитизма «необходимо, чтобы оружие было пригодным к использованию, т.к. непригодность оружия, а также других средств или предметов, имитирующих оружие, не может быть оценена или считаться вооруженностью»[183]. В специальной литературе также отмечается об отсутствии основания для квалификации группы бандой при наличии у её членов разного рода предметов,

---

[179] Закон Республики Таджикистан «Об оружии». От 19.03.2013 г. [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.
[180] См.: Казакова В. Уголовно-правовая классификация оружия // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 21.
[181] Закон Республики Таджикистан «Об оружии». От 19.03.2013 г. [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.
[182] См.: Там же. – С. 3.
[183] Там же. – С. 5.

даже если они могут поражать живые цели, однако предназначенных для хозяйственно-бытовых целей, например, кухонные и столовые ножи, топоры и т.д.[184]

При этом уже на практике и в теории доказано, что количественные показатели наличного оружия, т.е. «количество единиц оружия», его видовые особенности значения для проведения квалификации не имеют, но они свидетельствуют о степени общественной опасности организованной вооруженной группы, т.е. банды. Результаты обобщения правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной, по указанной категории дел, т.е. о бандитизме, показали, что эти ОВГ в основном были вооружены автоматами Калашникова, и в арсенале банды имеется, как минимум, 1-2 автомата; кроме прочего, они располагают также пистолетами, как правило, армейского образца или происхождения.

Расмотрим это на примере дела гражданина С., рассмотренного Судом района Сино г. Душанбе в майе 2017 года. Было установлено, что гражданин Х. Вместе с гражданами Н., Ш., Х., С., А., Н., А., Ш., С., Н., и С., создали с целью нападения на граждан и организаций устойчивую вооруженную группу (банду), было установлено что в их арсенале имелись автоматы Калашникова (3), пистолеты (5), а также большое количество патронов к ним. Также почти у всех участников банды при себе имелись холодные оружия – ножи[185].

Другой пример, дело банды «Ромиш», рассмотренного Судом г. Душанбе в июле 2011 года. Было установлено, что указанная банда в составе 7 человек – четверо одногодков (1974 года рождения) и еще трое, соответственно 1969, 1971 и 1972 года рождения, были вооруженными, причем имели 35 единиц и 12 видов оружия, в среднем в расчете по пять единиц оружия на каждого члена банды, начиная от охотничьих ружей (11), карабинов (6), пистолетов (6), автоматов Калашникова (4), ручных пулеметов (2), и более двух тысяч четырехсот (2400) патронов к ним. При этом все участники банды имели охотничьи билеты и

[184] См.: Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. – М.: Логос, 2003. – 256 с.
[185] См.: Архив суда района Сино города Душанбе за 2017 год, № дела 1-232/17.

разрешение на хранение на 8 из 11 охотничьих ружей, 3 карабина и 2 спортивных пистолета; кроме того, они имели 4 спортивных пистолета, арбалет с 12 стрелами, 3 рации марки «HYT-TC1688» и другое. Удивляет своим разнообразием набор различных марок охотничьих ружей и карабинов, которые они имели на вооружении; в частности, это охотничьи ружья и карабины марки «Huglu – 103 D», «ИЖ-43Е», «CZ 452-2E ZKM», «ВЕПРЬ-12», «Сайга-20», «Тигр», «ВЕПРЬ», «BOHLER STAHL», «GEBREDER MERKEL SUHL», «Молот», пистолеты марки «Макаров» и «Стечкин», спортивные пистолеты марки «ТОЗ-35», «СПОРТ», что, безусловно, говорит о признаках устойчивости и вооруженности банды целым арсеналом оружия и боеприпасов[186].

Безусловно, наличие оружия, которое является одним из конститутивных признаков банды, охватывается составом бандитизма. При этом, как правильно отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РТ от 23.11.2012 г. № 15, «дополнительная квалификация по статье, которая предусматривала бы ответственность за незаконное обращение с оружием, естественно, не требуется». Отсюда вытекает, что создание ОВГ, охватывающей рассмотренные выше признаки, является одной из наиболее опасных форм проявления бандитизма. Нам представляется, что термин "создание", является идентичным термину "организация", который был использован законодателем ранее в формулировке бандитизма, а именно в ст. 74 УК Тадж. ССР 1961 г. Таким образом, можно заключить, что в отмеченных случаях речь идет об организации, а в нынешней формулировке – о создании устойчивой ОВГ, т.е. банды.

При этом, как отмечается в п. 5 вышеназванного Постановления Пленума Верховного Суда РТ, «под организацией устойчивой вооруженной группы (банды) следует понимать такие действия, в результате которых создаётся устойчивая вооруженная группа (банда) с целью нападения на граждан или организации»[187]. Это выражается в принятии решения о создании такой устойчивой вооруженной группы (банды), сговоре по привлечению соучастников,

[186] См.: Архив суда города Душанбе за 2011 год, № дела 2-47.
[187] Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 23.11.2012 г. № 15 «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». – Душанбе, 2012. – С. 2.

изыскании оружия, составлении плана и распределении функций между членами устойчивой вооруженной группы (банды).[188]

В УК РТ правильно подчеркивается, что при анализе понятия организатора (создателя) банды – ОВГ следует особо обратить внимание на то, что организатор преступного деяния – «это лицо, организовавшее совершение преступного деяния, или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), либо руководившее ими»[189]. И это отмечается и подтверждается судебной практикой. Например, отмеченную выше формулировку в отношении лидера банды «Ромиш» использовал в своем приговоре Суд города Душанбе[190].

Следует согласиться с С.И. Никулиным, справедливо заметившим, что «создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) требует не только подбора соучастников, но и разработки структуры любого из этих преступных объединений, придания им устойчивости, определения направления преступной деятельности, в необходимых случаях - обеспечения оружием, боеприпасами, транспортными средствами, документами, средствами связи»[191].

При этом надо исходить из того, что руководство ОВГ, т.е. бандой, должно быть охарактеризовано как строгое соблюдение дисциплины внутри банды, разработку планов по совершению различных преступлений, распределение функциональных обязанностей между участниками для подготовки к совершению преступного деяния и т.д.[192]

И несомненным остается то, что состав бандитизма носит формальный (усеченный) характер; это преступление считается оконченным в момент

---

[188] См.: Там же.

[189] Уголовный кодекс Республики Таджикистан. От 21 мая 1998г. [Электронный ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0 / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). – Ч. 3 ст. 36.

[190] См.: Архив Суда города Душанбе за 2011 год, № дела 2-47.

[191] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. – М., 2000. – С. 63.

[192] См.: Ревин В.П., Сафаров Х.С. Уголовное право Республики Таджикистан. Особенная часть / под ред. Ревина В.П., Солиева К.Х. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 112.

совершения одного из указанных действий – создание, организация или руководство бандой[193].

Известно, что в адекватном установлении ст. 74 УК ТаджССР 1961 года ответственность за отдельные формы бандитизма не различалась, отсюда суды выносили приговоры, не утруждая себя выяснением вопроса о том, кто является организатором банды, и в каких действиях заключается его организаторская деятельность.

Такая же ошибка была допущена при рассмотрении уголовного дела в суде Хатлонской области РТ в 2004 году. Но в ходе судебного процесса по рассмотрению дела банды «Ромиш» Судом города Душанбе в 2011 году дифференцированный подход и учет действий (деяния) лидера банды были установлены налицо. Например, по совокупности преступных деяний лидеру банды была назначена мера наказания сроком на 21 год, другим членам банды – соответственно на 1-4 года меньше, причем это было сделано с учетом того, что лидер банды в ряде бандитских нападений непосредственного участия не принимал[194]. Поэтому следует признать важным тот момент, что в адекватном установлении с действующим законодательством, деятельность организатора банды подлежит проведению квалификации самостоятельно, «соответственно, это требует рассмотрения судом наличия достаточных доказательств именно организаторской деятельности»[195].

Бесспорно, есть существенные отличия (отграничение) между рядовыми участниками и руководителем банды, но главное отличие в том, как правильно заметил Е.А. Меркушев, что, как правило, организатор определяет, что, как и когда будет делать банда, т.е. он принимает решение[196]. При этом участие в банде, как было отмечено ранее, является самостоятельной формой соучастия в ней. Так в чем же заключается подобное соучастие? Одни авторы уверены относительно того, что участие в банде может выражаться в обычном согласии при вступлении в группу. Однако мы считаем, что подобное участие должно быть активным.

[193] См.: Там же.
[194] См.: Архив Суда города Душанбе за 2011 год, № дела 2-47.
[195] Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 40-41.
[196] См.: Меркушев Е.А. Внимание: банда // Человек и закон. – 1997. – № 4. – С. 31.

Также из нормы закона вытекает, что участник должен своими конкретными действиями содействовать осуществлению преступной деятельности банды.

Нельзя не подчеркнуть, что участие в ОВГ (банде) или совершаемых ею нападениях предполагает ответственность по ч. 2 ст. 186 УК РТ[197]. Можно согласиться с мнением Б.С. Комиссарова, что «одного согласия лица на выполнение поручений банды для признания бандитизма оконченным преступлением недостаточно. Необходимо, чтобы лицо подтвердило свое согласие практическим участием в деятельности банды»[198].

В судебно-следственной практике хотя и редки, но есть примеры проведения квалификации как участие в банде случаев, которые, как нам представляется, таковыми не являются. Известны такие случаи и из печати, в том числе они упоминались в обобщениях Верховного Суда РТ, например, дело Т.[199] В судебной практике не раз отмечалось, что в случае если лицо не осведомлено, что им оказывается какое-либо содействие собственно банде, его действия не должны быть квалифицированы как бандитизм. В Таджикистане известен случай привлечения к уголовной ответственности по ст. 74 УК РТ 1961 г. гражданина М., действия которого суд первой инстанции квалифицировал как участие в банде, однако Коллегия ВС РТ по уголовным делам отменила данный приговор на основании того, что следствием не была доказана степень участия гражданина М. в банде. Также Коллегия ВС РТ по уголовным делам определила, что следственные органы не установили факт осведомленности гражданина М. о характере данной преступной группы. Следственные органы мотивировали свое решение исходя из того, что участники банды на временное хранение оставили гражданину М., отару овец, которая была добыта ими в результате бандитского нападения.

Участие в банде считается оконченным с момента реального вхождения лица в вооруженную банду, даже если оно не участвовало в совершении конкретного

---

[197] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23.11.2012 г. № 15 «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». – Душанбе, 2012. – С. 3.

[198] Комиссаров Б.С. Уголовная ответственность за бандитизм: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1983. – С. 16.

[199] См.: Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – 2000. – № 3. – С. 4.

преступного деяния. При этом следует учесть тот факт, что простое участие в банде является менее опасным для общества.

Мы считаем, что для профилактики и пресечения бандитизма и раскрытия совершенных конкретной бандой преступных деяний, с целью выявления непосредственных участников и определения их ролей в ходе нападения», на наш взгляд, было бы целесообразным предусмотреть в УК РТ «правовую возможность или варианты стимулирующей нормы по освобождению от уголовной ответственности». Например, предусмотреть за участие в банде, по примеру ст. 187 УК РТ[200], путем внесения в ст.186 изменения и дополнения, при котором участник банды при добровольном прекращении участия в ней, а также сообщении органам власти о подробностях деятельности данной банды, а также о других ее деталях освобождается от уголовной ответственности за бандитизм, если в его действиях не содержатся признаки иных составов преступного деяния, предусмотренного в Особенной части УК РТ.

Из материалов изученных нами уголовных дел следует, что преступные деяния, совершенные ОВГ (бандой), характеризуются особой жестокостью, которая проявляется членами банды (ОВГ) в ходе совершаемых ими нападений.

Не раз отмечалось, что при нападении различных банд своими объектами они могут выбирать как конкретных лиц, так и определенные организации, учреждения, предприятия различного характера. Между тем результатом бандитского нападения может быть осуществление погрома различных помещений, разграбление этих объектов, захват либо уничтожение транспортных средств и иного имущества и т.п. Эти действия в любом случае считаются нападением, даже если они сопряжены с отсутствием применения насилия или его угрозы в отношении граждан. Как правило, ответственность участников бандгруппы в форме участия в ее нападениях имеет место тогда, когда виновный участник непосредственно принимал участие в них.

На основе проведенного анализа судебной практики выявлено, что со стороны судов не всегда соблюдаются отмеченные требования. Так, в адекватном

[200] Ст. 187 УК РТ устанавливает ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации).

установлении с приговором Судебной коллегии по уголовным делам ВС РТ от 01.06.2000 г. гражданин С. был осужден по ст. 74 УК РТ (1961 г.). В приговоре отмечено, что он был участником банды; при этом в судебном разбирательстве был установлен единственный эпизод, который состоял в следующем: 10 апреля 1998 г. участники банды А. и Ш., получив от ее руководителя Ю. задание убить Ч., пришли ночью к С. домой и предложили ему идти вместе с ними для исполнения полученного задания. С. в свою очередь отказывается принимать участие в убийстве, однако его вынуждают пойти с другими участниками к дому Ч. С. остается на улице, а А. и Ш. заходят в дом Ч. и расстреливают его из автоматического оружия. После нападения С. возвращается домой. В тексте приговора отмечается, что поскольку подсудимый С. принял участие в вооруженном нападении совместно с А. и Ш., в результате чего последними был убит Ч., тем самым совершил преступление, предусмотренное ст. 74 УК РТ, т.е. участие в вооруженной банде с целью нападения на отдельных лиц. Далее, следует отметить, что "степень его участия в совершении данного преступного деяния, что он, отказавшись, не был непосредственным исполнителем убийства, но остался соучастником этого преступного деяния". Последнее замечание исключает решение суда о проведении квалификации действий С. как участника нападения банды, а между тем резолютивная часть приговора дает аналогичную юридическую оценку [201]. Мы считаем приговор необоснованным, поскольку признаков участия в нападении банды в действиях С., как они описаны в тексте приговора, не усматривается. На наш взгляд, в действиях С. прослеживаются признаки состава, предусмотренные в недонесении о совершенном преступлении.

Само участие в бандитских нападениях отличается от соучастия в виде пособничества банде. В первом случае участник банды непосредственно принимает участие в нападении, что касается пособника, то он лишь оказывает разного рода помощь первым, и он должен осознать, что помогает именно им.

В практической деятельности также встречаются случаи, когда к ответственности привлекаются и пособники банд.

---

[201] См.: Архив Верховного Суда РТ.за 2000 г., дело № 2118.

Закон четко устанавливает, что «действия пособника в нападении банды квалифицируются с применением ч. 5 ст. 36 УК РТ». Ранее было отмечено, что с момента создания банды или участия в ней, бандитизм считается оконченным преступлением независимо от того, совершены ли ею конкретные преступные деяния или нет. Другими словами, для проведения квалификации содеянного преступления как оконченного деяния – бандитизма наступления определенных последствий не обязательно. В указанном аспекте Пленум Верховного Суда РТ от 23.11.2012 г. констатировал: «Органам уголовного преследования, судам, судьям следует учесть, что статья 186 УК РТ, устанавливающая уголовную ответственность за организацию устойчивой вооруженной группы (банды), или в совершённых ей нападениях, не предусматривает ответственность за возможные последствия преступных действий устойчивой вооруженной группы (банды), которые требуют дополнительного проведения квалификации преступных последствий нападений, составляющих самостоятельный состав.

На основе проведенного анализа правоприменительной практики было установлено, что до принятия Постановления Пленума ВС РТ от 26.06.1997 г. лишь небольшое количество конкретных преступлений, совершенных бандой, было дополнительно квалифицировано по соответствующим нормам. Итоги анализа судебной и следственной практики в области уголовных дел по бандитизму за 2011 и 2021 годы показывают, что по ст. 186 УК «бандитизм» были привлечены 165 человек. Этим количеством граждан были совершены в общей сложности 363 различных преступления, которые, по мнению судебно-следственных органов, были сопряжены с бандитизмом. Из них 85 убийств, 178 разбойных нападений, 10 грабежей, 49 случаев незаконного хранения оружия, 16 – других преступлений.

В нашем случае необходимо отметить, что среди этого количества деяний были и такие, которые выходили за грань состава бандитизма, и они соответственно требовали дополнительной квалификации с иными нормами уголовного законодательства РТ[202].

[202] См.: Обобщение следственно-судебной практики по уголовным делам о бандитизме... за 2003-2011 гг. // Архив

Другой не менее острой проблемой в правоприменительной практике является вопрос относительно охватывания составом бандитизма убийства, так как при нападении вооруженной группы (банды) редко обходится без убийств[203]. Вопрос этот является достаточно спорным, и решается неоднозначно как в судебно-правоохранительной практике, так и в научных работах.

По данному вопросу судебная практика советского периода руководствовалось тем, что при убийстве во время бандитского нападения не требуется дополнительная квалификация по убийству. Помимо этого Постановление Пленума ВС СССР от 27.06.1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»[204], которое также применялось и на практике ТаджССР, данный вопрос решался аналогичным образом. Естественно, что этот вопрос аналогично рассматривался и в научных исследованиях в соответствии с трактовкой, что больше бандитских нападений совершается с целью завладения имуществом; при этом эти нападения часто сопровождаются повреждением и уничтожением имущества, убийствами, телесными повреждениями, изнасилованиями и т.п.

В данных случаях эти действия квалифицировались только по составу бандитизма и дополнительной квалификации по иной норме не требовалось[205].

Некоторыми авторами высказываются мнения относительно того, что при убийстве в результате бандитского нападения содеянное должно квалифицироваться по совокупности соответствующих норм УК[206]. Данное положение было поддержано и Пленумом ВС РТ, который в своем Постановлении «О судебной практике по делам об убийствах» от 25.04.2001 г. № 1 указал, что при убийстве, сопряженном с бандитизмом, следует квалифицировать их по совокупности. В то же время такая же точка зрения была выражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 г.

делопроизводства Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан.

[203] См.: Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 73.

[204] Собрание Постановлений Пленума Верховного Суда СССР за 1924-1977 гг. Т. 2. – М., 1978. – С. 176.

[205] См.: Островских Ж.В. Бандитизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика: учебное пособие. – Иркутск, 2007. – С. 65.

[206] См.: Яни П.С. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. – 2005. – № 2. – С. 25.

Необходимо отметить, что в научных кругах данное положение, как и ранее, не поддерживается. Например, М.В. Геворкян весьма обоснованно отмечает, что при таком подходе ст. 209 УК РФ (ст. 186 УК РТ) самостоятельно не может применяться, за исключением тех случаев, когда созданная банда не совершила никаких нападений[207]. Убийство, как сопряженное с бандитским нападением, должно охватываться составом бандитизма. При этом, с учетом того, что действующей санкцией нормы 209 УК РФ не предусмотрена смертная казнь, как в санкции нормы 105 УК РФ, убийство, по сути, считается более тяжким преступлением по отношению к бандитизму, и поэтому не может поглощаться им. В этой связи М.В. Геворкян предложил дополнить ст. 209 частью четвертой, предусмотрев в ней ответственность за бандитизм, сопряженный с убийством, и «наказание за это деяние в виде смертной казни»[208].

Нам представляется, что указанный подход может быть признан достаточно обоснованным. Однако М.В. Геворкян упускает при этом один важный момент, на который указывает Т.Д. Устинова. По мнению Т.Д. Устиновой – в случае, когда убийство сопрягается с бандитизмом, то оно как опасное преступление выпадает из статистической отчетности, и не будет вменено лицу, его совершившему, а в случае совершения этим лицом нового убийства будет квалифицироваться не как повторное убийство, а как убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств[209].

Также необходимо указать, что в случае сопряжения убийства с бандитизмом оно противоречит одному из основных принципов проведения квалификации преступных деяний: преступление может поглощать другое преступление, когда оно является менее опасным по сравнению с основным составом преступления. В том случае, когда степень общественной опасности этих преступлений имеет обратный характер, или же когда они одинаковы по степени своей общественной опасности, требуется самостоятельная квалификация каждого из них по отдельности. Поэтому судебная практика РТ в последние годы идет по пути

[207] См.: Геворкян М.В. Указ. соч. – С. 117.
[208] Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 74.
[209] См.: Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 75.

отдельного проведения квалификации убийств, совершаемых при бандитских нападениях.

Несомненно, что в судебной практике РТ имеется еще много вопросов, которые решаются неоднозначно, даже по тем основаниям, которые были отмечены выше. И в отмеченном выше Приговоре Судебной коллегии по уголовным делам Суда города Душанбе от июля 2011 года по делу банды «Ромиш» суд квалифицировал статьи о бандитизме (ст. 186), убийстве (ст. 104) и разбое (ст. 249) УК РТ, и вынес приговор в отношении членов банды (7 человек) по совокупности[210].

На наш взгляд, отмеченные выше статьи или другие преступные деяния по совокупности со ст. 186 УК РТ, т. е. за бандитизм, следует квалифицировать только в случаях, когда совершенные преступления, сопряженные с бандитизмом, оказываются более тяжкими или одинаковыми по степени общественной опасности по отношению к бандитизму. В других случаях состав бандитизма поглощает составы менее общественно опасных преступлений.

В уголовно-правовых исследованиях в отношении проведения квалификации бандитизма по совокупности с другими деяниями применительно к ст. 186 УК РТ и соответствующей ст. УК РФ (ст. 209), суждения противоположные. Так, по мнению Ю.А. Гладышева, «дополнительного проведения квалификации требуют лишь те последствия, которые образуют состав тяжкого и особо тяжкого преступного деяния»[211]. А позиция А.Н. Игнатова такова: «Поскольку бандитизм – понятие сложное, охватывающее корыстные и некорыстные посягательства на многие непосредственные объекты, то в случае посягательств, сопряженных с убийством, изнасилованием, причинением вреда здоровью, истреблением имущества и т.д., дополнительного проведения квалификации не требуется. Однако вопрос об объеме преступных последствий, охватываемых составом

[210] См.: Архив Суда города Душанбе за 2011 год, № дела 2-47.
[211] Научно-практический комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под ред. П.Н. Панченко. Т. 2. – Н. Новгород, 1996. – С. 220.

бандитизма, требует дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, с учетом положений действующего УК»[212].

В ч. 3 ст. 186 УК РТ предусматривается квалифицирующий состав бандитизма, иначе говоря, бандитизм совершается посредством использования служебного положения, при опасном и особо опасном рецидиве, который получил первичный анализ в работе В.П. Ревина, и Х.С. Сафарова[213]. Эти квалифицирующие обстоятельства уже достаточно подробно исследованы в научных исследованиях. В частности использование служебного положения при бандитизме рассмотрено Ю.А. Гладышевым[214].

В случае совершения бандитизма при опасном и особо опасном рецидиве общее понятие и их классификация предусмотрено в ст. 21 УК РТ. Данная норма говорит, что «рецидив преступного деяния признается опасным: а) при совершении лицом тяжкого преступного деяния, если ранее это лицо не менее двух раз было осуждено к лишению свободы за умышленное преступление средней тяжести; б) при совершении лицом тяжкого преступного деяния, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к лишению свободы; в) при совершении лицом особо тяжкого преступного деяния, если ранее оно было осуждено за тяжкое преступление к лишению свободы»[215].

В той же норме говорится, в каких случаях рецидив преступного деяния признается особо опасным: а) при совершении лицом тяжкого преступного деяния, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к лишению свободы; б) при совершении лицом особо тяжкого преступного деяния, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление»[216].

Подводя краткие итоги по данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

---

[212] Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 578-582.
[213] См.: Ревин В.П., Сафаров Х.С. Указ. соч. – С. 115.
[214] См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. П.Н. Панченко. Т. 2. – Н. Новгород, 1996. – С. 220.
[215] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 575. – Душанбе, 2018. – С. 13.
[216] Там же. – С. 14.

1. Для качественного и количественного определения объективных признаков бандитизма важно рассмотреть характеристики бандитизма, основополагающие признаки не только в уголовно-правовом и криминологическом, но и в социальном аспекте.

2. Под бандитизмом следует понимать создание устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой).

3. В вопросе об объективных признаках бандитизма нет ни общепринятого мнения, ни определённой законодательной дефиниции, ни однозначной правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной.

4. В настоящий момент возникла необходимость в законодательном закреплении порядка освобождения от уголовной ответственности за бандитизм путем внесения примечания в ст. 186 УК РТ, где будут указаны эти основания.

2.2. Субъект и субъективная сторона бандитизма в Республике Таджикистан

Уголовный кодекс РТ в ст. 23 определяет основные положения, устанавливающие уголовно-правовой статус субъекта преступного деяния, в соответствии с которым уголовное наказание за бандитизм предусматривается в отношении вменяемых лиц, которые достигли ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. Поэтому в исследованиях однозначно определяется, что субъект бандитизма – физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. С четырнадцатилетнего возраста ответственность наступает за совершение преступных деяний, которые приведены в ч. 2 ст. 23 УК РТ. В этом перечне бандитизм отсутствует. В случае, когда лица не достигли 16-летнего возраста, они будут привлекаться к ответственности по соответствующим статьям УК РТ[217].

Субъективная сторона преступления – это психическое отношение виновного к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному

[217] См.: Шарипов Т.Ш., Сафарзода А.И., Камолов З.А., Холикзода Ш.Л., Зокирзода З.Х., Зиёбоева М.Н. Уголовное право (Общая часть). Краткий курс лекций: учебник. – Душанбе, 2020. – С. 96-97.

уголовным законом в качестве преступления[218]. Субъективную сторону бандитизма составляет прямой умысел, который предполагает также специальную цель банды – нападение на граждан или организации[219]. Как отмечают А. Тарбагаев и Т. Челнокова, в исследованиях предпринимались попытки "сконструировать" соучастие при одном вменяемом субъекте, а также представить группу как «многогранное уголовно-правовое явление, которое не исчерпывается признаками соучастия в преступлении»[220].

С.Х. Хусейнов определяет субъективную сторону преступления как последствие общественно опасного деяния, являющегося оконченным, либо которое должно было быть оконченным при совершении общественно опасного деяния[221].

В исследованиях, как отмечает Б.Ш. Сайдамиров, «попытки подвести под понятие группы и, в частности банды, случаи совершения вооруженных нападений со стороны лиц, в числе которых лишь один организатор является вменяемым, а остальные участники невменяемые, встречаются до последнего периода времени»[222]. Не вдаваясь в подробности этой проблемы, отметим, что о спорных вопросах субъекта преступного деяния, особенно вменяемых и невменяемых лиц, соучастия, субъективной стороны преступного деяния достаточно подробно пишет Т.Д. Устинова[223].

Соглашаясь в целом с мнением Т.Д. Устиновой, необходимо отметить, что по нескольким причинам ее мнение является весьма спорным. Так, предложенная ею точка зрения, что вина не является обязательным признаком состава преступления, в первую очередь противоречит норме ст. 17 УК РТ, где недвусмысленно указывается, что «преступлением признается совершенное виновное общественно опасное деяние». По этому поводу также существует

---

[218] См.: Кудратов Н.А. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть. – Душанбе, 2012. – С. 137.
[219] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 15 от 23.11.2012 г. «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме». – Душанбе, 2012. – С. 4.
[220] Тарбагаев А., Челнокова Т. Проблемы квалификации преступлений, совершенных участниками преступного сообщества // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 60.
[221] См.: Хусейнов С.Х. Состав преступления: учебное пособие. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – С. 133. – (На тадж. яз.).
[222] Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 66.
[223] См.: Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 45-48.

объективное суждение А.И. Рарога. Данный автор считает, что одним из обязательных признаков состава всех без исключения составов преступления является вина[224]. Без наличия вины субъект и субъективная сторона преступного деяния будут отсутствовать, и в таком случае не представляется возможным конструирование той или иной преступной группы, в том числе и банды.

В случае совершения преступлений со стороны лиц, не достигших определенного возраста, предусмотренное уголовным законодательством применение данного положения весьма кстати. В этой связи положение, предусмотренное в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 22.03.1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», говорит, что «как изнасилование группой лиц следует осуществлять квалификацию независимо от того, что остальные участники не были привлечены к уголовной ответственности в силу малолетнего возраста или невменяемости, не основывается на законе». На это обстоятельство в последующем многие ученые обращали свое внимание[225].

Лица, которым не было 16 лет в момент совершения бандитизма, не могут нести ответственность за данное преступное деяние. Такого же мнения придерживается Постановление Пленума ВС РТ от 23.11.2012 г. Помимо этого там говорится, что в случае совершения лицом различных преступлений в составе банды, которое имеет возраст от 14 до 16 лет, должны привлекаться к уголовной ответственности лишь за те преступления, для которых возрастной ценз установлен с 14 лет.

Также следует учесть важный момент относительно того, что при квалификации действий отдельных лиц данной категории необходимо учесть все нюансы конкретного преступления в виде бандитизма. Например, в случае, когда бандитское нападение с участием вышеприведенных лиц совершено с целью завладения чужим имуществом с применением насилия, опасного для жизни или

---

[224] См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2014. – С. 80.

[225] См., например: Геворкян М.В. Указ. соч. – С. 43. Кроме того, с точки зрения автора противоречивым в этой связи выглядит суждение С.И. Никулина, который пишет, что "использование виновным в качестве помощников для совершения насильственного полового сношения с потерпевшей лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу малолетнего возраста, хотя и не образует соучастия, вменяется в вину субъекту преступления как групповое изнасилование". (Уголовный Кодекс Российской Федерации. Комментарий / под ред. В.И. Радченко и А.С. Михлина. М., 2000. С. 269).

здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, действия первых должны квалифицироваться как разбой. Квалифицирующие и иные признаки данной нормы должны применяться исходя из признаков действий каждого отдельного виновного лица. При этом признак, который предусмотрен в п. «б» ч. 3 нормы 249 УК РТ, имеет место всегда, когда разбойное нападение совершено организованной группой.

В случае, когда наоборот нападение совершено без применения насилия либо если оно совершено способом не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, их действия должны квалифицироваться как грабеж, совершенный организованной группой. В-третьих, если в нападении вооруженной группы участвуют лица 14-летнего и 16-летнего возраста с целью завладения имуществом тайным образом, действия данной категории лиц будут квалифицироваться как кража в составе организованной группы. Действия данной категории лиц, которые совершили преступления в виде убийства, причинения вреда здоровью, изнасилование и т.п., должны квалифицироваться по соответствующим отдельным нормам статей УК, как совершенные организованной группой, в случае, когда эти обстоятельства будут выступать в качестве квалифицирующего состава.

В случае же, когда совершеннолетние лица вовлекают в банду лиц несовершеннолетнего возраста, действия первых требуют дополнительной квалификации соответствующей нормой статьи УК РТ, по которой предусмотрена ответственность за вовлечение последних в различные преступления организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), и в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, которым считается бандитизм. При этом основание для привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст.165 УК РТ имеет место в случае непосредственного воздействия на несовершеннолетнего указанными в законе способами в целях вовлечения его в банду или участия в совершаемых ею нападениях. В случае же, когда сам несовершеннолетний по своей воле примкнул к банде или же участвовал в ее нападении, норма статьи 165 УК РТ не применяется.

В ч. 3 ст. 186 УК РТ предусмотрена ответственность за действия, направленные на формирование, руководство и участие в банде, а также участие в нападениях этой вооруженной группы лицом с использованием своего служебного положения. В данном случае речь идет о так называемых «должностных лицах». Понятие должностного лица определено в примечании к ст. 314 УК РТ.

В свою очередь Т.Д. Устинова относит к субъектам бандитизма также лиц, работающих в организациях, причем как коммерческих, так и некоммерческих, выполняющих функции управления, которые связаны с руководством деятельностью других лиц, распоряжением или управлением имуществом, а также иных лиц, использовавших свое служебное положение для организации, подготовки или облегчения совершения преступного деяния[226].

Относительно того, что бандитизм является одной из форм соучастия в преступлении, ранее обращалось внимание; более того, на данное обстоятельство следует обратить внимание при проведении анализа субъективной стороны бандитизма. Об этом обстоятельстве указано в ст. 35 УК РТ, где отмечается, что оно представляет собой умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступного деяния[227].

И здесь подчеркнем, что, к сожалению, четкое решение вопросов относительно формы вины при соучастии, отсутствует. Например, одним из таких вопросов является различное понимание специфики субъективной связи соучастников. Некоторые ученые считают, что соучастие имеет место и при односторонней связи[228]. Например, исполнитель не всегда может осознавать конечную роль иного лица, при этом данное положение не может указать на отсутствие их совместного действия. Необходимо, чтобы подстрекатель осознавал, что своими действиями он склонил лицо к совершению преступления, а пособник помог лицу осуществить его замысел, направленный на совершение

[226] См.: Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 53.
[227] См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. [Электронный ресурс] // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0 / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). – Ст. 35.
[228] См.: Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – Киев, 1969. – С. 41.

преступления. По мнению этих авторов, данная осведомленность подстрекателя и пособника может свидетельствовать о совместности действий первых с исполнителем преступления, иначе говоря, о соучастии.

В случае, когда о характере всех вышеперечисленных действий осведомлено лишь одно лицо, о соучастии не может быть и речи. К примеру, в социальной психологии говорится, что совместность действий выражается в общности действий для нескольких лиц, например, вступление, общение участников. Такой вид общения состоит из трех сторон: а) обмен информацией между отдельными участниками; б) организация взаимодействия между участниками; в) процесс восприятия участниками своих совместных действий и установления взаимопонимания. Конечный итог этих действий направлен на достижение совершенно иного качества взаимодействия между участниками группы.

На наш взгляд, сказанное в полной мере касается и преступной деятельности. Восприятие одним участником факта совместности (взаимности) в ее осуществлении с другими лицами выражается в осознании каждым лицом факта участия иного лица в совершении преступления. Исходя из этого, признак совместности при соучастии в преступлении выражается исключительно в присутствии двухсторонней субъективной связи, так как в процессе достижения общего преступного результата умысел руководит действиями двух и более лиц.

Как отмечали выше, последнюю точку зрения «разделяют ряд авторов», подчеркивающих, что соучастие имеет место только при двухсторонней субъектной связи[229]. Также С.В. Афиногенов предлагает мнение относительно того, что умысел всех соучастников должен выражаться в осознание факта совместного, пусть даже с одним соучастником, совершение преступления [230].

При анализе субъективной стороны бандитизма необходимо подчеркнуть, что данное преступление, как правило, считается умышленным. Об этих характерных чертах вины бандитизма непосредственно указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РТ от 23.11.2012 г. В п.14 этого

[229] См.: Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М., 1978. – С. 52.
[230] См.: Афиногенов С.В. Соучастие в преступлении (понятие, виды и формы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 19.

Постановления отмечается, что совершение любых форм проявления бандитизма, предусмотренных законом, возможно только с прямым умыслом, т.е. с умыслом, однозначно направленным на совершение преступления.

Мы солидарны с мнением, что умысел в бандитизме зависит от конкретной формы соучастия в совершении данного преступного деяния. И для примера скажем, что умысел организатора банды (ОВГ) состоит из осознания факта создания им вооруженной группы для совершения нападений на граждан, либо организации, учреждения и желание этого.

Уже стало аксиомой положение, что руководителем банды осознается, что он, будучи участником незаконной вооруженной группы, активно руководит преступной деятельностью банды, что выражается в планировании осуществления последующих преступных замыслов, направлении действий иных участников банды на обнаружение объектов бандитских нападений, снабжении банды оружием и боеприпасами и т.д., а также желает этого. В отношении участника банды данное положение гласит, что участник банды (ОВГ) осознает свое членство в данной группе с целью последующего совершения вооруженного нападения или с угрозой его применения, и желает состоять в такой группе и участвовать в ее преступной деятельности. Данные положения являются весьма обстоятельными и заслуживают поддержки.

В этой связи необходимо учесть, что интеллектуальный элемент умысла каждого участника банды включает в себя осознание общественной опасности собственных действий и обстоятельств участия других лиц в совершении данного преступления. Относительно волевого элемента умысла бандитизма следует подчеркнуть, что он выражается в присутствии желания выполнить вышеперечисленные действия. Умысел всех участников банды охвачен объективными процессами своих действий, а также участием в преступлении иных лиц и желанием совместного действия между ними.

В теории уголовного права аксиоматично деление умысла на прямой и косвенный. Что касается такого феномена, как «бандитизм», то применительно к нему речь может идти исключительно о прямом умысле. УК РТ, определяя

дефиницию «бандитизм», указывает на цель нападения, иначе говоря, цель считается необходимым признаком при создании банды, а также участии в ней.

Цель же, как известно, может иметь место в преступных деяниях, совершаемых лишь с прямым умыслом, т.е. с умыслом, однозначно направленным на совершение преступного деяния. Данное определение можно предложить в следующей формулировке: «Лицо, формируя банду или руководя ей, не только может осознавать результаты своей преступной деятельности, оно также не может к ним безразлично относиться. Данное лицо при осуществлении таковой деятельности сознательно желает достичь изначальной цели, ради которой была сформирована банда, либо было осуществлено руководство ею».

Подобные факторы могут относиться к положениям нормы ч. 2 ст. 186 УК РТ – участие в банде либо участие в совершаемых ею нападениях. Помимо этого, перечисленные действия не могут быть совершены с косвенным умыслом, так как они имеют место в преступлениях с материальным составом. В бандитизме же состав сконструирован таким образом, что в нем не предусмотрены конкретные последствия.

При формировании банды ее состав является усеченным, т.е. с момента ее формирования оно будет считаться оконченным независимо от того, что данной бандой были совершены какие-либо противоправные действия уголовного характера. Также можно говорить о том, что формирование банды может считаться как оконченное преступление еще на стадии приготовления к преступлению.

По поводу руководства и участия в банде следует сделать вывод, что составы этих преступных деяний носят формальный характер.

Характерными чертами этих действий являются обстоятельства, указывающие лишь на совершение этих действий, после чего наступает уголовная ответственность. При этом и руководитель, и иные участники банды полностью осознают характер и степень правовых последствий своих преступных действий и желают совершить эти действия.

В правоприменительной практике и науке уголовного права существуют не только прямой и косвенный умысел, существуют также умысел определенной формы, а также умысел в неопределенной форме. Нам представляется, что касательно этих отношений к действию и результату могут иметь место обе последние формы умысла.

При бандитизме возможны случаи соединения данных видов умысла исходя из специфики конкретных преступлений. Как было отмечено ранее, все действия, содержащиеся в диспозиции ст. 186 УК РТ, которые образуют состав бандитизма, совершаются только с прямым умыслом. Данный прямой умысел выражается в том, что конечной целью организатора, руководителя и иных участников банды является совершение действий, направленных на достижение конкретного и определенного результата. В этой связи результатом этих действий может быть лишь определенный умысел. При этом бандитские нападения нередко сопровождаются так называемыми вторичными действиями, например, завладением чужим имуществом, убийствами, изнасилованиями, причинением вреда здоровью различной степени тяжести, и т.д. Нам представляется, что касательно этих отношений, умысел по отношению к действиям и их результатам может выражаться как в определенной форме, так и в неопределенной форме. Например, при завладении имуществом либо при изнасиловании можно говорить только об определенном умысле. Однако при сопряженном с бандитизмом убийстве или причинении вреда здоровью умысел может быть как определенным, так и неопределенным. Так, производя выстрел в сторону охранника склада, на который совершается нападение, участник банды может в равной мере допускать причинение вреда его здоровью либо его смерть. Поэтому данное обстоятельство должно повлиять существенным образом на правовую оценку бандитизма, так как при совершении убийства требуется в совокупности произвести квалификацию, а в случае причинения вреда здоровью действия охватываются составом самого бандитизма, о котором было отмечено ранее.

Также не требуется обоснования или опровержения квалифицирующих признаков, содержащихся в ч. 3 ст. 186 УК РТ, в случае обнаружения которых

требуется установление факта осмысления использования личностью своего служебного положения для более успешного достижения целей банды.

Здесь же упомянем, что в уголовно-правовой теории существенным моментом считается принцип субъективного вменения, который выражается в отсутствии основания применения уголовной ответственности по отношению к деяниям лиц, которые не охватывались его умыслом. Исходя из этого, следует указать, что для применения уголовной ответственности к лицу за бандитизм необходимо уяснить, осознавало ли лицо все обстоятельства, характеризующие ОВГ (банду), участником которой оно являлось, а также воспринимало ли оно ее как банду.

Исходя из этого, в случае если лицо участвует в совершении нападения банды (ОВГ) и не знает о вооруженности группы с целью совершения нападений, то лицо не может быть привлечено к ответственности по ст. 186 УК РТ. В данной ситуации в зависимости от обстоятельств дела, речь идет о групповом разбое, грабеже или же краже.

При проведении квалификации по ст. 186 УК РТ необходимо уяснить умысел всех участников банды. Умысел участника банды выражается в осознании и желании быть членом какой-либо определенной банды, а также данное лицо ясно представляет себе, что оно должно выполнять различные преступные намерения в интересах банды, либо непосредственно принять участие в ее нападениях[231]. Результаты обобщения уголовных дел указывают, что при совершении нападения нередко встречаются случаи, когда один из участников банды совершает действие, которое не охватывается умыслом иных участников этой группы. В качестве примера можно указать на случай, когда во время совершения нападения на частный дом банда имела цель незаконно завладеть чужим имуществом; при этом один из участников банды параллельно совершил изнасилование в отношении потерпевшей. Действия данного участника банды, которые явно выходили за грани преступного замысла группы, не могут вменяться остальным ее участникам. Данный результат аналогичных ситуаций в уголовном праве

[231] См.: Сальников А.В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 102.

называется эксцессом исполнителя преступного деяния, содержащимся в ст. 38 УК РТ.

На основе проведенного анализа было установлено, что при квалификации бандитизма мотив как признак субъективной стороны и как элемент состава преступного деяния не упоминается. Однако сам факт сущности установления мотива преступного деяния для индивидуализации наказания весьма важен. Данное обстоятельство имеет значение и при выработке мер по профилактике бандитизма. Как правило, в уголовно-правовых исследованиях советского и постсоветского периода в качестве основного мотива бандитизма указывается именно корысть, а в качестве цели формирования банды – совершение нападения с целью насильственного завладения имуществом.

Вместе с тем несколько иная ситуация наблюдается в нашей республике, так как после обретения независимости Таджикистаном, как указывает А.Х. Рустамов, большинство случаев совершения бандитизма свидетельствуют о присутствии в них религиозных и экстремистских признаков[232].

В частности свидетельством указанного могут послужить изученные нами уголовные дела, среди которых дело А. и других, дело которого было рассмотрено Верховным Судом РТ в 1998 г. Было установлено, что в течение двух лет своего существования банда А. совершила ряд нападений на сёла и дома граждан, с разграблением их имущества и угоном скота, на религиозной и экстремистской почве, в ходе которых было убито более 30 человек»[233].

Создание ряда бандитских группировок с самого начала имело целью совершение убийств на религиозной и экстремистской почве. Такой была, например, банда Н. в Ромитском ущелье. По данному делу было выявлено, что банда совершила 28 нападений, при которых было убито 43 человека. Конечно же, есть ряд и других примеров из судебной практики по делам о бандитизме, рассмотренным судами РТ, которые свидетельствуют о нечеловеческой жестокости, проявляемой некоторыми бандитами в отношении потерпевших.

---

[232] См.: Рустамов А.Х. Некоторые вопросы борьбы УБОП МВД Республики Таджикистан против организованной преступности // Труды Академии МВД РТ. – Душанбе, 2001. – С. 71.
[233] Архив Верховного Суда РТ за 1998 г. Дело № 1513.

Характерными чертами совершения бандитизма в Таджикистане, по мнению Х.Н. Бобоева, является то обстоятельство, что обычные участники банд притворялись борцами за религиозные идеи. В действительности они являются обычными бандитами и не имеют ничего общего с религией[234].

Переходя к некоторым промежуточным итогам данного параграфа, необходимо отметить, что:

1. УК РТ в ст. 23 определяет основные положения, устанавливающие уголовно-правовой статус субъекта преступного деяния, в соответствии с которыми уголовной ответственности за бандитизм подлежат лица, которым ко времени совершения преступного деяния исполнилось 16 лет, и соответственно они должны быть вменяемыми. Поэтому в исследованиях однозначно определяется, что субъект бандитизма – физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

2. Лица, которым на момент совершения бандитизма не исполнилось 16 лет, не могут нести ответственность за данное преступное деяние. Такого же мнения придерживается Постановление Пленума ВС РТ от 23.11.2012 г. Помимо этого там говорится, что в случаях совершения различных преступлений в составе банды лицами, которые имеют возраст от 14 до 16 лет, они должны привлекаться к уголовной ответственности лишь за те преступления, для которых возрастной ценз установлен с 14 лет. Действия данной категории лиц должны быть квалифицированы исходя из характера обстоятельств того или иного уголовного дела о бандитизме.

3. Что касается совершеннолетних, когда они вовлекают в банду лиц несовершеннолетнего возраста, действия первых требуют дополнительной квалификации соответствующей нормой статьи УК РТ, по которой предусмотрена ответственность за вовлечение последних в различные преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), и за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, которым считается бандитизм.

---

[234] См.: Бобоев Х.Н. Некоторые вопросы борьбы с бандитизмом. Роль следственного аппарата в данной борьбе // Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – 1996. – № 1. – С. 24.

4. В норме ч. 3 ст. 186 УК РТ предусмотрена уголовная ответственность в отношении лиц, которые при создании, руководстве и участие в банде, а также в совершаемых ею нападениях используют свое служебное положение. В таком случае здесь речь идет о должностных лицах, определение понятия которых содержится в примечании к ст. 314 УК РТ.

2.3. Проблемные вопросы отграничения бандитизма от смежных составов преступлений

Как явление, социальный феномен и состав преступного деяния, бандитизм имеет свои объективные признаки, и по характеристике этих объективных признаков имеет значительное сходство с некоторыми другими преступными деяниями, посягающими на собственность, а также на неприкосновенность личности, ее жизнь и здоровье, в связи с чем возникает потребность их разграничения[235]. Этот научно-теоретический аспект в определенной степени получил освещение в юридических исследованиях[236], но ряд актуальных вопросов остаётся как дискуссионным, так и недостаточно исследованным[237]. Более того, как показывает судебная практика в Таджикистане, за последние 30 лет среди рассмотренных судами республики дел о бандитизме абсолютное их большинство, а это более 80%, идёт в совокупности с другими видами преступного деяния, причем во многом сходными, смежными с бандитизмом.

Приведем некоторые примеры за последние годы.

Например, 22 апреля 2011 года было утверждено обвинительное заключение в отношении гражданина С. по статье 186 ч. 2, одновременно со статьями 249 (разбой) и 187 (организация преступной организации), которое предварительно было квалифицировано по УК РТ 1961 года в редакции 1988 года. Было установлено, что гражданин С. с целью нападения на предприятия, учреждения и

---

[235] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 54-76.

[236] См.: Борисова С.В. Проблема отграничения бандитизма от смежных составов преступлений и проблема квалификации деяний, совершаемых в процессе бандитизма // Вестник МГЛУ. Выпуск 508. Серия «Право». – М.: МГЛУ, 2005. – С. 19.

[237] См.: Павлик М.К. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2011. – С. 222.

организации, а также на отдельных лиц в январе 1994 года стал членом вооруженной группы (банды), созданной гражданином Р. Данная банда была вооружена автоматами, пулеметами и гранатометами. Банда располагалась в здании мечети ущелья Хакими Комсомолабадского района.

Гражданин С. в данной группе занимал должность телохранителя руководителя группы (банды) и участвовал в более чем 8 нападениях на граждан и организации. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РТ своим приговором от 25 мая 2011 года признала гражданина С. виновным по статье 186, часть 2, ст. 249 УК РТ и назначила ему наказание в виде 11 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием наказания в колонии строгого режима[238].

Другой гражданин – К. был осужден по совокупности преступных деяний, как по части 2 ст. 186 УК, так и по части 4 статьи 249 УК (разбой), за ряд преступных деяний в составе группы на территории районов Фирдавси и Сино г. Душанбе в течение 2008-2011 годов[239].

Также гражданин Х. был приговорен по совокупности преступных деяний, путем частичного сложения наказаний, за преступные деяния, совершенные им в составе группы (банды) в период с 1995 по 2003 годы, на территории, главным образом, района Вахдат и близлежащих территориях РТ, как по части 3 статьи 186 УК, так и по статьям 181, 249, 250 и 328 УК РТ. Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РТ от 6 июня 2011 года он был осужден к 18 годам лишения свободы с конфискацией имущества, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима[240].

Здесь очевидно, что уголовных дел, квалифицированных по норме ст. 186 УК РТ, крайне мало, так как в процессе судопроизводства они дополнительно квалифицируются по совокупности таким преступным деянием, как разбой. В этой связи, к сожалению, в следственной и судебной практике нередко можно обнаружить правовые изъяны и недочеты, поэтому для разграничения бандитизма

[238] См.: Архив Верховного Суда Республики Таджикистан за 2011 год. Уголовное дело № 11917.
[239] См.: Архив Суда города Душанбе Республики Таджикистан за 2011 год. Уголовное дело № 2062.
[240] См.: Архив Верховного Суда Республики Таджикистан за 2011 год. Уголовное дело № 12304.

от иных смежных преступлений необходимо произвести подробный анализ теоретического и прикладного характера.

Следует согласиться с тем, что наиболее сложным в рассматриваемом аспекте, т.е. разграничении (отграничении) бандитизма с другими смежными преступными деяниями, является вопрос о разграничении (отграничении) бандитизма и разбойного нападения, в особенности тогда, когда последнее совершается организованной группой с применением оружия (п. «б» ч. 3, п. «в» ч. 4 ст. 249 УК РТ). В процессе квалификации бандитизма часто возникают определенные сложности, связанные с его отграничением от разбойного нападения исходя из схожести данных преступных деяний. Нередко в правоприменительной практике обнаруживаются их общие признаки, например, устойчивость, сплоченность, вооруженность, а также цель совершения преступных нападений.

Наряду с этим существуют авторы, придерживающиеся мнения по поводу разграничения вышеперечисленных составов преступных деяний. По их мнению, таковым признаком и критерием является «устойчивость», и на их взгляд, он имеет место только при бандитизме. Аналогичного мнения придерживается и А.М. Ивахненко, при этом автор обращает свое внимание и на признак вооруженности и организованности бандитских групп, совокупность этих признаков должны отграничивать бандитизм от группового разбоя[241].

По сути, аналогичный подход отражен в тексте Постановления Пленума ВС РТ. В частности в Постановлении от 23.11.2012 г., п. 15, подчеркивается, что бандитизм отличается от смежных деяний строгой внутренней организованностью, устойчивостью, сплочённостью, и вооружённостью банды.

По всей видимости, такое положение не совсем правильно, так как из норм УК РТ и текста данного Постановления следует, что участники организованной группы и бандитской группы имеют аналогичную степень внутренней связи. В этой связи в обеих из них присутствует признак устойчивости, а также цель их формирования, т.е. совершение в последующем тяжких и особо тяжких

[241] См.: Ивахненко А.М. Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства. Проблемы соотношения составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – С. 21.

преступных деяний. Здесь следует согласиться с Т.Д. Устиновой, которая пишет, что «в случаях, когда бандитизм связан с посягательством на чужое имущество, по этим показателям провести разграничение между указанными преступными деяниями становится невозможным»[242].

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РТ, бандитизм от разбоя разграничивается следующими особенностями:

- бандитизм характеризуется вооружённостью и устойчивостью группы, а что касается разбойного нападения, то здесь помимо наличия оружия необходимо также его применение;
- во время разбойного нападения нередко используются предметы, которые по назначению не являются оружием; что касается бандитизма, необходимо наличие именно такого оружия, которое специально создано для поражения живой цели;
- состав бандитизма является усеченным, в этой связи он после формирования и наличия необходимых признаков является оконченным преступлением, а разбой – с момента совершения нападения с целью захвата чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Помимо этого, следует указать, что некоторые авторы, указывая на сходство признаков составов бандитизма и разбоя, утверждают о нецелесообразности существования в УК отдельной нормы о бандитизме.

Так, Т.Д. Устинова указывает, что "законодательной орган власти поступил не совсем продуманно, включив в УК норму об ответственности за бандитизм в том ее виде, в каком она представлена в статье 209 УК РФ. Предполагалось, что бандитизм будет представлять собой некую разновидность группового преступного деяния, отличающегося качественными характеристиками степени общественной опасности от иных видов общественно опасных деяний, совершенных в соучастии. Но в результате использования в норме о разбое и бандитизме одинаковых правовых понятий, как то: организованная группа, т.е.

[242] Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 63.

устойчивая группа, нападение, практически стало невозможным отграничить бандитизм от вооруженного разбойного нападения, совершенного организованной группой, а потребность существования в Уголовном кодексе нормы о бандитизме становится весьма сомнительной"[243].

Следует согласиться с мнениями авторов, которые указывают об актуальности вопроса о соотношении понятия бандитизма с организованным незаконным вооруженным формированием в процессе правоприменительной деятельности в Республике Таджикистан. Данное обстоятельство объясняется тем, что анализ уголовных дел по бандитизму показывает, что бандитские нападения нередко совершаются вышеприведенными формированиями. Например, данные преступления имели место во время гражданского противостояния в Республике Таджикистан. В таких случаях указывалось на следующие признаки преступных сообществ: 1) сплоченность; 2) организованность. На наш взгляд, такой признак, равно как и устойчивость, характеризующая, согласно ч. 3 ст. 35 УК, организованную группу, является достаточно неопределенным понятием, чтобы по нему можно было проводить разграничение данных форм соучастия.

В этой связи напрашивается вывод о том, что отличительным признаком при формировании незаконных вооруженных группировок является их разновидность как военного формирования, а также цель их создания – выполнение военных задач. Для выполнения аналогичных задач необходимо определенное количество участников, которое отличает последних от бандитских формирований.

На этом основании нельзя согласиться с предположением Е.А. Беляевой по поводу небольшой численности участников незаконных вооруженных формирований[244], так как обычно такие формирования имеют большее количество так называемых боевиков[245]. Здесь наиболее обоснованным является мнение В. Мальцева, который указывает на количество участников в формировании. По его

[243] Устинова Т.Д. Указ. соч. – С. 66.
[244] См.: Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко и А.С. Михлина. – М., 2000. – С. 466.
[245] См.: Там же.

мнению, формирование состоит из воинской части или приближающейся к ней по своим характеристикам вооруженной группы[246].

Примером незаконного вооруженного формирования может служить вооруженная группа, возглавлявшая Худойбердиевым. Первоначально им в составе вооруженных сил была создана бригада, т.е. официальное формирование, костяк которого составили бывшие бойцы Народного фронта, а также близкое окружение Худойбердиева. В последствии эта воинская часть была преобразована в основную ударную силу вооруженных сил РТ и ей был придан статус бригады быстрого реагирования в составе Министерства Обороны РТ.

После неудачной попытки военно-государственного переворота, имевшего место в августе 1997г., Худойбердиев и его окружение покинули Таджикистан и за его пределами создали незаконное вооруженное формирование. В нем был сохранен воинский режим и структура воинского подразделения. Формирование Худойбердиева отличалось высоким уровнем боеготовности, было оснащено всевозможными видами оружия и вполне было способно вести боевые действия с регулярными воинскими частями.

Что же касается банды, то она всегда создается с преступной целью, для совершения нападений на организации, учреждения, предприятия либо граждан. Таким образом, цель создания, с одной стороны, незаконного вооруженного формирования, и, с другой, - банды, служат одним из критериев разграничения этих составов. В то же время не исключается и совокупность сопоставляемых преступлений. Оно может иметь место в случаях, когда участники незаконного вооруженного формирования совершают преступные действия, носящие характер бандитских нападений.

На основе вышеизложенных обстоятельств можно прийти к выводу, что бандитизм как преступление и асоциальное явление, и как феномен, характеризуется особыми объективными признаками, которые делают его схожим с иными преступлениями, посягающими на собственность, неприкосновенность

[246] См.: Мальцев В. Ответственность за организацию или участие в незаконных вооруженных формированиях // Российская юстиция. – 1995. – № 9. – С. 35.

личности, жизни и здоровья граждан, вследствие чего возникла необходимость в их разграничении[247].

Данная научно-теоретическая мысль, по сути, нередко становилась предметом научного исследования[248], хотя при этом некоторые наиболее актуальные её моменты по настоящее время носят дискуссионный характер, и требуют дополнительных научных исследований[249].

Помимо того, судебная практика Таджикистана показывает, что большинство подобных уголовных дел квалифицируется по совокупности с иными преступными деяниями, которые схожи с бандитизмом.

На основе анализа уголовных дел по бандитизму можно заключить, что уголовных дел, квалифицированных по норме ст. 186 УК РТ, крайне мало, так как в процессе судопроизводства они дополнительно квалифицируются по совокупности таким преступным деянием, как разбой. В этой связи, к сожалению, в следственной и судебной практике нередко можно обнаружить правовые изъяны и недочеты. Исходя из этого, для разграничения бандитизма от иных смежных преступлений необходимо произвести анализ теоретического и прикладного характера.

Следует согласиться с тем, что наиболее «сложным в рассматриваемом аспекте, т.е. разграничении (отграничении) бандитизма с другими смежными преступными деяниями, является вопрос о разграничении (отграничении) бандитизма и разбойного нападения, в особенности, если последнее совершается организованной группой с применением оружия». Анализ множества признаков бандитизма и разбоя указывает на смежность этих преступлений, поэтому возникают определенные сложности при их отграничении. Тем более что многие из этих признаков при квалификации обоих видов преступлений носят обязательный характер. В качестве примера можно указать, что в

---

[247] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 54-76.

[248] См.: Борисова С.В. Проблема отграничения бандитизма от смежных составов преступлений и проблема квалификации деяний, совершаемых в процессе бандитизма // Вестник МГЛУ. Вып. 508. Серия «Право». – М.: МГЛУ, 2005. – С. 20.

[249] См.: Павлик М.К. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2011. – С. 225.

правоприменительной практике обнаруживаются их общие признаки, например, устойчивость, сплоченность, вооруженность, а также цель совершения преступных нападений.

Следует согласиться, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РТ бандитизм от разбоя разграничивается следующими особенностями: бандитизм характеризуется вооружённостью и устойчивостью группы; что касается разбойного нападения, то здесь помимо оружия необходимо также его применение; во время разбойного нападения нередко используются предметы, которые по назначению не являются оружием; что касается бандитизма, необходимо наличие именно такого оружия, которое специально создано для поражения живой цели; состав бандитизма является усеченным, в этой связи он после формирования и наличия необходимых признаков является оконченным преступлением, а разбой – с момента совершения нападения.

Следует согласиться с мнениями авторов, которые указывают об актуальности вопроса о соотношении понятия бандитизма с организацией незаконного вооруженного формирования для правоприменительной деятельности в Республике Таджикистан. Данное обстоятельство объясняется тем, что анализ уголовных дел по бандитизму указывает, что бандитские нападения нередко совершаются вышеприведенными формированиями. Например, данные преступления имели место во время гражданского противостояния в Республике Таджикистан. В таких случаях указывалось на следующие признаки преступных сообществ: 1) сплоченность; 2) организованность. Здесь необходимо указать, что большинство из этих примеров нашло свое отражение в соответствующих параграфах данного диссертационного исследования, в связи с чем можно прийти к мнению, что дефиницию понятия «преступное сообщество» целесообразнее использовать при разграничении бандитизма от организации преступного сообщества.

На основании проведенного анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Целесообразно отредактировать норму ст. 186 УК РТ, так как существует объективная потребность в правоприменительной практике, и она должна быть

направлена на совершенствование уголовно-правовых и криминологических мер по противодействию бандитизму в целом.

2. Изучение правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной, по индивидуализации наказания по делам о бандитизме показывает, что суды в значительной мере не учитывают закрепленные в законе правила (нормы) назначения наказания. Указанная практика свидетельствует о явном снижении эффективности профилактической роли уголовного наказания в карательной политике и не способствует достижению целей уголовного наказания.

3. Что касается разграничения бандитизма от других, смежных преступлений, следует согласиться с тем, что наиболее сложным в рассматриваемом аспекте, является вопрос о разграничении бандитизма и разбоя, в особенности, если последний совершается организованной группой с применением оружия (п. «б» ч. 3, п. «в» ч. 4 ст. 249 УК РТ). Эта сложность вызывается тем, что большинство признаков, характерных для разбоя, одновременно являются и обязательными признаками бандитизма. В частности, и в том, и в другом случае речь идет об устойчивой группе лиц, организовавшихся для совершения нападений, о наличии оружия, об одинаковом, по существу, способе действия - нападении. Общие признаки проявляются и в субъективной стороне.

ГЛАВА 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА В ТАДЖИКИСТАНЕ

3.1. Характеристика бандитизма как преступной организации

Проведенный анализ научной юридической литературы, прежде всего, в уголовно-правовой и криминологической сферах, показал, что изучение бандитизма с криминологических (специально-профилактических) позиций[250], значительно ослабло в последнем десятилетии XX века[251]. Однако это вовсе не означает, что бандитизм не был объектом криминологических (специально-профилактических) исследований в целом за эти годы[252]. Особо подчеркнем, что после того, как, начиная с 50-х годов XX века, уровень бандитизма имел тенденцию к снижению, он приобретал все более корыстно-насильственный характер. Политическая и антигосударственная природа этого вида преступного деяния как бы отошла на второй план, и вплоть до начала 90-х годов это преступление не было характерным для бывшего Союза ССР в целом и Таджикистана в частности; соответственно вопросы криминологической характеристики бандитизма на этом этапе недостаточно исследовались.

Однако необходимо отметить, что черты и особенности преступности, которая сегодня характеризуется как «современная организованная преступность», проявлялись уже в 60-е годы в хищениях, причем крупных по своему масштабу, материальных ценностей и валютных средств (дело Рокотова). Помимо этого, особо отличилась так называемая банда «Монгола»; в должностных и хозяйственных злоупотреблениях – дела «Океан», «Асфальт»; в деле возрожденного бандитизма – так называемая Казанская банда «Тяп-Ляп»; в начале и в середине 70-х годов XX века, в том числе, – дело торговцев Аблямовых в Таджикистане, или известное дело Адылова и других, тесно связанных с «хлопковым делом», вначале 80-х годов XX века в Узбекистане.

---

[250] См.: Казакова В.А. Вооруженная преступность: Криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 332 с.

[251] См.: Бычков В.В. Бандитизм. Уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Уральского федерального округа): дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2005. – С. 3-4.

[252] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 85.

Уже в первые годы постсоветского периода А.И. Гуров дал анализ некоторых криминологических (специально-профилактических) данных в отношении бандитских формирований советского периода, в частности, что по среднестатистическим данным на одну выявленную тогда банду приходилось 29-30 преступных деяний, однако в основном их численность состояла из 10 человек. В отличие от разнообразных групп в бандах отсутствовала своя периферия, при этом они сохраняли свою замкнутость и внутреннюю самоорганизацию. А.И. Гуров также обращал внимание на то, что у бандформирований «самый малый удельный вес ранее подвергнутых осуждению лиц», который составляет 22,6%, тогда как в обычных преступных группах этот показатель доходил до 60%.

Относительно численности невменяемых лиц (18,2%), необходимо подчеркнуть, что их число в бандформированиях было намного выше, нежели в других ОВГ. Главари бандформирований работали (почти 50%), занимая те или иные «должности на предприятиях и в учреждениях», при этом уже тогда проявилась такое свойство банд, что многие из главарей этих банд были «связаны с работниками правоохранительных органов», что свидетельствовало о приобретении ими четких признаков организованной преступности. А.И. Гуров, отмечал, как не случайность, тот факт, что продолжительность во времени функционирования банд уже тогда была более длительной по отношению к иным организованным группам и группировкам[253].

Вместе с тем следует указать, что предложенные А.И. Гуровым статистические данные либо критерии показателя состояния бандитизма в Российской Федерации указывали на состояние бандитизма, как в некоторых регионах России, так и в бывших республиках Союза ССР, в том числе и в Республике Таджикистан, но в основе своей совпадали с вышеотмеченными параметрами. В частности по уголовному делу, рассмотренному судом района Сино города Душанбе в майе 2017 года, из 12 членов банды только трое были ранее судимым, причем дважды, девять членов банды были не судимы, в том числе гражданин Х., ранее не

[253] См.: Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность // Социальные, правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью: пособие для слушателей народных университетов. – М.: Знание, 1992. – С. 83.

судимый, 1970 года рождения, он был моложе других, но по своей характеристике попадал ближе к понятию «невменяемый»[254].

Одновременно с сожалением необходимо подчеркнуть, что статистические данные далеко не всегда отражают реальное положение состояния преступности в обществе, тем более, когда этим данным (статистическим данным) присуща неполнота. Латентность бандитизма в советский период была всегда высокой, к тому же в вопросе проведения квалификации бандитизма компетентные органы при проведении следственных и оперативных действий нередко допускали ошибки. Данное обстоятельство наводит на мысль, что применение показателей данных советского периода при изучении динамики бандитизма и разработке комплекса мер по противодействию ему весьма сомнительно. В этой связи исследование вопросов, связанных с общей динамикой бандитизма, помимо статистических данных требует использовать различные опросы, проводимые учеными и практическими работниками в качестве экспертов, чьи мнения важны как мнения лиц, непосредственно осуществляющих борьбу с бандитизмом и его профилактику. Не менее важны в данной ситуации и мнения представителей различных групп населения.

Не случайно, что А.З. Джакупбеков также по итогам своего диссертационного исследования приходит к выводу, что преступления, совершаемые организованными бандами, приобретают из года в год всё более латентный и законспирированный характер[255].

Республика Таджикистан в ходе проведения экономических реформ, проводя приватизацию собственности, легализацию предпринимательства и свободной торговли, столкнулась с проблемой поиска наиболее эффективных мер в борьбе с организованной преступностью, подтверждая тот факт, что коренные изменения в стране и в жизни общества зачастую сопровождаются ростом преступности, и более того, в ее наиболее опасных формах.

Главная особенность криминологической характеристики бандитизма в Таджикистане вытекает непосредственно из сущности бандитизма как составной

---

[254] См.: Архив Суда района Сино города Душанбе за 2017 год, № дела 1-232/17.

[255] См.: Джакупбеков А.З. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования бандитизма (по материалам Кыргызской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2010. – С. 4.

части организованной преступности, откуда проистекают особенности проявления бандитизма[256] за последние 30 лет. Это связано в свою очередь с тем, что при наличии многих криминогенных факторов в РТ, в государстве, которое очень трудно пережило «эйфорию» суверенитета и государственной независимости, стал возможным вооруженный конфликт[257].

В свою очередь В.В. Хилюта под бандой подразумевает разновидность организованной преступной группы, которая, по его мнению, характеризуется двумя специфичными признаками: 1) вооруженность; 2) цель создания. Именно эти признаки указывают на специфичность способа преступной деятельности, выражающейся в нападении на организации, учреждения, граждан[258].

Анализ определения организованной преступности лучше всего начать с выявления его понятий. И здесь следует подчеркнуть, что в специальных криминологических исследованиях «имеются разные, порой противоречивые определения организованной преступности»[259].

В. Осин под организованной преступностью подразумевает групповую профессиональную преступность, которая имеет четкую организационную структуру и оказывает влияние на общеуголовные и экономические преступления, использующую для этого покровительство коррумпированных чиновников[260]. При этом, по мнению А.И. Гурова, существуют «ключевые» и «качественные» признаки, которые характеризуют организованную преступность. В частности автор под организованной преступностью понимает сообщество профессиональных преступников, а также наличие коррумпированных связей[261]. На основе проведенного анализа данных понятий Б.Ш. Сайдамиров указывает на присутствии в них существенных изъянов, так как, по его мнению, указанные качественные признаки имеют место только в отношении высших форм, потому

---

[256] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 99.
[257] См.: Имомов А. Теороризм форма организованной преступности. – Душанбе, 2003. – С. 28.
[258] См.: Хилюта В.В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. – 2012. – № 3. – С. 42-43.
[259] Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 50-52.
[260] См.: Осин В. Правовые возможности борьбы с организованной преступностью // Советская юстиция. – 1990. – № 3. – С. 7.
[261] См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М.: Юрид. лит., 1990. – С. 207.

что организованная преступность характеризует вершину ее пирамиды, не касаясь ее низших звеньев[262].

В этой связи необходимо констатировать тот факт, что в настоящий момент в понятии дефиниции «организованная преступность», к сожалению, не существует единого подхода либо взглядов на ее суть и структуру. Этот разброд мнений и неполноту охвата в вопросе об организованной преступности и подчеркивает А.В. Шеслер, который пишет, что «термином организованная преступность не отражается уголовная деятельность обычных преступных групп, которые не входят в организованную преступность, не связаны с ней и не находятся под ее влиянием, банд, не имеющих коррумпированных связей с представителями государственного аппарата, преступных экстремистских религиозных групп, сообществ террористов, преступных групп, возникших на основе идей национального суверенитета, и др.»[263].

Из содержания УК РТ вытекает, что совокупность непосредственно-конкретных содержаний всевозможных составов преступлений устанавливает и конкретные виды преступности, одновременно устанавливая и форму их совершения, в частности, соучастия как формы ОВГ.

На этой основе следует прийти к выводу, что преступления, совершенные ОВГ, являются неотъемлемой частью той или иной преступной организованной группы. Вместе с тем УК РТ ни в коем случае не объединяет ее с присутствием или отсутствием коррупционной связи между государственными органами[264].

В данном случае весьма интересно мнение В.С. Разинкина, который на основе анализа различных аспектов данного вопроса подразделяет ОВГ на три вида:

1) низшая ОВГ;

2) средняя ОВГ;

---

[262] См.: Сайдамиров Б.Ш. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом. – С. 102-103.

[263] Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности. – Красноярск, 1999. – С. 136.

[264] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 100.

3) высшая ОВГ[265].

Мы согласны с мнением известного исследователя рассматриваемого вида преступности В.С. Разинкина с оговоркой, что такая классификация может подразумевать лишь те организованные вооруженные группы, преступная деятельность которых носит экономический характер, так как при определении организованной преступности нужно обобщать определенные характеристики, состоящие из разнообразных форм ее проявления.

Считаем необходимым сформулировать определение организованной преступности в следующем виде: «Организованная преступность – это социальный феномен, возникший в рамках общества, в особенности при стечении неблагоприятных условий для его гармоничного развития, выражающий собой совокупность преступлений высокого уровня организованности, которые совершены на определенной территории и в определенный период времени преступными формированиями разной степени, объединившимися на определенных или смежных преступных платформах, включающий в себя количество и качество преступных формирований и их участников».

Следует также выразить солидарность с А.Х. Рустамовым при характеристике современного этапа развития организованной преступности, в особенности организованных вооружённых групп (банд): «Для этого этапа развития организованной преступности характерны повышенная агрессивность, вооруженность, конспирация, ярко выраженная корыстно-насильственная направленность»[266].

Помимо этого В.С. Разинкин указывает на численность участников вышеприведенных ОВГ. По его мнению, к низшим ОВГ относятся местные организованные преступные группы и бандгруппы численностью от 5 до 20-30 человек; средними ОВГ, на его взгляд, являются те преступные организации,

---

[265] См.: Разинкин В.С. Организованная преступность в период реформ в России // Организованная преступность. Вып. 3. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1996. – С. 75.

[266] Рустамов А.Х. Некоторые вопросы борьбы УБОП МВД Республики Таджикистан против организованной преступности // Труды Академии МВД РТ. – Душанбе, 2001. – С. 68.

которые объединены с коммерческими структурами; к высшим ОВГ он относит преступные сообщества[267].

Несмотря на это, существуют и другие мнения, предложенные иными авторами для дефиниции «организованная преступность». В свою очередь С.В. Максимов предлагает кардинально новую трактовку дефиниции «организованная преступность». В частности автор организованную преступность характеризует как совокупность преступлений, которые зарегистрированы или же взяты на учет на той или иной конкретной территории за определенный период времени, совершенные участниками организованных преступных групп[268]. Вместе с тем с такой дефиницией следует согласиться лишь отчасти. Данная дефиниция требует более полного уточнения, так как в ней отражены признаки учетно-регистрационного характера, и она полностью лишена признаков количественного характера организованной преступности.

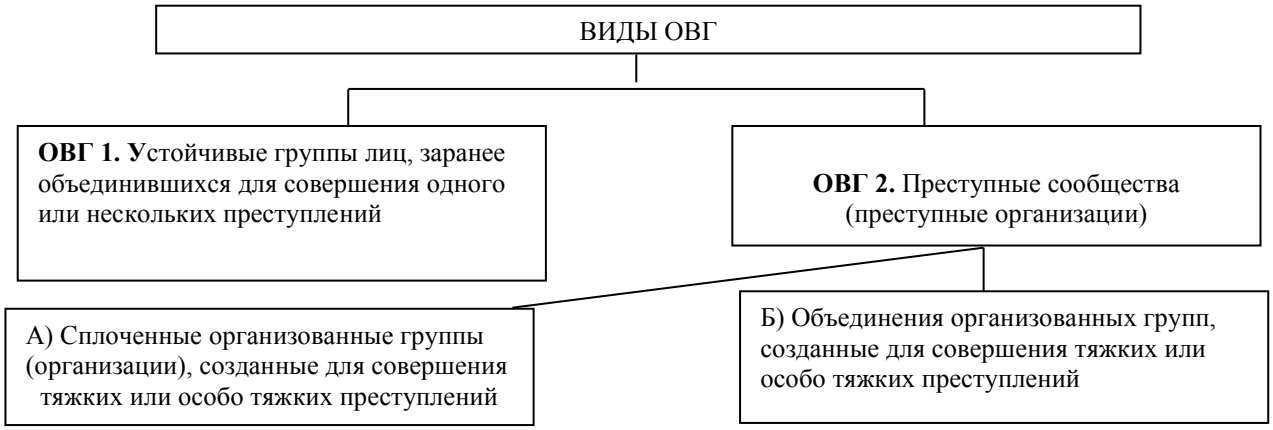
Помимо этого, весьма интересно и приемлемо мнение О.В. Белокурова, в соответствии с которым невозможно представить себе «чистые формы» организованной преступности[269]. Весьма обоснованно мнение данного автора относительно определения специфики выражения организованной преступности, нареченной им как антирежимная. По его мнению, организованная преступность может сплачиваться с общеуголовной, корыстной или экономической преступностью[270].

На наш взгляд, такой феномен как «организованная преступность», как явление, опасное для общества, несомненно, подлежит рассмотрению как специальный вид (форма) социальной тенденции с соответствующими ей «причинами и условиями». Здесь уместно говорить о криминологическом аспекте и потенциальной возможности профилактических мер этого вида преступности. И поскольку именно отдельные преступные деяния могут быть групповыми, организованными, в определении организованной преступности выделяется

[267] См.: Рустамов А.Х. Там же. – С. 76.
[268] См.: Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. – М., 1995. – С. 15.
[269] См.: Белокуров О.В. Организованная преступность: история развития и формы проявления // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. – 1992. – № 4. – С. 52.
[270] См.: Белокуров О.В. Указ. соч. – С. 53.

целостная совокупность организованных преступных деяний (ОПД), обстоятельства которых вызывают потребность учета уголовно-правовых норм и анализа ее криминологических (специально-профилактических) признаков.

Несомненно, что организованные преступные группы, «как организованные преступные формирования», реально направлены на совершение противоправной деятельности, и поскольку они разные по структуре, форме, возможностям и т.д., «степень организованности ОВГ» остается «весьма различной», что даёт и основание, и возможность «выделения отдельных» видов ОВГ в нижеприведенной схеме (см. рис. 2).



Лица, объединяясь в адекватном установлении с присущими им уголовными навыками, опытом, связями с целью создания ОВГ для «систематического совершения» преступных деяний в организованные преступные группы, совершают действия, носящие устойчивый характер, и в целом являются источником средств для их существования.

В настоящее время во всем мире преступными сообществами принято считать сплоченные организованные группы, состоящие из иерархической ступени управления. Им характерны система конспирации и повсеместное использование коррупционных схем и связей.

На следующем рисунке под № 3 к «основным признакам преступных сообществ» нам представляется возможным отнести следующее:

Рис. 3

Статистические данные уголовных преступных деяний, которые мы обобщили и проанализировали, показывают, что в Таджикистане со стороны преступных сообществ ведется монополизация отдельных видов преступной деятельности. Эти виды деятельности могут быть в различных сферах, например, в сфере экономики, кредитно-финансовой сфере, а также в иных сферах оказания легальных и нелегальных услуг как в отдельном регионе, или определенной отрасли экономики, так и в целом по стране.

Очевидно, что данные преступные сообщества имеют определенные различия между собой. Они формируются исходя из конкретной преступной направленности, а также иных факторов, условий и методов образования.

Вместе с тем они осуществляют свою деятельность в различных направлениях и сферах. Например, на транспортных объектах, в местах заключения граждан, на определенной территории, или же могут быть преступниками – гастролерами и заниматься, кроме общеуголовных деяний, также преступными деяниями в экономической, финансовой сфере и др.

Одно несомненно, что преступный мир усложняется. Особенно приобретая все более сложные коррумпированные связи и схемы, они включаются все теснее в международные преступные сообщества. Более того, сами члены преступных образований совершают виды и формы преступных деяний, в которых широко используются межрегиональные связи, крепнут их «связи на международном

уровне», и они начали функционировать вне границ государства, например, на территории сопредельных стран или стран дальнего зарубежья. Они могут совершать и преступные деяния террористической направленности.

Можно обозначить следующие общие признаки банд (ОВГ), как организованных преступных формирований (ОПФ):

а) целевые установки;

б) количественные показатели участия в группах, например, значительное число лиц;

в) качественные показатели, выражаемые в устойчивости, сплоченности, жесткой дисциплине;

г) масштабность преступной деятельности.

Также необходимо перечислить характерные признаки, такие как:

а) функционально-иерархическая структура;

б) создание собственной системы безопасности.

Следующими характерными признаками организованной преступности являются наличие коррупционных связей, последующее инвестирование определенного дохода в сектор экономики, техническая и вооруженная оснащенность.

Кроме всего прочего следует подчеркнуть наличие межрегиональных и межгосударственных связей со структурами организованной преступности. Также к особенностям организованной преступности можно отнести значительный преступный профессионализм ее участников, доминирование в их действиях криминальной субкультуры.

Немного забегая вперед, необходимо отметить, что ОВГ представляют собой массовое социальное и уголовно-правовое явление, и являются неотъемлемой частью организованной преступности. В свою очередь они состоят из так называемых организованных преступных формирований и отдельных участников. Что касается наличия признака преступности, то он включает в себя тяжкие либо особо тяжкие организованные преступные деяния, совершаемые участниками ОПГ на определенной территории и за конкретный период времени.

В Республике Таджикистан организованная преступность, как правило, состоит из определенных этапов возникновения и развития. На основе анализа суждений и мнений некоторых ученых относительно этапов возникновения и развития организованной преступности можно сделать вывод, что главные факторы, породившие данный вид преступности, непосредственно связаны с политической и экономической обстановкой в стране. По сути, данная обстановка имела место на всём постсоветском пространстве в конце 80-х годов прошлого века[271].

Данное временное пространство (10-12 лет), в сущности, благоприятствовало дальнейшему развитию организованной преступности[272], совершенствованию качественных и количественных признаков организованной преступности [273]. В свою очередь М.П. Клеймёнов отмечает, что именно в этот период о себе «впервые громко заявили новые лидеры» преступного мира, выступившие в качестве альтернативы ворам в законе, руководители организованных преступных групп, впоследствии именовавшихся бригадами. Можно предположить, что возникновение широкомасштабного бандитизма – явление, которое обычно сопровождает все социальные катаклизмы.[274].

Применительно к РТ свое мнение обосновывает А.Х. Рустамов. Он отмечает: «Естественным следствием либерализации экономики стала практически открытая легализация теневых капиталов и проникновение преступных группировок в хозяйственную сферу. Многие предприятия попали под контроль уголовных структур либо в зависимость от созданных ими легальных коммерческих предприятий»[275].

А.Х. Рустамов также обоснованно отмечает, что «эволюция организованных форм проявления преступности шла по следующим основным направлениям: во-первых, начался поиск определенных компромиссов между различного рода

[271] См.: Имомов А. Указ. соч. – С. 4-10.
[272] См.: Осипкин В.Н. Организованная преступность. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – С. 10.
[273] См.: Криминология XX век. – СПб., 2000. – С. 427.
[274] См.: Клеймёнов М.П. Криминология. – М., 2018. – С. 300.
[275] Рустамов А.Х. Некоторые вопросы борьбы УБОП МВД Республики Таджикистан против организованной преступности // Труды Академии МВД РТ. – Душанбе, 2001. – С. 68.

дельцами, с одной стороны, и преступниками, с другой. Уголовные лидеры, ранее лишь паразитировавшие на деятельности дельцов теневой экономики, стали проявлять заинтересованность в увеличении их доходов, вкладывая в подпольные предприятия собственные средства, организовывать выполнение функций, связанных с охраной, поиском сырья, сбытом продукции, контролем за соучастниками, борьбой с конкурентами; во-вторых, расширение круга преступной деятельности, как в региональном, так и в межхозяйственном плане, объективно поставило перед уголовными элементами задачу распределения сфер влияния и, как следствие, породило потребность кооперирования отдельных преступных образований с выявлением иерархических уровней»[276].

Необходимо указать, что руководители уголовных сообществ с целью успешной реализации своих преступных намерений повсеместно налаживают незаконные контакты с должностными лицами различных правоохранительных структур, с государственными служащими и служащими государственных комитетов, министерств и ведомств, чиновниками, осуществляющими контроль и распределительные функции.

Потому вполне естественно полагать, что «решение названных задач требовало создания» таких преступных образований, деятельность которых была бы связана с применением насилия, т.е., вооруженных устойчивых групп или банд. Как отмечает А.Х. Рустамов, «для этого этапа развития организованной преступности характерны повышенная агрессивность, вооруженность, конспирация, ярко выраженная корыстно-насильственная направленность»[277].

Следует признать тот факт, что организованная преступность обычно сращивается с коррумпированными чиновниками, посредством чего они укрепляют свои позиции в различных секторах экономики страны или отдельного ее региона и в последующем они приобретают ресурсы для формирования политической элиты того или иного региона.

В ряде регионов сформировалась прослойка коррумпированных государственных служащих, в корыстных целях прикрывающих преступную

[276] Рустамов А.Х. Указ. соч. – С. 68.
[277] Рустамов А.Х. Указ. соч. – С. 69.

деятельность организованных структур, а также предоставляющих им различные услуги по так называемому «крышеванию» и доступу к служебной информации. Структуры организованной преступности весьма динамично развиваются и стараются изыскивать все новые формы и источники добывания незаконных доходов.

Следует подчеркнуть, что, как и прежде, основой для различных источников незаконного обогащения организованных преступных структур остаются различные сферы экономики – уточним, особенно «ее самые доходные отрасли».

Уголовная статистика, точнее, статистические данные уголовных деяний и правонарушений всего постсоветского периода, начиная с 90-х годов XX века, свидетельствовала о выраженной тенденции уменьшения количества зарегистрированных или взятых на учет ОПГ и числа совершенных ими преступных деяний. Это характерно как для последнего десятилетия XX века, так и для последних 5 лет в Таджикистане. Одновременно число преступных деяний, квалифицированных как бандитизм, то увеличивалось, то уменьшалось.

Так, согласно материалам обобщения правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной по уголовным делам о бандитизме Генеральной прокуратуры РТ за 2003-2011 гг., из 53 преступных деяний, совершенных ОВГ и квалифицированных по статье о бандитизме, более 40 были дополнительно квалифицированы по другим преступным деяниям, в частности, по измене Родине и террористическому акту. Некоторые из них квалифицировались также по совокупности. Такая же тенденция наблюдалась и в последующие годы, особенно после 2010-2012 годов, и эта же тенденция продолжается вплоть до настоящего времени. Аналогично было по делу о банде «Ромиш», рассмотренному Судом города Душанбе в июле 2011 года[278].

Данное обстоятельство не является случайным, и прав Н.Д. Литвинов, который отмечает, что «в ходе вооруженной борьбы, революционный террор,

[278] См.: Архив Суда города Душанбе за 2011 год, № дела 2-47.

зачастую перерождается в уголовный террор, связанный с массовыми грабежами, разбойными нападениями, посягательствами на жизнь и здоровье граждан»[279].

Н.Д. Литвинов различает несколько разновидностей террора, в том числе «этно-национальный - как способ террористического обеспечения гипертрофированных интересов граждан одной этно-нации за счет других на территории совместного проживания»[280].

Наряду с указанными преступными деяниями, бандитизм сопровождается также и иными преступными деяниями, в частности, «похищением людей, захватом заложников и т.п.». И эта деятельность позволяет иметь и дополнительные доходы. Так, «выкуп, получаемый» от похищения людей и захвата заложников и т.д., «является одним из источников финансирования дальнейшей преступной деятельности».

В криминологическом аспекте одним из основных признаков бандитизма является количество участников отдельных бандформирований. Как отмечается в Обобщении генеральной прокуратуры РТ, в ходе проведенного анализа уголовных дел о бандитизме, а также итогов обобщения Генеральной прокуратуры РТ, количество участников банд достигало от 4 до 24 лиц. Например, такое количество участников содержалось в банде, возглавляемой А. С.

Данная банда осуществляла свою незаконную деятельность с января по апрель 2008 года. При этом эта банда за своё столь короткое существование успела совершить массу тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе убийств – 7, изнасилований – 2, разбойных нападений на государственные учреждения – 5, нападений на граждан свыше 90. По данному делу были привлечены к уголовной ответственности и осуждены 24 человека. При этом следует подчеркнуть, что участники данной банды были выходцами из одной местности, а свои бандитские вылазки совершали на свои или близлежащие территории. Участниками этого бандформирования были исключительно лица, возраст которых начинался с 23 лет и не превышал 34 года, и в основном

[279] Литвинов Н.Д. Террористические организации. – М., 1999. – С. 45.
[280] См.: Литвинов Н.Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма. – Воронеж, 1999. – С. 18.

мужского пола, лишь в одном случае было установлено, что одним из участников была женщина[281].

Участники этих банд в основном состояли из лиц, нигде не работающих. Помимо этого, анализ уголовных дел указал, что эти лица были участниками воинских формирований, которые были вовлечены в гражданскую войну 1992-1997 гг. Участники бандформирований по уровню образования также отличались крайней скудностью. Еще одной из специфических черт криминологической характеристики лиц, участвовавших в бандформированиях, является то обстоятельство, что среди них редко встречаются лица с судимостью.

В настоящее время при изучении криминологических (специально-профилактических) особенностей организованной преступности по материалам уголовно-правовой практики РТ, следует иметь в виду, что определить объем и состояние, интенсивность и уровень, структуру организованной преступности представляется весьма сложным, т.к. отсутствуют необходимые и достоверные статистические данные.

Весьма важное значение при изучении проблемы в данном аспекте имеют высокая латентность многих тяжких преступных деяний, их низкая раскрываемость, а также конспирация деятельности преступных организаций.

В Таджикистане быстрые темпы развития, по сравнению с другими видами преступности, имеют тяжкие преступные деяния, особенно связанные с проявлениями насилия. Важным фактом в современной организованной преступности является тенденция роста стремления членов уголовных структур внедряться в сферу экономики, политики.

Отмечается, что на современном этапе государственными структурами РТ пресекаются процессы «жесткой борьбы и противодействия за право контролировать прибыльные отрасли экономической деятельности», и в первую очередь – деятельности в управленческой сфере, других сферах государственного аппарата и т.д. В свою очередь, вследствие этого в значительной мере

[281] См.: Архив Верховного Суда РТ за 2008 г. Дело № 71.

ужесточается контроль со стороны государственных структур за движением капиталов, финансовых ресурсов и их происхождением.

Если взять период с 2011 по 2021 годы, то криминализация экономических отношений в Таджикистане, по мнению экспертов, произошла существенным образом. В разных регионах РТ особую угрозу представляют высокий рост контрабанды, незаконной торговли оружием, нарушения в банковской сфере и массовость отмывания средств криминального происхождения. Особым полем деятельности для организованной преступности в настоящее время в Таджикистане стала кредитно-банковская система.

Особый рост приобретает активизация организованных вооруженных групп в совершении тяжких уголовных преступных деяний традиционного характера, таких как разбои, грабежи, кражи и др. Предметами посягательств зачастую являются транспортные средства, драгоценности, валюта.

Таким образом, анализ состояния, уровня, структуры, тенденций роста организованной преступности в РТ позволяет констатировать, что в ближайшее время следует ожидать дальнейшего увеличения ОВГ, особенно в форме преступных сообществ. При таком показателе роста преступности, к сожалению, увеличатся их консолидация и рост совершаемых преступных деяний, будут расширяться сферы деятельности организованных вооруженных групп с увеличением их уголовной активности посредством использования финансово-кредитной и банковской систем. Более того, организованные вооруженные группы проявляют тенденцию к укреплению связей с международными преступными сообществами.

Представляется, что процесс по преодолению кризисных явлений, каковым является организованная преступность, считается весьма сложным и многогранным. Для ускорения решения проблем борьбы с данным негативным социальным явлением необходимы значительные материально-технические, интеллектуальные, правовые и информационные средства.

Тенденции современного этапа развития организованной преступности происходят под действием сложных процессов, происходящих в различных

сферах жизни каждого общества. В этой связи при исследовании вопросов в этой области следует сосредоточить внимание на вопросах, связанных с преобразованиями в области экономики и социальной политики, в частности, на факторах перехода государства в области экономики от монополии к другим формам контроля в ряде отраслей, и в целом – к рыночным отношениям; на разработке целесообразных предложений и программ, направленных на возрождение и дальнейшее развитие не функционирующих экономических структур, а также на эффективное разрешение существующих противоречий в обществе в условиях экономической и политической нестабильности.

Необходимо отметить, что образование ГУПОБ (Главного управления по борьбе с организованной преступностью) МВД Таджикистана стало этапом начала эффективной формы борьбы с организованной преступностью. В его составе успешно функционирует ряд объединенных в оперативно-розыскные бюро структур (подразделений) по борьбе с международной преступностью, с отмыванием и легализацией незаконных доходов, с этнической преступностью, с лидерами организованной преступности, с межрегиональной преступностью, с терроризмом и иными преступлениями. В этой связи предложения по усовершенствованию и оптимизации статуса и системы новых подразделений в области борьбы с организованной преступностью в Таджикистане в системе ОВД РТ эффективно воздействуют на деятельность этих структур в деле борьбы с организованной преступностью.

О значении и важности планирования организации профилактической деятельности подразделений по противодействию организованной преступности велись существенные исследования. На современном этапе вопросы, связанные со стратегическим планированием в области борьбы с организованной преступностью, обозначаются государственными целевыми и специальными программами в этой области, а также программами на межгосударственном уровне в пространстве СНГ, двухсторонними межгосударственными договорами и соглашениями.

Представляется, что хороший результат профилактической работы правоохранительных структур в немалой степени зависит от целесообразности и актуальности научных исследований в той или иной области, а также от эффективной кадровой политики. В этой связи можно констатировать, что повсеместное и грамотное применение современных научных достижений, разработок и предложений в области организации и методики профилактики организованной преступности и оперативно-розыскной деятельности будет способствовать искоренению этого негативного явления.

На современном этапе развития правоохранительных органов Таджикистана проводится ряд реформ и изменений, важнейшей целью которых является системное улучшение противодействия организованной преступности. И здесь имеется в виду приведение такой работы в состояние, которое позволяло бы должным образом реагировать на изменение динамики организованной преступности, а также проводить повсеместную, систематическую и всестороннюю профилактику с целью ее пресечения. Ибо, ограничив, а по возможности и вытеснив криминальные структуры из их сфер деятельности, можно предположить, что сможем обеспечить реальную безопасность и защиту прав человека и гражданина, а также, соответственно, и жизненно важных интересов общества и государства.

Подводя краткие итоги по данному параграфу, можно сделать следующие выводы:

1. Латентность бандитизма в советский этап (период) была всегда высокой, к тому же в вопросе проведения квалификации бандитизма при проведении следственных и оперативных действий сотрудники нередко допускали ошибки. Данное обстоятельство наводит на мысль, что применение показателей данных советского периода при изучении динамики бандитизма и разработке комплекса мер по противодействию ему весьма сомнительно, и вследствие этого нецелесообразно.

2. Безусловно, то, что, являясь сложным социально значимым явлением, организованная преступность как бы отражает те социально-политические процессы, которые происходят в той или иной стране. Исходя из этого, данное

явление в Республике Таджикистан получило свое наивысшее развитие именно во времена различных социальных катаклизмов, смены экономических отношений в обществе.

3. Проведенный анализ показал, что наибольшее распространение организованной преступности, особенно в форме вооруженной преступности, рассматриваемое криминологами как уголовная революция, произошло сразу после распада Союза ССР, которое в течение года после этого переросло в гражданскую войну в Таджикистане, продолжавшуюся до 1997 года.

4. Республика Таджикистан в ходе проведения экономических реформ, проводя приватизацию собственности, легализацию предпринимательства и свободной торговли, столкнулась с проблемой острой необходимости эффективных мер в борьбе с организованной преступностью, подтверждая тот факт, что коренные изменения в стране и в жизни общества зачастую сопровождаются ростом преступности, и более того – в ее наиболее опасных формах.

5. Бандитизм, будучи одной из форм проявления организованной преступности и обладая общими, независимыми от той или иной территории характеристиками, в Таджикистане имеет свои особенности. Эти особенности проявляются в том, что бандитизм тесно смыкается с такими деяниями, как террористический акт, диверсия и некоторые другие преступные деяния против основ конституционного строя и безопасности государства. Наряду с указанными преступными деяниями, бандитизм сопровождается также и иными преступными деяниями, в частности, «похищением людей, захватом заложников и т.п.».

3.2. Причины и условия бандитизма в Республике Таджикистан

Переходя к вопросу о причинах и условиях бандитизма в современном Таджикистане, необходимо отметить, что причины развития организованной преступности носят трехуровневый характер: общесоциальные причины, социально-психологические причины и личностные причины[282].

[282] См.: Коннов А.И., Куликов В.И., Овчинский А.С. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского и др. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 129.

С.Э. Бахриддинов отмечает, что методологической основой понимания причин и условий преступности являются законы диалектического и исторического материализма. Причинность – одна из важнейших форм взаимодействия природных и социальных явлений. Событие или набор событий, которые предшествуют другому событию и вызывают другое событие, называются причиной[283]. Причина позволяет нам понять роль и место данного явления в мире, понять законы его развития, и, таким образом, предсказать, что будет дальше. Например, преступность как явление в обществе имеет свои законы развития, изучение которых позволяет криминологическим прогнозам предвидеть и предотвратить данную ситуацию[284].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой, причинность – это объективная, всеобщая генетическая связь между двумя явлениями: причиной и следствием. Причинно-следственное взаимодействие происходит благодаря определенным условиям, из числа различных обстоятельств и явлений, которые образуют его[285].

Как правило, преступность имеет свои причины и условия, а они в свою очередь состоят из системы негативных социальных явлений, направленных против соответствующей политической и экономической формации общества определенного государства, которые детерминируют преступность как свое следствие[286].

Общепринятой основой в криминологии является мнение о том, что общесоциальные причины организованной преступности главным образом связаны с социальными, политическими и экономическими процессами, происходящими в том или ином регионе, от которых зависит, как в дальнейшем будет развиваться образ жизни целых народов. Однако в правоприменительной практике этот основной нюанс забывается либо игнорируется.

В этой связи часто в научных работах отмечается, что организованная преступность тесно связана с деструктивным функционированием социальных институтов, она незаконно или законно обеспечивает определенные

[283] См.: Бахриддинов С.Э. Криминология (курс лекций). – Душанбе, 2010. – С. 21.
[284] См.: Там же. – С. 21.
[285] См.: Кузнецова Н.Ф., Лунеев В.В. Криминология: учебник. – М., 2005. – С. 166.
[286] См.: Там же. – С. 167.

политические, социальные, экономические и иные потребности на том или ином историческом этапе развития конкретной территории[287].

В ряде специальных исследований по криминологии и по другим предметам уголовно-правового цикла общественных наук высказывается мнение относительно того, что в целом организованная преступность не отличается от преступности своими специфическими причинами. При этом необходимо отметить один из важных факторов организованной преступности, который заключается в том, что данный вид преступности не характерен для всех стран. Исходя из этого, следует констатировать, что некоторые специфические факторы способствуют положительной тенденции развития организованной преступности. Например, в качестве таковых факторов можно назвать расслабление механизмов органов государственной власти, этно-конфессиональный состав населения страны, социально-экономические отношения, межрелигиозные межэтнические отношения[288].

Необходимо согласиться с таким положением дел, что, в частности, в Республике Таджикистан организованная преступность и бандитизм во многом обусловлены воздействием вышеперечисленных факторов. Это характерно для Таджикистана последнего десятилетия XX века, и, пожалуй, первых двух десятилетий XXI века тоже.

Начало 90-х годов прошлого столетия ознаменовалось развалом СССР, после чего на территориях бывших братских республик наступил политический, социальный и экономический кризис. Эти негативные факторы подготовили почву для возникновения определенных слоев населения, которые оказались в трудных жизненных ситуациях, и были вынуждены в силу этого примкнуть к уголовной среде. Неслучайно поэтому Х.Н. Бобоев, говоря о влиянии гражданской войны на развитие бандитизма, пишет: «В Таджикистане с его 6-миллионным населением на первый взгляд хотя бы трех-четырех бандформирований считалось уж слишком много. Однако в ходе гражданской

---

[287] См.: Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности. – Красноярск, 1999. – С. 61.

[288] См.: Степанова И.Б., Тенчов Э.С. Криминология: учебник для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 1999. – С. 516-517.

войны и после ее условного завершения, особенно в тех регионах, где разворачивались основные события братоубийственной войны, эти банды формировались и, образно говоря, росли как грибы после дождя. В некоторых случаях эти бандформирования выявлять специально и не было необходимости, так как они свободно разъезжали колоннами легковых автомашин по территории республики»[289].

Данное явление наиболее остро ощущалось в Таджикистане – наша страна, как одна из бывших республик СССР, сполна ощутила на себе все негативные последствия экономического, политического и территориального развала этой огромной державы. Помимо этого, на территории нашей республики в начале 90-х гг. прошлого столетия разгорелась гражданская война, которая нанесла огромный ущерб экономике и политическому строю новообразованного государства. Вследствие этого было нарушено общественно-политическое спокойствие страны и ее отдельных регионов, а также была парализована деятельность системы госорганов, о чем свидетельствуют многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых и, в частности, вышеуказанное обобщение Генеральной прокуратуры РТ.

В работах многих ученых и, в частности, С.Н. Абашина и В.И. Бушкова, послевоенная обстановка в нашей республике, к сожалению, оценена как повсеместная разруха, так как, по их мнению, общество было крайне ослаблено последствиями гражданского военного конфликта. Авторами также указывается, что хаос воцарился в сознании общества, так как некоторые стороны агитировали и призывали народ вернуться к некогда светлому прошлому, а другие старались пропагандировать либерально-демократические идеи, и т.д.[290]

Большинство авторов придерживаются мнения относительно того, что в условиях ухудшения социального уровня населения соответственно увеличивается сектор теневой экономики[291]. Как правило, данная тенденция приводит к дестабилизации политической обстановки в стране, а это служит

[289] Бобоев Х.Н. Указ. соч. – С. 14.
[290] См.: Абашин С.Н., Бушков В.И. Таджикистан: некоторые последствия трагических лет. – М., 1999. – С. 3.
[291] См.: Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 40-42.

дополнительным фактором развития криминальных структур. Создание такой ситуация, признается в исследованиях, «достаточно типично». В частности об этом пишет А.И. Коннов: «Организованная преступность в период реформирования общественных отношений может выступать в качестве инструмента для достижения конкретных политических и экономических целей определенных социальных групп»[292].

Отмечая реальную ситуацию и её особенности, следует подчеркнуть, что гражданская война может давать и «побочные» результаты. Так, например, в годы самой гражданской войны боевые действия приобретали все более, как ни странно, не политический характер; например, они характеризовались возрождением обычая кровной мести, участием в них уголовников, выпущенных из тюрем, т.е. гражданская война порождала, а частью возрождала, криминальные структуры в новой форме. И это в комплексе возродило ситуацию, где остальные слои населения оказались беззащитными перед лицом бандитских вооруженных формирований. Данная ситуация, как указывают С.К. Олимова и М.А. Олимов, привела к тому, что, оказавшись один на один с различными незаконными вооруженными группами, население обращалось к так называемым «своим» криминальным группировкам, территориальным и родовым мужским объединениям[293].

Данная обстановка способствовала развитию организованной преступности и росту числа бандитских нападений. Этот вид генезиса весьма специфичен для организованной преступности. По этому поводу весьма кстати мнение С.Ф. Милюкова, который указывает, что при продуцировании преступности используется важнейший фактор в виде цели криминализировать значительную часть населения того или иного слоя общества. На современном этапе реальность указывает, что уголовный мир обладает возможностью самовоспроизвести преступность[294].

---

[292] Коннов А.И., Куликов В.И., Овчинский А.С. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. А.С. Овчинского и др. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 129.

[293] См.: Олимова С. К., Олимов М.А. Независимый Таджикистан: трудный путь перемен // Восток. – 1995. – № 1. – С. 140.

[294] См.: Тенчов, Э.С., Степанова, И.Б. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В.

Не случайно на этот момент обращает особое внимание А.И. Долгова. "Организованная преступность, – отмечает она, – это результат двух взаимосвязанных явлений: процессов, происходящих в обществе, и самодетерминации преступности"[295].

На основе вышеизложенного в целом можно сказать, что общесоциальные причины роста тенденции развития организованной преступности на современном этапе, а также одной из ее форм – бандитизма в Таджикистане в целом были освещены.

Что касается второго уровня – социально-психологического, то здесь необходимо иметь в виду национально-психологические особенности таджикского народа. М.М. Набиев, характеризуя эти особенности, указывает: «Важнейшими факторами формирования психологии представителей таджикского этноса были устойчивость семейного, общинно-кланового объединения, длительное господство ислама с его идеологией, пронизывающей все сферы жизнедеятельности таджика-мусульманина»[296].

Мусульманская религия стала одним из факторов, детерминирующих организованную преступность в Таджикистане. С.Ф. Милюков по этому поводу пишет, что «религиозные противоречия могут расколоть единство людей одной и той же национальности... Конечно, сами по себе мировые религии (ислам, христианство, иудаизм, буддизм) не порождают преступного поведения, напротив, они способны консолидировать людей, удерживать их от аморальных и противоправных поступков. Однако верующих сравнительно легко вовлечь в реализацию своекорыстных планов, заставить умирать и убивать других ради наживы и удовлетворения непомерного корыстолюбия тех, кто беззастенчиво эксплуатирует их религиозные чувства. Мировая история являет нам бесчисленное множество тому доказательств»[297].

Степашина. – СПб., 1999. – С. 144.

[295] Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и. доп. – М.: Норма, 2005. – С. 607.

[296] Набиев М.М. Национально-психологические особенности таджиков и специфика их проявлений в этническом общении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1995. – С. 12.

[297] Криминология: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. – С. 145.

За примерами далеко ходить не надо. Им является современная история таджикского общества, в том смысле, что «религиозный экстремизм» в значительной мере явился причиной гражданской войны в Таджикистане и в настоящее время служит катализатором бандитизма, терроризма, преступных деяний террористического характера и других проявлений организованной преступности. Иначе говоря, религиозно-экстремистские группы, как правило, зачастую свои преступные намерения воплощают посредством совершения бандитских нападений. Данное обстоятельство служит неким стимулом для получения различных средств, чтобы в последующем продолжить свою преступную деятельность.

В качестве примера можно привести свидетельские показания гражданина Р. в деле разоблачения подпольной религиозной экстремистской группы, действовавшей на территории Согдийской области в 1999 году, которую ныне именуют «Хизб-ут-Тахрир». По свидетельству гражданина Р., участники этой экстремистской группы проводили вербовку лиц для участия в своих незаконных акциях, с этой целью проводили незаконные занятия по распространению идей ваххабизма, возбуждению национальной и религиозной вражды и розни. При проведении следственно-оперативных мероприятий были задержаны 40 активных участников этой экстремистской группы. В дальнейшем в ходе следственных мероприятий было установлено, что участниками этой банды в общей сложности учинены вооруженные нападения на различные организации и граждан, а также совершался захват заложников с целью получения выкупа, и иные тяжкие сопряженные преступления.

Установлено также, что добытые при совершении этих преступных деяний средства шли на их финансирование[298].

В исследованиях по криминологии в качестве одной из причин преступности называется наркомания. Однако наркомания, понимаемая в немедицинском употреблении наркотиков различными участниками бандгрупп, не считается отличительной чертой при бандитизме и не является его причиной.

[298] См.: Рустамов А.Х. Указ. соч. – С. 72-73.

При этом нельзя не отметить, что данное преступление нередко сопрягается с незаконным оборотом наркотических средств, которые являются предметом при наркобизнесе банды (ОВГ). Так, например, В.И. Бушков и Д.С. Микульский пишут, что один из наркодельцов по прозвищу Леша-Горбун – г. Хорог, ГБАО РТ, взял под свой контроль значительную часть торговли героином. У него имелся свой вооруженный отряд, поставщики сырья, лаборатории по производству этого наркотического средства[299].

Действие изложенных выше причин организованной преступности и, в частности, бандитизма усугубляется наличием определенных факторов, обстоятельств, которые выступают в качестве условий, способствующих бандитизму. Среди них следует, прежде всего, назвать факт наличия у населения ряда регионов Таджикистана различных видов огнестрельного оружия, добытого в результате гражданской войны.

Представители научных кругов и должностные лица государственных органов указывают на наличие большого количества оружия у населения, данный факт привлекает к себе внимание своей неконтролируемостью. Данное обстоятельство, как правило, больше обостряет ситуацию, и здесь необходимо установить источники приобретения оружия бандитскими группировками. Между тем этому вопросу не всегда уделяется внимание при расследовании уголовных дел о бандитизме.

Специалисты и ученые, которые нами были опрошены в ходе проведения исследования, отмечают, что в основном следственные органы ограничиваются только допросом этих обвиняемых, а что касается проверки показания источников приобретения оружия этими лицами, то оно заключается лишь в направлении формальных отдельных поручений в местные ОВД.

Это свидетельствует о недостатках, которые имеются в деятельности как оперативно-розыскных, так и следственных органов по расследованию дел,

[299] См.: Бушков В.И., Микульский Д.С. Таджикская революция и гражданская война (1989-1994 гг.) / Рос. АН, Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: ЦИМО ИЭИА, 1995. – С. 41.

связанных с бандитизмом, что также можно отнести к числу условий, способствующих этому негативному явлению.

В работах таджикских ученых весьма обоснованно отмечается, что беспрецедентный рост организованной преступности произошел в связи с распадом СССР и его единой правовой системы, которая должна была противодействовать всем видам преступности. Последующая ликвидация центральных правоохранительных структур союзного уровня, которыми координировались действия правоохранительных структур отдельных республик, ведущих непосредственную борьбу с организованной преступностью, привела к коллапсу деятельности региональных правоохранительных структур[300].

Данное обстоятельство содержится и в обобщении Генеральной прокуратуры РТ следственно-судебной практики по делам о терроризме, преступных деяниях террористического характера, диверсиях, захвате заложников, бандитизме и их причинах от 24.03.2001 года. В частности там отмечается, что распад СССР привел как к географическому разделению бывших республик, так и к разрушению единой мощной системы обеспечения безопасности, действовавшей на всей территории СССР.

Подводя некоторые итоги по данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

1. Одним из важнейших аспектов криминологической характеристики бандитизма, точнее противодействия или противостояния бандитизму, является включение в этот механизм профилактических мер этого вида преступности, и отметим, что в криминологических исследованиях для обозначения деятельности по противодействию преступности используется различная терминология.

2. В юридических исследованиях «часто можно встретить наряду с термином «предупреждение преступности» термин «профилактика преступности». Об этом отмечалось и в советское[301], и в настоящее время[302]. И по

---

[300] См.: Коннов А.И., Куликов В.И., Овчинский А.С. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского и др. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 108.

[301] См.: Филимонов А.В. Криминология и социальная профилактика преступлений. Томск, 1985. – С. 5-8.

[302] См.: Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008; Криминология: Учебник / Под ред. В.Д. Малкова. – М., 2006; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. –

их содержанию нет единого взгляда[303]. Наш анализ показывает, что предупреждение и профилактика преступных деяний – идентичные понятия, поскольку они обозначают одно и то же – деятельность по предотвращению преступных деяний.

3. Решение задач социально-экономического развития в деле профилактики преступности играет важную роль, но наряду с ним, а может, и в первую очередь, в профилактике бандитизма «важнейшую роль должна сыграть стабилизация политической обстановки в республике», основа которой была заложена в 1997 году, т.е. с подписанием в Москве в июне 1997 г. Общего соглашения о мире и национальном согласии в Таджикистане[304].

С тех пор прошло 25 лет, и республика достигла значительных успехов в деле стабилизации социально-политической ситуации в стране, которые также стали предметов исследования в данном параграфе.

3.3. Криминологические меры профилактики бандитизма в Республике Таджикистан

Одним из важнейших аспектов криминологической характеристики бандитизма, точнее, противодействия или противостояния бандитизму, является включение в этот механизм профилактических мер этого вида преступности, и отметим, что в криминологических исследованиях для обозначения деятельности по противодействию преступности используется различная терминология. И здесь имеются различные мнения. Например, А.И. Долгова считает, что данную деятельность необходимо именовать борьбой с преступностью, и она должна состоят из:

а) общей организации борьбы с преступностью (информационно-аналитическая деятельность, криминологическое прогнозирование, конкретизация стратегии борьбы с преступностью, правовое регулирование борьбы с преступностью, их корректировка, координация деятельности по борьбе

М.,2007.

[303] См.: Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, В.С. Степашина. СПб., 1999. – С. 235.

[304] См.: Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане. Москва, 27.06.1997 г.

с преступностью, кадровое и ресурсное обеспечение противодействия преступности, апробация научных рекомендаций и организация их внедрения в практику);

б) профилактики преступности (общая, специальная, индивидуальная);

в) правоохранительной деятельности (карающей и правовосстановительной)[305].

Под профилактикой преступности А.И. Долгова понимает: целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых уголовных деяний, расширения криминализации общественных отношений.

Правоохранительная деятельность является деятельностью, направленной на принятие предусмотренных законом мер по отношению к лицам, совершившим преступления, уполномоченными должностными лицами компетентных государственных органов.

А.И. Долгова выделяет специальное направление такой деятельности под названием «Карающая деятельность», - «это деятельность по выявлению, пресечению, раскрытию преступных деяний, применению на основе закона мер уголовной ответственности и наказания к лицам, совершившим преступление, либо мер, заменяющих их»[306].

Также, по мнению А.И. Долговой, существует правовосстановительная деятельность, которая выражается в восстановлении нарушенных незаконными деяниями прав и законных интересов граждан и организаций, возмещение вреда и т.д. [307]

Реализуется правоохранительная деятельность в трех формах: оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной деятельности.

---

[305] См.: Преступность и реформы в России / под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. – С. 59-64.
[306] См.: Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и. доп. – М.: Норма, 2005. – С. 615.
[307] См.: Там же. – С. 616.

Кроме того, следует заметить, что «правовосстановительная деятельность» осуществляется также посредством гражданского судопроизводства, реже – при производстве по делам о дисциплинарных правонарушениях[308].

А.И. Долгова, для обоснования свей позиции, приводит мнение, что термин «борьба с преступностью» заключается в активном столкновении общества с преступностью, и при провозглашении «контроля над преступностью» будет означать лишь противодействие или воздействие на преступность, и это будет нести в себе оказание компромисса и уступки преступности. При этом А.И. Долгова указывает, что профилактика преступности не означает оказать ей компромисс и уступки[309].

По мнению В.И. Шульги, профилактика преступлений выражается в осуществлении предупредительной функции по устранению, ослаблению и нейтрализации криминогенных факторов, которые детерминируют преступление, с целью дальнейшего недопущения совершения новых преступлений со стороны лиц, ведущих антиобщественный образ жизни. Также, по мнению автора, такая форма профилактики может выражаться в разъяснении гражданам их прав и обязанности, способов защиты этих прав от различных преступлений[310].

Современная тенденция развития криминологической теории по предупреждению общей преступности исходит из разработки стратегии научно-практической концепции борьбы с ней. В ее состав, помимо теоретических разработок проблем борьбы с преступностью, также входит программное обеспечение этой борьбы.

Предупреждение преступности является важнейшей составной частью борьбы с преступностью. Поэтому обобщение и изучение практики предупреждения преступности, теоретическое обоснование идей, взглядов и концепций делает данное направление самостоятельным элементом предмета теории предупреждения преступности[311].

---

[308] См.: Преступность и реформы в России / под ред. А.И. Долговой. - М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. – С. 65-74.
[309] См.: Там же. – С. 58-59.
[310] См.: Шульга В.И. Криминология: учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – С. 59.
[311] См.: Шульга В.И. Там же. – С. 56.

Профессор Е. Бафия придерживается мнения, что основы теории предупреждения преступности целесообразно изложить в качестве следующих принципов: 1) программное переустройство общества; 2) стимулирование социальных средств, ускоряющих социализацию людей; 3) общественное осуждение преступного поведения, 4) адекватность методов и средств предупреждения преступности конкретному типу криминогенной ситуации; 5) систематичность и многоплановость предупредительных мер; научность в управлении процессами предупредительной деятельности и др.[312]

Деятельность по борьбе с преступностью осуществляют государственные органы и общественные организации, и главным образом она направлена на устранение и предупреждение криминогенных факторов, которые детерминируют преступность. Помимо этого, данная деятельность призвана предотвращать преступность, регистрировать раскрытые и нераскрытые преступления, разыскивать лиц, совершивших преступление, осуществлять правосудие, исправление осужденных лиц, ликвидацию различных последствий преступлений[313].

В поддержку официального признания термина «борьба с преступностью» выступает и таджикский исследователь Б.Ш. Сайдамиров. По его мнению, термин «борьба с преступностью» в Таджикистане получил и официальное признание, в том числе в отдельных нормативно-правовых актах. Он пишет, что это вполне объяснимо:

- во-первых, посредством термина «борьба с преступностью» стимулируется наступательная акция правоохранительных органов на преступность;
- во-вторых, данный термин более целесообразен и благоприятен при восприятии, а также на протяжении долгого времени он широко используется должностными лицами и населением[314].

---

[312] Бафия Е. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации / пер. с польского. – М., 1983. – С. 129-139.
[313] См.: Шульга В.И. Криминология: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – С. 57.
[314] См.: Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 129.

При этом одним термином невозможно охватывать весь спектр мероприятий по воздействию на преступность и должным образом повлиять на систему организации профилактики преступности.

Так как борьба означает активное столкновение с преступностью, в этой связи мнение А.И. Долговой представляется правильным.

При этом активное столкновение выражается в силовом воздействии (карательном) на преступность. Данный вид воздействия заключается в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, а также оперативно-розыскной политике. В целях воздействия на преступность криминологической политики чаще используются меры, не свойственные карательным методам. Исходя из этого, борьба с преступностью проводится посредством оперативно-розыскной и уголовной политики, и здесь следует, исключить институты, стимулирующие правомерное поведение граждан[315]. Данная система правовой политики необходима для дальнейшего пресечения, предотвращения и в конечном итоге полного искоренения преступности. Эта система правовой политики состоит из профилактических мер, направленных против преступности.

В этой связи следует согласиться с мнением авторов относительно того, что использование термина «борьба с преступностью» в качестве основного или исключительного не совсем правильна, так как аналогичная трактовка может означать, что правоохранительные органы и общество будут ориентированы на воздействие на преступность исключительно силовыми и карательными методами. Иные меры по профилактике преступности, такие, например, как общесоциальные меры профилактики, независимо от их значения и статуса, отодвигаются на последний план. В теории права наряду с термином «предупреждение преступности» часто используется термин «профилактика преступности». Данное положение существовало еще с советских времен[316], и продолжается в настоящее время[317], при этом относительно данного положения

[315] Например, главой 8 УК РТ - обстоятельств, исключающих преступность деяния.
[316] См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика преступлений. – Москва, 1980. – С. 15-18.
[317] См.: Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008;

отсутствует единое мнение. Одни исследователи уверены относительно их синонимичности, иные уверяют, что это различные виды деятельности, направленные на борьбу с преступностью[318].

В этой связи следует подчеркнуть, что само слово «профилактика» имеет греческий корень «profylaktikos» – слово, означающее предохранение[319]. В переводе на русский язык «профилактика» представляет собой совокупность предупредительных мер, меры по предупреждению, заключается в принятии мер по предотвращению чего-либо[320].

Приведенные понятия этих определений указывают, что предупреждение и профилактика преступности являются аналогичными понятиями, так как они оба заключаются в деятельности, направленной на предотвращение преступности[321]. В этой связи следует отметить, что более целесообразным является использование термина «профилактика преступности», потому что он более адекватно отражает воздействие государства и общества в целом на преступность, и в частности на организованную преступность и бандитизм[322].

Известно, что организованные группы, преступные сообщества пополняют свои ряды в значительной мере за счет безработных. Решение экономических задач создает необходимые материально-технические, финансовые, организационно-управленческие и кадровые предпосылки для реализации специально-криминологических (специально-профилактических) мер.

Следует отметить, что для квалификации по ст. 186 УК РТ не имеет значения, законно либо незаконно данная группа завладела оружием. Источник приобретения данного оружия также не влияет на квалификацию по данной норме. При этом данное обстоятельство является весьма существенным моментом с точки зрения мер профилактики бандитизма. Поэтому выяснение источников приобретения оружия членами банды должно являться необходимой составной

Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. - М., 2006; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М., 2007.

[318] См.: Тенчов Э.С., Степанова И.Б. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. – С. 235.

[319] См.: Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – Т. 2. – М., 1991. – С. 215.

[320] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – С. 543.

[321] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – С. 503.

[322] См.: Сайдамиров Б.Ш. Указ. соч. – С. 131.

частью следственных действий в ходе предварительного расследования этих уголовных дел.

Среди рассматриваемых специально-криминологических (специально-профилактических) мер профилактики бандитизма и в целом организованной преступности важная роль отводится мерам организационно-правового характера. Здесь имеется в виду следующее:

а) предложения по совершенствованию законодательства в области регулирования деятельности по борьбе с организованной преступностью;

б) генезис механизма структур подразделений по противодействию организованной преступности, обеспечение скоординированности действий субъектов оперативно-розыскной деятельности, особенно в вопросах реализации оперативной информации об организованных преступных группах и сообществах, проведение комплексных межведомственных операций, создание условий, лишающих организованную преступность экономической основы;

в) разработка и внедрение эффективных, в т.ч. экстраординарных, мер по противодействию всем формам организованной преступности, в частности и бандитизму;

г) улучшение системы подготовки кадров, исходя из уровня криминогенной обстановки на определенной территории.

В связи с реализацией данных мероприятий, начиная с 1997 г. законодательство страны претерпело существенные изменения. Таким образом, оно началось с принятия нового УК в 1998 году, который существенно изменил и дополнил нормы, касающиеся, в частности, вопросов ответственности за совершение преступных деяний организованной группой, за создание организованных вооруженных групп и иных проблем в данной области. В частности при формировании ныне действующего УК РТ были приняты во внимание рекомендации модельного Уголовного кодекса стран-участниц СНГ.

Следует отметить, что одним из важных событий в области борьбы с организованной преступностью является образование в структуре МВД РТ отдельного подразделения, именуемого «Управление по борьбе с организованной

преступностью» (УБОП МВД РТ), в феврале 1995 года. В 2021 году было отмечено 26-летие со дня образования данного подразделения. Это Управление было образовано, как указано в Положении о нем, в целях документирования деятельности организованных вооруженных групп и принятия мер, могущих противодействовать ей на любом уровне государственной управленческой деятельности. Эти и остальные оперативные подразделения МВД РТ свою деятельность осуществляют на основе Закона РТ «Об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» от 25.03.2011 г.[323] Этим Законом предусмотрено осуществление различных оперативно-розыскных мероприятий, которые непосредственно направлены на пресечение и профилактику бандитизма. Однако в связи с особой спецификой этих мер (они носят закрытий характер), они в настоящей работе не исследуются.

Важную роль в предупреждении и пресечении бандитизма и других проявлений организованной преступности в Таджикистане должны сыграть меры, предусмотренные Межгосударственной программой совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств-участников СНГ.

Отметим, что интерес к изучению бандитизма с криминологических позиций в последнем десятилетии XX века значительно ослабел.

Являясь сложным социальным явлением, организованная вооруженная группа (банда), как составная часть организованной преступности, реально отражает происходящие в стране экономические и социальные процессы. И, как правило, в Таджикистане ее всплеск наблюдался в моменты социальных потрясений, смены экономических отношений в обществе. История таджикской уголовной практики свидетельствует, что наибольшее распространение организованной преступности, особенно в форме вооруженной преступности, произошло сразу после распада Союза ССР, и рассматривается криминологами как криминальная революция, которая в течение года после этого переросла в гражданскую войну в Таджикистане, продолжавшуюся до 1997 года.

[323] См.: Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». От 25.03.2011 г. – [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.

Как вытекает из УК РТ, непосредственно-конкретная совокупность составов преступлений непосредственно определяет конкретный вид преступности, а также устанавливает форму совершения этих деяний, и в частности – соучастие преступления при бандитизме.

Как известно, предупреждение преступности – это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений. Правоохранительная деятельность является деятельностью, которая направлена на принятие предусмотренных законом мер по отношению к лицам, совершивших преступления, со стороны уполномоченных должностных лиц компетентных государственных органов.

На наш взгляд, при противодействии преступности основное и официальное употребление термина «борьба с преступностью» не совсем правильно, так как здесь правоохранительные органы и общество обязуются воздействовать на преступность лишь силовыми и карательными методами. Что касается других мер по противодействию преступности, например, общесоциальных методов, которые играют немаловажную роль в данной отрасли, то они остаются без внимания.

Следует отметить, что, в зависимости от иерархии порождающих ее причин, различаются три уровня предупреждения преступности: 1. Общесоциальный уровень или, иначе, общая профилактика, которому уделено основное внимание; 2. Специально-криминологический уровень, предполагающий осуществление таких мер, которые направлены на устранение факторов, непосредственно детерминирующих отдельные виды и группы преступного поведения. Разработка и реализация таких мер осуществляется специальными органами, для которых функция предупреждения преступности входит в круг их профессиональных задач; 3. Индивидуальный уровень, заключающийся в деятельности по профилактике преступлений в отношении конкретных лиц, которые нарушают закон.

При характеристике и анализе мер криминологического предупреждения нами были проанализированы меры, касающиеся изъятия незаконно находящегося у населения оружия и пресечения его незаконного оборота. Весьма целесообразной является деятельность ОВД РТ по выкупу незаконного оружия у граждан с целью профилактики бандитизма. Также необходимо отметить, что в соответствии с примечанием нормы ст. 195 УК РТ, лица, которые добровольно сдали своё незаконно хранящееся оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, освобождаются от предусмотренной за это ответственности, если в их «действиях не содержится иного состава преступления». Отмеченное положение также можно рассматривать как одну из правовых мер предупреждения рассматриваемого вида преступности.

Исследование содержания статей УК РТ, которые устанавливают ответственность лиц, совершивших преступление, будучи участниками организованных преступных групп, в частности за бандитизм, а также практика применения данной нормы, указывают об отсутствии систематизации при нормотворчестве. Прежде всего, такая систематизация должна выражаться в определении форм сложных соучастий с взаимоисключающими пределами, которые содержатся в Общей части УК РТ.

Помимо этого, также существует необходимость в дифференциации ответственности за формирование и участие в аналогичных организованных преступных сообществах, исходя из следующих критериев: а) специальное приготовление холодного оружия и иных предметов, использующихся в качестве такового; б) наличие огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств; в) наличие оружия массового поражения.

В РТ развернута борьба с организованной преступностью, которая выражается в осуществлении политики государства в обеспечении национальной безопасности. Государственные органы, непосредственно занятые в данной сфере, участвуют в осуществлении системы мер, направленных на обеспечение стабильности в политической, правовой и социальной сферах.

Специфические причины и условия организованной преступности тесно взаимосвязаны с факторами социальной действительности, которые детерминируют всю профессиональную преступность в целом. Однако все они являлись лишь этапом на пути к образованию истинно организованной преступности, так как в советский период не было главного – ее экономической базы, накопления капитала путем получения противозаконной прибыли, влияния преступных групп на государственную политику, органы власти и управления[324].

Появление и существование организованной преступности связано, прежде всего, с общими социально-экономическими условиями, которые сложились в нашей стране за годы советской власти.

С каждым годом преступность растет, опережая темпы прироста населения, увеличивая устойчивый контингент профессиональных преступников, ставших катализаторами криминогенных процессов.

В настоящее время таджикское законодательство проявляет растущую заинтересованность в стабильных, открытых и предсказуемых условиях борьбы с организованной преступностью.

Следует отметить, что с криминологической позиции современный бандитизм в Таджикистане подвергся количественным и качественным изменениям, которые наряду с изменениями в социальной сфере, методах и способах деятельности, технической оснащенности банд, выражаются, например, в том, что количественная дифференциация между бандами увеличивается, с дальнейшей тенденцией уменьшения малочисленных (2-3 чел.), сохранения прежней доли средних (4-6 чел.), увеличения доли многочисленных (более 7 чел.) банд сообразно их кадровому составу, технической оснащенности, владению и управлению ими. Классификация банд в соответствии с исследованием их качественного состава показывает, что среди банд наиболее выявляемыми остаются смешанные банды (наличие судимых и несудимых), доля которых в общем числе изученных банд превысила 51,2 %. Имеется рост и банд, участники

[324] См.: Уголовное право: учебник. Часть Особенная / под ред. С. Казанцева, Л. Кругликова. – 3-е изд. –М.: Akademia, 2016. – С. 83.

которых являются ранее не судимыми (выявлено в целом 35,2%). Среди банд наименее выявляемыми на современном этапе остаются банды, которые называют профессиональными, составленными исключительно из ранее судимых лиц (около 13,6%).

Криминологический портрет участника банды в РТ по основному возрасту 30-49 лет, мужчины, но в последние три года заметно некоторое омоложение состава участников банды (на 3,2 %), большинство участников –люди из сёл и посёлков.

Впервые после национального примирения (1997 г.) в 2000 году было зарегистрировано участие в бандах иностранных граждан. Если в 2007 году каждый третий участник банды, привлеченный к ответственности за бандитизм, был ранее судим, то в 2011-2021 гг. количество ранее подвергнутых осуждению уменьшилось – до одного из четырех. В то же время личность участника банды в 2011-2021 гг., безусловно, является однотипной с личностью вооруженного преступника, и для него характерно наличие навыков и умений в обращении с оружием со всеми вытекающими последствиями.

Факторы, детерминирующие бандитизм, на наш взгляд, следует сгруппировать в следующие группы: а) экономические; б) социально-психологические; в) социально-политические; г) организационно-правового характера, которые, соответственно, обусловлены проблемами, недостатками и упущениями в этих сферах жизнедеятельности общества.

По мнению В.Е. Эминова, есть две группы факторов, которые носят исключительно криминологический и уголовно-правовой характер: а) фактор роста криминогенности общества, причем во многом бесконтрольного, что является соответственно порождением негативного действия вышеотмеченных четырех факторов; б) фактор виктимности, характерный для поведения потерпевших, ставших жертвами банд, усугубленный, в особенности, социально-

нравственными катаклизмами в переходный период развития государства и общества[325].

Следует отметить, что меры предупреждения бандитизма как элемент, составная часть противодействия этому злу и опасному преступлению, до сих пор остаются неэффективными, причиной чего, прежде всего, являются не достаточная их разработанность в специальной юридической литературе и публицистике и недостатки, упущения, несовершенство, имеющиеся в деятельности правоприменительных органов и должностных лиц, прежде всего органов правопорядка.

Таким образом, завершая данный параграф, можно изложить следующее заключение:

1. Среди рассмотренных специально-криминологических (специально-профилактических) мер профилактики бандитизма и в целом организованной преступности важная роль отводится мерам организационно-правового характера. В порядке реализации этих мероприятий с 1997 года в Таджикистане существенно изменилось уголовное законодательство, в частности, с принятием нового УК в 1998 году.
2. Важную роль в предупреждении и пресечении бандитизма и других проявлений организованной преступности в Таджикистане должны сыграть меры, предусмотренные Межгосударственной программой совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств-участников СНГ.
3. Оправданной с точки зрения предупреждения бандитизма является практика выкупа незаконно хранящегося у населения оружия, которая осуществляется органами внутренних дел РТ.

[325] См.: Уголовное право: учебник. Часть Особенная / под ред. С. Казанцева, Л. Кругликова. – 3-е изд. – М.: Akademia, 2016. – С. 157.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования автором сформулировано следующие основные теоретические положения и выводы, практические рекомендации и предложения, которые могут быть изложены следующим образом.

Выводы, отражающие научно-обоснованные результаты диссертационного исследования:

1. Бандитизм является социальным и уголовно-правовым понятием и историческим и правовым феноменом. Исторический опыт показывает, что бандитизм в адекватном установлении с реалиями времени и степенью противодействия ему может трансформировать (изменять и адаптировать) свою политико-правовую природу, что, прежде всего, проявляется в изменении не экономической, а политико-правовой сущности и направленности [1–А].

2. Таджикское дореволюционное законодательство не содержало понятий «банда» и «бандитизм»[326]. Однако в истории законодательства указание на потребность «более жесткого наказания» за преступные деяния, «совершаемые группой лиц», мы можем встретить и встречали в разных нормативных актах. Мы выше отмечали, что в истории Таджикистана таким актом является Авеста (Авасто).

3. В 1917-1921 годах и вплоть до конца 30-х годов XX века в Таджикистане бандитизм (по УК ТаджССР 1935 года – «басмачество») представлял исключительную общественную опасность. Отметим, что в советский период законодательное закрепление понятия «бандитизм» прошло ряд этапов, и эволюция этого понятия имела свою существенную специфику в Таджикистане. Понятие бандитизма, как преступного деяния, впервые упоминается уже в 1918 году.

4. Принятие УК ТаджССР 1935 года имело важное значение в истории уголовного права республики. Основным источником его являлись основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик и УК РСФСР. Вот почему многие положения как Общей, так и Особенной части УК

[326] См.: Фарханги истилохоти хукук [Словарь юридических терминов и выражений] / под ред. М.А. Махмудова. – 3-е изд. – Душанбе: ЭР-граф, 2012. – С. 82-83, 251. – (На тадж. яз.).

сходны с соответствующими частями Основ уголовного законодательства Союза ССР и УК РСФСР[327]. При этом существовали и отличительны признаки, в частности УК ТаджССР имеет существенные изменения и дополнения, в том числе и в регулировании такого вида организованной преступности, как бандитизм.

5. После принятия Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступные деяния» от 25.12.1958 года, редакция ст. 68 УК ТаджССР 1935 года была изменена и впоследствии сформулирована в Уголовном кодексе ТаджССР 1961 года, где ответственность за бандитизм предусматривалась в ст. 74, расположенной в главе «Государственные преступления» (в Разделе II. «Иные государственные преступления»).

6. Анализ норм УК стран СНГ, предусматривающих ответственность за бандитизм, показал, что в большинстве из них уголовная ответственность в отношении отдельных участников банды не дифференцирована. В качестве объекта бандитизма по уголовным законодательствам всех стран-участниц СНГ выступает именно общественная безопасность.

7. Что касается взрослых лиц, вовлекающих в банду несовершеннолетних, то их действия должны быть дополнительно квалифицированы нормой, которая предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступного деяния организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), и в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, которым считается бандитизм.

8. В ч. 3 ст. 186 УК РТ установлена ответственность за создание, руководство и участие в банде и в совершаемых ею нападениях лица, использующего для этого свое служебное положение. Здесь имеется в виду должностное лицо, понятие которого определено в примечании к ст. 314 УК РТ.

9. На наш взгляд, наступило время, когда необходимо законодательно закрепить норму об уголовно-правовом компромиссе в противодействии бандитизму путем внесения дополнения в ст. 186 УК РТ в виде примечания, где

[327] См.: Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР: дис. … д-ра юрид. наук. – Душанбе, 1968. – С. 8-12, 23-26, 37-40.

были бы указаны основания освобождения от уголовной ответственности участника банды за деяния, предусмотренные в диспозиции указанной статьи, но с учетом вышеизложенных в предыдущих пунктах элементов новизны.

10. Считаем целесообразным сформулировать и принять новую законодательную редакцию ст. 186 УК РТ, которая, на наш взгляд, будет в большей мере соответствовать объективной реальности и отвечать потребностям правоприменительной практики, что непременно будет направлено на совершенствование уголовно-правовых и криминологических (специально-профилактических) мер противодействия бандитизму.

11. Изучение правоприменительной практики, прежде всего – судебной и следственной, по индивидуализации наказания по делам о бандитизме показывает, что суды в значительной мере не учитывают закрепленные в законе правила (нормы) назначения наказания. Указанная практика свидетельствует о явном снижении эффективности профилактической роли уголовного наказания в карательной политике и не способствует достижению целей уголовного наказания.

12. Латентность бандитизма в советский период была всегда высокой; к тому же в вопросе проведения квалификации бандитизма сотрудники правоохранительных органов допускали значительные ошибки, что ставит под сомнение использование статистических данных советского времени в целях изучения реального состояния бандитизма и разработки мер противодействия ему.

13. Являясь сложным социально значимым явлением (фактором), организованная преступность как бы воспроизводит в себе социально-политические процессы, которые происходят в той или иной стране. Исходя из этого, данное явление в Республике Таджикистан получило свое развитие во времена различных социальных катаклизмов, смены экономических отношений в обществе.

14. Проведенный анализ показал, что наибольшее распространение организованной преступности, особенно в форме вооруженной преступности, рассматриваемое криминологами как уголовная революция, произошло сразу

после распада Союза ССР, которое в течение года после этого переросло в гражданскую войну в Таджикистане, продолжавшуюся до 1997 года.

15. Республика Таджикистан в ходе проведения экономических реформ, проводя приватизацию собственности, легализацию предпринимательства и свободной торговли, столкнулась с проблемой поиска эффективных мер в борьбе с организованной преступностью, подтверждая тот факт, что коренные изменения в стране и в жизни общества зачастую сопровождаются ростом преступности, и более того, в ее наиболее опасных формах.

16. Бандитизм, будучи одной из форм проявления организованной преступности и обладая общими, независимыми от той или иной территории характеристиками, в Таджикистане имеет свои особенности. Эти особенности проявляются в том, что он тесно смыкается с такими деяниями как террористический акт, диверсия и некоторые другие преступные деяния против основ конституционного строя и безопасности государства. Наряду с указанными преступными деяниями, бандитизм сопровождается также и иными преступными деяниями, в частности, «похищением людей, захватом заложников и т.п.».

17. Одним из важнейших аспектов криминологической характеристики бандитизма, точнее, противодействия или противостояния бандитизму, является включение в этот механизм профилактических мер этого вида преступности, и отметим, что в криминологической исследованиях для обозначения деятельности по противодействию преступности используется различная терминология.

18. В юридических исследованиях «часто можно встретить наряду с термином «предупреждение преступности» термин «профилактика преступности». Об этом отмечалось и в советское[328], и в настоящее время[329]. И касательно содержания этих понятий среди ученых до сих пор нет единого взгляда[330]. Проведенный нами анализ подтверждает, что предупреждение и

---

[328] См.: Филимонов А.В. Криминология и социальная профилактика преступлений. – Томск, 1985. – С. 5-8.

[329] См.: Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008; Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. – М., 2006; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М., 2007.

[330] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, В.С. Степашина. – СПб., 1999. – С.

профилактика преступных деяний – идентичные понятия, поскольку они обозначают одно и то же – деятельность по предотвращению преступных деяний.

19. Среди рассмотренных специально-криминологических (специально-профилактических) мер профилактики бандитизма и в целом организованной преступности важная роль отводится мерам организационно-правового характера. В порядке реализации этих мероприятий с 1997 года в Таджикистане существенно изменилось уголовное законодательство, в частности, с принятием нового УК в 1998 году.

20. Важную роль в предупреждении и пресечении бандитизма и других проявлений организованной преступности в Таджикистане должны сыграть меры, предусмотренные Межгосударственной программой совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств-участников СНГ.

21. Оправданной с точки зрения предупреждения бандитизма является практика выкупа незаконно хранящегося у населения оружия, которая осуществляется органами внутренних дел РТ.

22. Отмечая криминологический портрет участника банды в Таджикистане, следует заметить, что по основному возрасту 30-49 лет, мужчины, но в последние три года заметно некоторое омоложение состава участников банды (на 3,2 %).

235.

РЕКОМЕНДАЦИИ

В работе предлагаются рекомендации, имеющие практическое значение, по совершенствованию уголовного законодательства Республики Таджикистан об уголовной ответственности за бандитизм.

1. Как было указано выше, бандитизм является корыстным преступлением, при совершении которого преступники нередко преследуют цель завладения чужим имуществом. Исходя из этого, возникает необходимость во включении дополнительной санкции в виде конфискации имущества за совершение бандитизма по ч. 1 и ч. 3 статьи 186 УК РТ.

2. Закрепленное в ч. 1 ст. 186 УК РТ понятие «банда» нельзя признать удовлетворительным, так как оно содержит отмеченный выше существенный недостаток, то есть повторное использование оценочной категории «устойчивая» группа в качестве признака организованной группы. Наше исследование подтверждает, что в научном обороте, употребляя термин «банда», понимают создание организованной вооруженной группы (ОВГ), целью которой является преступная деятельность посредством совершения нападений на граждан и организации. В этой связи нами предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 186 УК РТ, изложив ее в следующей редакции:

1. Создание банды, т.е., организованной вооруженной группы с целью нападения на граждан или организации, а равно руководство такой бандой (организованной вооруженной группой) – наказывается ...

2. Участие в банде (организованной вооруженной группе) - наказывается ...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или с использованием своей специальной подготовки – наказывается ...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные при опасном или особо опасном рецидиве – наказывается ...

Исключение категории «устойчивая», в частности, из норм ст. 186 УК РТ, послужит упорядочению правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной; более того, даст возможность привести к завершению дискуссии

о необходимости выделения банды как самостоятельной формы преступного соучастия в преступлении.

3. Действительно, наше исследование подтверждает, что банды формируются с целью нападения и участия их членов в различных незаконных посягательствах. Преступления, совершаемые бандами, отличаются высокой степенью причинения вреда, а их участники осознают обстоятельство, что при бандитском нападении они готовы совершить любое иное преступление, а также они одержимы в выполнении различных задач. В совокупности и в отдельности эти качества, как правило, не характерны для групп, сформированных для совершения разбойного нападения, вымогательства и иных преступных деяний.

4. Также наше исследование не только подтверждает и подкрепляет вывод о том, что банда отличается от других организованных групп по признаку способа совершения преступных деяний ее участниками – активного и открытого нападения на граждан и организации, наличия хотя бы у одного из участников банды оружия, годного к использованию, и готовности его применить в процессе посягательства, но и даёт возможность устанавливать указанный признак как специфический признак именно бандитизма; он указывается только при проведении квалификации преступных деяний, совершенных участниками банды.

5. Следует особо обратить внимание на такой признак бандитизма, как его вооруженность, заметив при этом, что анализ вооруженности и применения оружия в УК РТ практически не содержится; в санкциях данных норм не отражена степень общественной опасности, в частности, в статье 186 УК РТ «Бандитизм»: при классификации ответственности за применение видов оружия следовало бы учитывать не только объективные категории, относящиеся к оружию (технические параметры, масштабы применения и поражения), обстановку совершения преступного деяния (случайность попадания оружия к виновному, его предварительная подготовка), но и, особенно, субъективные аспекты: цель использования оружия (на поражение или для демонстрации), характер и размер желаемого вреда и мотивацию.

При этом нужно проводить разграничение между ответственностью за создание

таких сообществ и участие в таких сообществах, исходя из использования:

а) холодного оружия и иных предметов, специально приготовленных для применения насилия;

б) приобретение огнестрельного оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ;

в) создание и приобретение оружие массового поражения.

Изучение правоприменительной практики, прежде всего, судебной и следственной, по индивидуализации наказания по делам о бандитизме показывает, что суды в значительной мере не учитывают закрепленные в законе правила (нормы) назначения наказания. Это подтвердило и проведенное нами социологическое исследование, согласно которому только в 6 приговорах из 10 в Хатлонской области (60,0%) и в 14 приговорах из 21 (66,66%) в городе Душанбе и районах республиканского подчинения, суды, назначая наказание, ссылались на характер и степень общественной опасности преступного деяния, а ссылка на личность виновного в преступлении содержалась только в половине всех приговоров (около 50%). Указанная практика свидетельствует о явном снижении эффективности профилактической роли уголовного наказания в карательной политике и не способствует достижению целей уголовного наказания.

Бандитизм на современном этапе в Таджикистане, с точки зрения его уголовно-правовой и криминологической характеристики, убеждает, что он не просто является одной из разновидностей организованной преступности, а стал полуфункциональным и адаптирующимся в новых условиях к иной, нетрадиционной для бандитизма среде; приобретает не только черты преступных деяний террористической направленности или корыстного характера, но и «усваивает» приемы, методы и средства этих видов преступных деяний, с учетом отмеченных выше специфики и многофункциональности бандитизма, что, на наш взгляд, станет действенным в криминологическом и уголовно-правовом противодействии бандитизму в современных условиях Таджикистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)

I. Нормативно-правовые акты:

1. Конституция Республики Таджикистан. От 6.11.1994 г., с посл. изм. и доп. [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 12 декабря 2000 г.) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2004. – №40. – Ст. 3882.

3. Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (Страсбург, 28 июня 1978 г.) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – №51. – Ст. 6344.

4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. От 21 мая 1998 г. [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г., №63-ФЗ (по состоянию на 31.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3 (дата обращения: 02.11.2020).

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г., №226-V (по состоянию на 26.06.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252#sub_id=3660000 (дата обращения: 10.07.2020).

7. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г., №222-1 (по состоянию на 22.08.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 25.11.2020).

8. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г., №ЗР-528 (по состоянию на 14.01.2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.legislationline.org/download/id/8237/file/Armenia_CC_am2016_ru.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утверждён Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г., №787-IQ) (по состоянию на 09.07.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: 170 http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 10.07.2020).

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., №275-З (по состоянию на 11.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовный_Кодекс_РБ (дата обращения: 10.07.2020).

11. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г., №985-XV (по состоянию на 09.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=6;-150 (дата обращения: 02.11.2020).

12. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г., №126 (по состоянию на 18.01.2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru (дата обращения: 22.01.2022).

13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. (по состоянию на 6.11.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 26.11.2020).

14. Уголовный кодекс Таджикской ССР [Текст]. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1961. – 166 с.

15. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [Текст] // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. – М., 1953. – Ст. 76.

16. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года с постатейно-систематизированными материалами / Сост. и ред.: С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов, В.П. Усков. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 556 с.

17. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». От 25.03.2011 г. – [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.

18. Закон Республики Таджикистан «Об оружии». От 19.03.2013 г. [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.

19. Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г., №492 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ncz.tj/taxonomy/term/884/all (дата обращения: 01.05.2021).

20. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы от 6 февраля 2018 года, №1005 [CD-ROM] / Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 7.0. / Министерство юстиции РТ. – Душанбе, 2021 г.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РТ № 15 от 23.11.2012 г. «О судебной практике по рассмотрению уголовных дел о бандитизме» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РТ №4, октябрь – декабрь 2012. – Душанбе, 2013. – С. 36-41.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РТ №1 от 25.04.2001 г. «О судебной практике по делам об убийствах» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РТ №1. – Душанбе, 2001. – С. 167-170.

23. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (1992-2011) [Текст]. – Душанбе, 2011. – 556 с.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РТ №3 «О судебной практике по делам о бандитизме» от 26.06.1997 г. [Текст] // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РТ (1992 – 2011). – Душанбе, 2011. – С. 85.

25. Декрет СНК РСФСР от 20 июля 1918 года «О суде» [Текст] // СУ РСФСР. – 1919. – №66. – Ст. 590.

26. Декрет СНК РСФСР от 19 февраля 1920 года «О передаче лиц, обвиняемых в бандитизме, суду Военно-Революционного Трибунала» [Текст] // СУ РСФСР. – 1920. – №11. – Ст. 71.

27. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.» [Текст] // СУ РСФСР. – 1926. – №80. – Ст. 600.

28. Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) / Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 г. [Текст] // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952). – М., 1953. – С. 221.

29. Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. –1959г. – №1. – Ст. 8.

30. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – №19. – Ст. 456.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1 от 17 января 1997 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [Текст] // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам (с комментариями и пояснениями) / Сост. и авт. коммент.: Михлин А.С., Казакова В.А. Отв. ред. – к.ю.н., доц., засл. юрист РФ В.И. Радченко; науч. ред. д.ю.н., проф., засл. деят. науки РФ А.С. Михлин. – М.: Юрайт, 2008 г. –753 с.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №9 от 21 декабря 1993 года «О судебной практике по делам о бандитизме» [Текст] // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам (с комментариями и пояснениями) / Сост. и авт. коммент.: Михлин А.С., Казакова В.А.; отв. ред. к.ю.н., доц., засл. юрист РФ В.И. Радченко; д.ю.н., проф., засл. деят. науки РФ А.С. Михлин. – М.: Юрайт, 2008. – 753 с.

II. Монографии, комментарии и учебники, учебные пособия

33. Агапов, П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности: монография [Текст] / Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. – 312 с.

34. Абашин, С.Н., Бушков, В.И. Таджикистан: некоторые последствия трагических лет [Текст] / С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. – 24 с.

35. Аванесов, Г.А. Криминология и социальная профилактика [Текст] / Аванесов Г.А. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 526 с.

36. Авеста: Старинные гимны древнего Ирана (на тадж. яз.) [Текст]. – Душанбе: Конунийят, 2001. – 792 с.

37. Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: монография [Текст] / У.А. Азизов. – Душанбе: Андалеб-Р, 2015. – 368 с.

38. Азизов, У.А. Развитие уголовного законодательства Республики Таджикистан [Текст] / У.А. Азизов. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 152 с.

39. Антипов, В.И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность [Текст] / В.И. Антипов; М-во внутр. дел СССР; Киев. высш. шк. им. Ф.Э. Дзержинского. – Киев: КВШ МВД СССР, 1987. – 86 с.

40. Бахриддинов, С.Э. Криминология (курс лекций) [Текст] / С.Э. Бахриддинов. – Душанбе, 2010. – 144 с.

41. Буриев, И.Б. История государства и права Таджикистана. Т.1, ч. 1-2 (от древнейших времен до начала XX века) [Текст] / И.Б. Буриев. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 244 с.

42. Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву [Текст] / Ф.Г. Бурчак. – Киев, 1969. – 216 с.

43. Бушков, В.И., Микульский, Д.С. Таджикская революция и гражданская война (1989-1994 гг.) [Текст] / В.И. Бушков, Д.В. Микульский; РАН, Центр по изуч.

межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: ЦИМО ИЭИА, 1995. – 310 с.

44. Вайле, С.П., Васильев, Э.А. Характеристика современного бандитизма: лекция [Текст] / С.П. Вайле, Э.А. Васильев. – М.: Изд-во ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. – 32 с.

45. Вербовая, О.В. Уголовно-правовая борьба с бандитизмом [Текст] / О.В. Вербовая; Ин-т междунар. права и междунар. бизнеса «ДАНЕКЕР». – Алматы: Данекер, 2002. – 220 с.

46. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика [Текст] / Л.Д. Гаухман. – М.: АО «ЦентрЮрИнформ», 2010. – 559 с.

47. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Текст] / А.И. Гуров. – М.: Юрид. лит., 1990. – 304 с.

48. Гоибов, Р.Д. Уголовное право (Общая часть) [Текст]: методическое пособие (на тадж. яз.) / Р.Д. Гоибов. – Худжанд, 2007. – 42 с.

49. Гончаров, А.К., Дорошенко, И.А., Козичев, М.А., Павлович, Н.Н. Из истории ВЧК 1917-1921 гг. Сборник документов [Текст] / А.К. Гончаров, И.А. Дорошенко, М.А. Козичев, Н.Н. Павлович. – М.: Госполитиздат, 1958. – 511 с.

50. Гуров, А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность [Текст] / А.И. Гуров // Социальные, правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью: пособие для слушателей народных университетов. – М.: Знание, 1992. – 80 с.

51. Гришаев, П.И. Уголовное право. Особенная часть [Текст]: учебник / П.И. Гришаев. – М.: Юрид. лит., 1988. – 608 с.

52. Долгова, А.И. Криминологические оценки организованной преступности, коррупции, правовые баталии и национальная безопасность: монография [Текст] / А.И. Долгова. – М., 2011. – 668 с.

53. Ефремов, М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения [Текст] / М.А. Ефремов. – Минск, 1971. – 234 с.

54. Захаров, Н.С. Малков, В.П. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-1991 гг.) [Текст] / Н.С. Захаров, В.П. Малков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 302 с.

55. Иванов, В.Д. Уголовное право [Текст] / В.Д. Иванов. – М.: Приор, 2015. – 420 с.

56. Игнатьев, А.А. Особо опасные государственные преступления. [Текст] / А.А. Игнатьев. – К.: КВШ МВД СССР, 1975. – 66 с.

57. Казакова, В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы [Текст] / В.А. Казакова. – М.: Логос, 2003. – 256 с.

58. Канторович, Я.А. Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года, с приложением предметно-алфавитного указателя [Текст] / Я.А. Канторович. – СПб., 1903. – 204 с.

59. Клеймёнов, М.П. Криминология [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция», специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / М.П. Клеймёнов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма; ИНФРА-М, 2018. – 399 с.

60. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении [Текст] / М.И. Ковалев – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 190 с.

61. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан [Текст] / Под ред. Х.Х. Шарипова. – Душанбе, 2005. – 1224 с.

62. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) [Текст] / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 1069 с.

63. Комментарии мусульманского права [Текст]: в 4-х т. / Пер. и коммент. Н.П. Гродекова. – Ташкент: Литогр. Лахтина, 1893. – Т. 1. – 513 с.

64. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации [Текст] / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: ИНФРА–М; НОРМА, 2014. – 876 с.

65. Комиссаров, В.С. Бандитизм и другие тяжкие преступления против общественной безопасности [Текст] / В.С. Комиссаров. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 218 с.

66. Коннов, А.И., Куликов, В.И., Овчинский, А.С., Овчинский, В.С. Основы борьбы с организованной преступностью: монография [Текст] / А.И. Коннов, В.И. Куликов, А.С. Овчинский, В.С. Овчинский; под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Инфра-М, 1996. – 400 с.

67. Криминология [Текст]: учебник / Под ред. Г.А. Аванесова. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 575 с.

68. Криминология [Текст]: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – 480 с.

69. Криминология [Текст]: учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. – М., 2006. – 528 с.

70. Криминология [Текст]: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 2007. – 512 с.

71. Криминология [Текст]: учебник / Под ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и. доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.

72. Криминология – XX век [Текст] / В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, Б.В. Волженкин, Я.И. Гилинский; под ред. В Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – 554 с.

73. Кудратов, Н.А. Уголовное право Республики Таджикистан (Общая часть) [Текст] / Н.А. Кудратов. – Душанбе, 2012. – 342 с.

74. Кузнецова, Н.Ф., Лунеев, В.В. Криминология [Текст]: учебник / Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев. – М., 2005. – 630 с.

75. Курс советского уголовного права [Текст]: в 6 т. / Ред. кол.: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А.А. Пионтковский и др.; АН СССР. Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1970. – Т. 4. – 432 с.

76. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44 [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Госполитиздат, 1970. – 725 с.

77. Литвинов, Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность: (политико-правовой анализ) безопасности [Текст] / Н.Д. Литвинов. – М.: Логос, 1999. – 219 с.

78. Литвинов, Н.Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма: монография [Текст] / Н.Д. Литвинов. – Воронеж: ВИ МВД России, 1999. – 118 с.

79. Маджидзода, Д.З., Назаров, Н. Организованная и транснациональная преступность [Текст] / Д.З. Маджидзода, Н. Назаров. – Душанбе, 2014. – 268 с.

80. Малахов, Л.К. Ответственность за вымогательство: Квалификация и наказание по российскому и зарубежному праву [Текст] / Л.К. Малахов. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1995. – 128 с.

81. Малинин, В.Б. Смирнов, Л.Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ [Текст]: науч. – практ. коммент. (постатейный) / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. – М.: Контракт; Волтерс Клувер, 2011. – 384 с.

82. Мельникова, Ю.Б., Устинова, Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм [Текст] / Ю.Б. Мельникова, Т.Д. Устинова. – М., 1995. – 32 с.

83. Назаров, А.К. Уголовно-правовые нормы Корана и Хадисов и их классификация по институтам уголовного права [Текст] / А.К. Назаров. – Душанбе, 2014. – 207 с.

84. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Под ред. П.Н. Панченко. – Н. Новгород, 1996. – 622 с.

85. Никулин, С.И. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации [Текст] / С.И. Никулин. – М., 2000. – 1184 с.

86. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22-го марта 1903 г. С приложением Именного Высочайшего Указа и мнения Государственного Совета [Текст] / СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1903. – 315 с.

87. Осипкин, В.Н. Организованная преступность [Текст] / В.Н.Осипкин; науч. ред. Б.В. Волженкин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 40 с.

88. Островских, Ж.В. Бандитизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика [Текст]: учебное пособие / Ж.В. Островских. – Иркутск, 2007. – 154 с.

89. Павлик, М.К. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики [Текст] / М.К. Павлик. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2011. – 372 с.

90. Пазухин, С.Б. Методика расследования бандитизма: монография [Текст] / С.Б. Пазухин. – Волгоград: ВА МВД России, 2005. – 260 с.

91. Преступность и реформы в России [Текст] / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. – 408 с.

92. Рахимзода, Р.Х. Уголовно-правовая, криминологическая и оперативно-розыскная характеристика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономики: монография [Текст] / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: УМТВС МВД РТ, 2014. – 120 с.

93. Сайгитов, У.Т. Современный бандитизм: проблемы противодействия: криминол. исслед. [Текст]: учебное пособие / У.Т. Сайгитов. – Махачкала: б.и., 2004. – 73 с.

94. Сафаров, А.И., Шарипов, Т.Ш. Уголовное право с использование интерактивного метода [Текст]: учебное пособие (на тадж. яз.) / А.И. Сафаров, Т.Ш. Шарипов. – Душанбе, 2015. – 520 с.

95. Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики [Текст] / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

96. Тащилин, М.Т. Назначение наказания в уголовном праве Российской Федерации: монография [Текст] / М.Т. Тащилин. – Пятигорск, 2003. – 318 с.

97. Уголовное право Республики Таджикистан: Общая часть [Текст]: учебное пособие / Под ред. Рахимзода Р.Х., Бободжонзода И.Х. – Душанбе, 2019. – 550 с.

98. Уголовное право (Общая часть) [Текст]: учебное пособие / Под ред. к.ю.н., доцента Н.А. Гафоровой и к.ю.н., доцента Х.С. Салимова. – Душанбе, 2011. – 344 с.

99. Уголовное право РТ [Текст]: в двух томах / Х.С. Сафаров, В.П. Ревин; под ред. В.П. Ревина. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 845 с.

100. Уголовное право РФ (Общая часть) [Текст]: учебник / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М., 2012. – 879 с.

101. Уголовное право (Особенная часть) [Текст]: учебник: в 2-х т. Т. 1 / Под ред. И. Козаченко, Г. Новоселова. – М.: Юрайт, 2016. – 442 с.

102. Уголовное право России (Общая и Особенная части) [Текст]: учебник / Отв. ред. В. Дуюнов. – М., 2015. – 704 с.

103. Уголовное право. Часть Особенная [Текст]: учебник / Под ред. С. Казанцева, Л. Кругликова. – 3-е изд. – М.: Akademia, 2016. – 364 с.

104. Уголовное право России (Общая часть) [Текст]: учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 2011. – 678 с.

105. Уголовное право (Особенная часть) [Текст]: учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2014. – 516 с.

106. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года с дополнениями по продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 годов, с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената [Текст] / изд. Н.С. Таганцевым. – 8-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1894. – 440 с.

107. Устинова, Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ): монография [Текст] / Т.Д. Устинова. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. – 192 с.

108. Чистяков, О.И. Российское законодательство X–XX веков [Текст]: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / О.И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1988. – 432 с.

109. Халиков, А.Г. Хадис как источник мусульманского права (суннитское направление) [Текст] / А.Г. Халиков. – Душанбе, 1998. – 252 с.

110. Хусейнов, С.Х. Состав преступления [Текст]: учеб. пособие (на тадж. яз.) / С.Х. Хусейнов. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 271 с.

111. Шарипов, Т.Ш., Сафарзода, А.И., Камолов, З.А., Холикзода, Ш.Л. Уголовное

право (Общая часть) [Текст]: учебник / Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафарзода, З.А. Камолов, Ш.Л. Холикзода. – Душанбе, 2020. – 223 с.

112. Шаропов, С.Ш. Корыстные преступления и организованная преступность. Проблемы борьбы [Текст] / С.Ш. Шаропов. – Душанбе: Ирфон, 1995. – 192 с.

113. Шеслер, А.В. Криминологические аспекты групповой преступности: монография [Текст] / А.В. Шеслер; М-во внутр. дел России. Сиб. юрид. ин-т. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 177 с.

114. Юлдошев Р.Р., Махмадиев, Х.Х., Акбарзода, А.А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.) [Текст]: научно-практическое пособие / Р.Р. Юлдошев, Х.Х. Махмадиев, А.А. Акбарзода. – Душанбе: Изд-во «КОНТРАСТ», 2018. – 320 с.

III. Статьи и доклады

115. Абдулатипов, А.М., Магомедов, Ш.Б. Современные аспекты противодействия бандитизму и экстремизму [Текст] / А.М. Абдулатипов, Ш.Б. Магомедов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала: Изд-во ИПЦ ДГУ, 2013. – №3. – С. 94-99.

116. Абдулатипов, А.М. Виктимологические проблемы противодействия бандитизму [Текст] / А.М. Абдулатипов // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: сборник материалов круглого стола, посвященного 10-летию образования филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по СКФО (г. Ставрополь, 28 июня 2013 года). – Ставрополь: Изд-во АГРУС Ставропольск. гос. аграр. ун-та, 2013. – С. 8-20.

117. Агапов, П.В. Формы бандитизма и проблемы его квалификации (по материалам судебной практики) [Текст] / П.В. Агапов // Противодействие современной преступности: оценки эффективности уголовной политики и качества уголовного закона: сборник научных трудов. – Саратов: Сателлит, 2010. – С. 277-282.

118. Азизов, У.А. Становление советского права и некоторые особенности развития институтов преступления и наказания в Бухарской Народной

Советской Республике [Текст] / У.А. Азизов // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – 2015. – №3/4(170). – С. 78-82.

119. Антонов – Саратовский, В.П. О бандитизме. Доклад в судебной секции Института судебной политики [Текст] / В.П. Антонов – Саратовский // Советская юстиция. – 1936. – №15. – С. 17-18.

120. Баринова, Ю.Д. Проблемы квалификации бандитизма [Текст] / Ю.Д. Баринова // Материалы XIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», 16-20 апреля 2011 г.: Государство и право. – Новосибирск: СибАГС, 2011. – С. 151-153.

121. Белокуров, О.В. Организованная преступность: история развития и формы проявления [Текст] / О.В. Белокуров // Вестник Московского ун-та. Сер.11: Право. – 1992. – №4. – С. 52-58.

122. Бобоев, Х.Н. Роль следственного аппарата прокуратуры в борьбе с бандитизмом в Таджикистане [Текст] / Х.Н. Бобоев // Прокурорская и следственная практика. Орган генеральных прокуроров стран СНГ. Москва, 2000. – №3-4. – С. 97-100.

123. Бобоев, Х.Н. Некоторые вопросы борьбы с бандитизмом. Роль следственного аппарата в данной борьбе [Текст] / Х.Н. Бобоев // Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – 1996. – №1. – С. 24-26.

124. Борисова, С.В. Проблема отграничения бандитизма от смежных составов преступлений и проблема квалификации деяний, совершаемых в процессе бандитизма [Текст] / С.В. Борисова // Вестник МГЛУ. Вып. 508. Серия: «Право». – М.: МГЛУ, 2005. – С. 18-24.

125. Быков, В. Что такое организованная группа [Текст] / В.М. Быков // Российская юстиция. – М., 1995. – №10. – С. 41-42.

126. Бычков, В.В. Вооруженность банды: совершенствование нормативной базы по противодействию бандитизму [Текст] / В.В. Бычков // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2013. – №10. – С. 67-70.

127. Гравина, А.А. Некоторые вопросы квалификации бандитизма [Текст] / А.А. Гравина // Комментарий судебной практики. Вып. 2. – М.: Юрид. лит., 1995. – С. 135-146.

128. Долгова, А.И. Организованная преступность, ее развитие и борьба с ней [Текст] / А.И. Долгова // Организованная преступность. Вып. 3. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1996. – С. 6-56.

129. Добряков – Зверев. Что такое бандитизм [Текст] / Добряков – Зверев // Народное право: Изд. Отдела юстиции Тверского губисполкома. - М., 1918. – № 7. – С. 373.

130. Зобов, В.Е., Колосов, Б.В. Тенденции и характерные черты организованных групп на современном этапе [Текст] / В.Е. Зобов, Б.В. Колосов // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией. – М., 1995. – С. 19-22.

131. Зокиров, З.Х. Конфискация имущества в уголовном законодательстве Таджикской ССР (1917-1937 г.г.) [Текст] / З.Х. Зокиров // Журнал «Вестник Науки и Творчества» (Материалы международных мероприятий Общества Науки и Творчества (г. Казань), за март 2018 г.). – 2018. – №3(27). – С. 27-30.

132. Зокиров, З.Х. История развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о конфискации имущества [Текст] / З.Х. Зокиров // Весник ТНУ. – 2016. – №2/6 (210). – С. 234-241.

133. Казакова, В.А. Вооруженная преступность как состовная часть организованной преступности [Текст] / В.А. Казакова // Организованная преступность, терроризм, коррупция: криминологический ежеквартальный альманах. Вып. 2. – М., 2003. – С. 129-140.

134. Казакова, В.А. Вооруженная преступность: сравнительный анализ [Текст] / В.А. Казакова // Российская юстиция. – 2003. – №7. – С. 69-71.

135. Казакова, В. Уголовно-правовая классификация оружия [Текст] / В.А. Казакова // Уголовное право. – М.: Интел Синтез, 2002. – №4. – С. 21-23.

136. Кобец, П.Н. Краснова, К.А. Криминологические проблемы взаимосвязи рецидивной преступности и бандитизма [Текст] / П.Н. Кобец, К.А. Краснова //

Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – М.: Юрист, 2011. – №3. – С. 15-19.

137. Мальцев, В. Ответственность за организацию или участие в незаконных вооруженных формированиях [Текст] / В. Мальцев // Российская юстиция. – 1995. – № 9. – С. 35-37.

138. Маринкин, Д.Н. Маринкина, Ю.А. Уголовно-правовая характеристика бандитизма [Текст] / Д.Н. Маринкин, Ю.А. Маринкина // Вестник Пермского ун-та. – 2014. – №1 (23). – С. 292-297.

139. Меркушев, Е.А. Внимание: банда [Текст] / Е.А. Меркушев // Человек и закон. – М., 1997. – № 4. – С. 31-34.

140. Олимова, С.К., Олимов, М.А. Независимый Таджикистан: трудный путь перемен [Текст] / С.К. Олимова, М.А. Олимов // Восток. – 1995. – №1. – С. 138-146.

141. Осин, В. Правовые возможности борьбы с организованной преступностью [Текст] / В. Осин // Советская юстиция. – М.: Юрид. лит., 1990. – №15. – С. 7-9.

142. Осин, В.В., Константинов, В.И. Организованная преступность и правовые возможности борьбы с ней [Текст] / В.В. Осин, В.И. Константинов // Проблемы организованной преступности. – М., 1990. – С. 49-56.

143. Разинкин, В.С. Организованная преступность в период реформ в России [Текст] / В.С. Разинкин // Организованная преступность. Вып. 3. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1996. – С. 74-92.

144. Рощевский, А.А. История становления и развития Уголовного законодательства об ответственности за бандитизм [Текст] / А.А. Рощевский // Наука и образование сегодня. – М., 2018. – С. 91-93.

145. Рустамов, А.Х. Некоторые вопросы борьбы УБОП МВД Республики Таджикистан против организованной преступности [Текст] / А.Х. Рустамов // Труды Академии МВД РТ. – Душанбе, 2001. – С. 68-75.

146. Сатторов, Г.С. К вопросу о новом Уголовном Кодексе Республики Таджикистан [Текст] / Г.С. Сатторов // Государство и право. – Душанбе, 1999. – №2. – С. 71-74.

147. Стельмах, В.Ю. Понятие устойчивости банды [Текст] / В.Ю. Стельмах // Следователь. – 1997. – №5. – С. 29-30.

148. Тарбагаев, А.Н., Челнокова, Т.А. Проблемы квалификации преступлений, совершенных участниками преступного сообщества [Текст] / А.Н. Тарбагаев, Т.А. Челнокова // Уголовное право. – 2012. – №3. – С. 59-65.

149. Яни, П.С. Сопряженность не исключает совокупности [Текст] / П.С. Яни // Законность. – 2005. – №2. – С. 25-27.

IV. Диссертации и авторефераты

150. Абдухамитов, В.А. Уголовная ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования: на материалах Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Абдухамитов Валиджон Абдухалимович. – Бишкек, 2009. – 24 с.

151. Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование [Текст]: дис. … д-ра юрид наук: 12.00.01 / Азизов Убайдулло Абдуллоевич. – Душанбе, 2015. – 413 с.

152. Ахметов, Н.И. Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц (по материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ахметов Нарзуллохон Иззатуллоевич. – М., 1995. – 229 с.

153. Алиев, А.Н. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, совершаемой членами организованных преступных формирований (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Алиев Алижон Носирджонович. – Люберцы, 2013. – 29 с.

154. Афиногенов, С.В. Соучастие в преступлении (понятие, виды и формы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Афиногенов Сергей Владимирович. – Москва,1991. – 29 с.

155. Буриев, И.Б. Действие мусульманского права в дореволюционном Таджикистане, VIII - начало XX вв. [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Буриев Имонкул Бозорович. – Душанбе, 1998. – 204 с.

156. Белеков, Б.С. Методика расследования бандитизма (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Белеков Барман Самидинович. – Москва, 2007. – 207 с.

157. Борисова, С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Борисова Светлана Владимировна. – М., 2006. – 189 с.

158. Бычков, В.В. Уголовно-правовое противодействие бандитизму [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бычков Василий Васильевич. – Екатеринбург, 2008. – 198 с.

159. Геворкян, М.В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Геворкян Мартин Вараздатович. – СПб., 1997. – 156 с.

160. Глазкова, Л.В. Бандитизм и преступное сообщество: вопросы разграничения [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Глазкова Лилия Владимировна. – Москва, 2012. – 25 с.

161. Гришанин, П.Ф. Понятие преступной организации и ответственность ее участников по советскому уголовному праву [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гришанин Петр Феоктистович. – М., 1951. – 20 с.

162. Джакупбеков, А.З. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования бандитизма (по материалам Кыргызской Республики) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Джакупбеков Аскат Замирович. – Бишкек, 2010. – 223 с.

163. Ивахненко, А.М. Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства (Проблемы соотношения составов) [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ивахненко Алла Михайловна. – М., 1996. – 24 с.

164. Казакова, В.А. Вооруженная преступность: Криминологические и уголовно-правовые проблемы [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Казакова Вера Александровна. – М., 2003. – 332 с.

165. Каримбеков, А.Ж. Уголовно-правовые и специально-профилактические меры борьбы с бандитизмом (по материалам Кыргызской Республики) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Каримбеков Алик Жолдошмаматович. – Москва, 1999. – 180 с.

166. Камолов, З.А. Система наказаний по Уголовному кодексу Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – 23 с.

167. Краснова, К.А. Предупреждение бандитизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Краснова Кристина Александровна. – Москва, 2011. – 34 с.

168. Комиссаров, В.С. Уголовная ответственность за бандитизм [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Комиссаров Владимир Сергеевич. – М., 1983. – 22 с.

169. Курбатова, Г.И. Ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.00 / Курбатова Генриетта Ивановна. – Свердловск, 1967. – 28 с.

170. Махмудов, И.Т. Теоретические основы и научно-практические проблемы прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Махмудов Изатулло Тешаевич. – Москва, 2008. – 37 с.

171. Мирзоахмедов, Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации [Текст]:

дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мирзоахмедов Фирдавс Ахмадович. – Москва, 2016. – 194 с.

172. Муллаев, М.М. История уголовного права Таджикской ССР [Текст]: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.00 / Муллаев Мансур Муллаевич. – Душанбе, 1966. – 66 с.

173. Муллаев, М.М. История уголовного права Таджикской ССР [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.00 / Муллаев Мансур Муллаевич. – Душанбе, 1966. – 606 с.

174. Муркштис, М.И. Ответственность за бандитизм [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Муркштис Мариус Иокубович. – М., 2007. – 24 с.

175. Набиев, М.М. Национально-психологические особенности таджиков и специфика их проявлений в этническом общении [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.12 / Набиев Мехродж Мирзонабиевич. – Москва, 1995. – 24 с.

176. Попова, О.А. Проблемы дифференциации ответственности за бандитизм (Исторический и уголовно-правовой аспекты) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Попова Оксана Анатольевна. – Екатеринбург, 2001. – 184 с.

177. Пинчук, В.И. Виды преступных организаций и ответственность их участников по советскому уголовному праву [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Пинчук Владимир Иванович. – Ленинград, 1960. – 18 с.

178. Розикзода, А.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей: опыт России и Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Розикзода Алихони Абдулхаким. – СПб., 2011. – 24 с.

179. Рахимзода, Р.Х. Оперативно-розыскная политика по обеспечению экономической безопасности Республики Таджикистан: проблемы теории, методологии и практики (историко-правовой и общетеоретический анализ) [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Рахимзода Рамазон Хамро. – Душанбе, 2018. – 581 с.

180. Сальников, А.В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сальников Артём Владимирович. – Москва, 2018. – 183 с.

181. Сафаров, А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сафаров Анвар Исломович. – Москва, 2011. – 229 с.

182. Сайдамиров, Б.Ш. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом (по материалам РТ) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сайдамиров Баходур Шовалиевич. – Санкт-Петербург, 2002. – 165 с.

183. Сафаров, И.Д. Правовая система государства Саманидов (IX-X вв.) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сафаров Иномджон Давронджонович. – Душанбе, 1998. – 195 с.

184. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право [Текст]: в 2 ч. Ч. 1 / Н.С. Таганцев. – Москва: Юрайт, 2019. – 414 с.

185. Талезари, Али Аббас. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Талезари Али Аббас. – Душанбе, 2014. – 25 с.

186. Тенчов, Э.С., Степанова, И.Б. Криминология [Текст]: учебник / Э.С. Тенчов, И.Б. Степанова; под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. – 608 с.

187. Халиков, А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Халиков Абдурахим Гафорович. – Душанбе, 2004. – 421 с.

188. Холиков, Ш.Л. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Холиков Шерали Лоикович. – Душанбе, 2018. – 178 с.

189. Хулапова, Л.Г. История уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в

Турк. ССР [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хулапова Лилия Георгиевна. – Ташкент, 1972. – 23 с.

190. Хошимов, Х.Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хошимов Хошим Джумаевич. – Москва, 2009. – 20 с.

191. Чернова, К.Т. Организованные группы расхитителей социалистического имущества [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.07, 12.00.09 / Чернова Клара Тимофеевна. – Москва, 1974. – 19 с.

192. Шарипов, Т.Ш. Условное освобождение от отбывания наказания: проблемы теории, законодательства и практики (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Шарипов Такдиршох Шарифович. – Москва, 2008. – 56 с.

V. Правоприменительная практика:

193. Архив Верховного Суда Республики Таджикистан за 2011 год. Уголовное дело №11917; №12304.

194. Архив Суда города Душанбе Республики Таджикистан за 2011 год. Уголовное дело №2062.

195. Архив суда Хатлонской области Республики Таджикистан за 2010 год.

196. Архив суда района Сино города Душанбе за 2017 год. Уголовное делао №1-232/17.

VI. Словари и справочные издания:

197. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – Т. 2. – М., 1991. – 768 с.

198. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах [Текст] / В.И. Даль. – М.: Русский язык 2002г. – 2734 с.

199. Максимов, С.В. Краткий криминологический словарь [Текст] / С.В. Максимов. – М.: Юристъ, 1995. – 31 с.

200. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

201. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: ООО Издательство «Мир и образование»; ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с.

202. Советский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: «Советская энциклопедия», 1985. – 1600 с.

203. Фарханги истилохоти хукук [Текст] / Под ред. М.А. Махмудова. – 3-е изд.– Душанбе: ЭР-граф, 2012. – 612 с.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

1. Научные статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан

[1–А]. Оралбаев, Х.Х. Бандитизм и смежные с ним категории в источниках досоветского уголовного законодательства: опыт системного анализа [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2012. – №3/8 (101). – С. 118-123. ISSN 2074-1847

[2–А]. Оралбаев, Х.Х. Эволюция правового закрепления ответственности за бандитизм в уголовном законодательстве Советского Таджикистана [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2013. – №3/2 (108). – С. 61-67. ISSN 2074-1847

[3–А]. Оралбаев, Х.Х. Особенности проявления бандитизма как вида организованной преступности [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Вестник Педагогического университета. – Душанбе, 2014. – №3 (58-2). – С. 91-97. ISSN 2219-5408

[4–А]. Оралбаев, Х.Х. Бандитизм: субъективные признаки состава преступления [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Москва, 2015. – №24(735). – С. 86-96.

[5–А]. Оралбаев, Х.Х. Проблемы разработки мер криминологического предупреждения бандитизма [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Вестник Российско –

Таджикского (Славянского) Университета. – Душанбе, 2018. – №3 (63). – С. 17-23.

[6–А]. Оралбаев, Х.Х., Сафарзода, А.И. К вопросу об определении объективных признаках бандитизма [Текст] / А.И. Сафарзода, Х.Х. Оралбаев // Вестник ТНУ. – Душанбе: Сино, 2020. – №5. – С. 219-224. ISSN 2413- 5151

[7–А]. Оралбаев, Х.Х. Причины и условия развития организованной преступности и бандитизма [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. – Душанбе, 2021. – №3(37). – С. 291-296. ISSN 2308-054X

[8–А]. Оралбаев, Х.Х., Азиззода, У.А. Характеристика бандитизма как преступной организации [Текст] / У.А. Азиззода, Х.Х. Оралбаев // Научно-информационный журнал «Правовая жизнь». – Душанбе, 2021. – №3 (23). – С. 271-281.

[9–А]. Оралбаев, Х.Х., Азиззода, У.А. К вопросу определения объекта бандитизма [Текст] / У.А. Азиззода, Х.Х. Оралбаев // Законодательство: Журнал Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2022. – №1 (45). – С. 103-107. ISSN 2410-2903

2. Научные статьи, опубликованные в иных журналах и сборниках

[10–А]. Оралбаев, Х.Х. Особенности доказывания по делам о бандитизме [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Сборник статей научно-практической конференции Финансово-экономического института Таджикистана, посвященной Году молодежи. Душанбе, 2017 г. – Душанбе, 2017. – С. 201-203.

[11–А]. Оралбаев, Х.Х. Проблемы соотношения терминов «бандитизм» и «организация преступного сообщества (преступной организации)» [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Сборник статей научно–практической конференции профессоров и преподавателей Таджикского государственного финансово-экономического университета, посвященной Году развития туризма и народных ремесел. Душанбе, 27-28 апреля 2018 г. – Душанбе, 2018. – С. 286-288.

[12–А]. Оралбаев, Х.Х. Проблемы законодательного регулирования объективных признаков бандитизма [Текст] / Х.Х. Оралбаев // Материалы первой научно-практической конференции по теме «Право и экономика». Таджикский государственный коммерческий университет, 2019 г. – Душанбе, 2019. – С. 168-175.

[13–А]. Оралбаев, Х.Х., Сафарзода, А.И. Формы бандитизма и его соотношение со смежными составами [Текст] / А.И. Сафарзода, Х.Х. Оралбаев // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития». РТСУ, Душанбе, 30.10.2020. – Душанбе, 2020. – С. 326-330.

[14–А]. Оралбаев, Х.Х., Сафарзода, А.И. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства о бандитизме по законодательству Республики Таджикистан и стран СНГ [Текст] / А.И. Сафарзода, Х.Х. Оралбаев // Юридический журнал РТСУ. – Душанбе, 2020. – № 3(3). – С. 109-113.

[15–А]. Оралбаев, Х.Х., Азиззода, У.А., Некоторые вопросы становления и развития уголовной ответственности за бандитизм в Республике Таджикистан [Текст] / У.А. Азиззода, Х.Х. Оралбаев // Сборник статей Республиканской научно-теоретической конференции «Основания укрепления государственной независимости Республики Таджикистан в условиях нарастания информационных угроз и опасностей». ТНУ, Душанбе, 9.03.2022 г. – Душанбе, 2022. – С. 20-29.